

НОВГОРОДИКА NOVGORODICA

№ 5

2023

Министерство культуры Новгородской области
Новгородская областная универсальная научная библиотека

№ 5

НОВГОРОДИКА
NOVGORODICA

2023

АЛЬМАНАХ

Великий Новгород — Москва

2023

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н 72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Б.Н. Ковалёв, д-р филол. наук Т.В. Шмелёва,
д-р Э. Лёфstrand, д-р ист. наук Е.А. Рыбина,
канд. ист. наук Г.М. Коваленко, канд. ист. наук В.Г. Смирнов,
канд. ист. наук И.В. Хохлов, учёный секретарь НГОМЗ Т.Н. Ярыш,
гл. ред. Е.В. Барканова, отв. ред. Т.А. Данько

НОВГОРОДИКА : альманах / гл. ред. Е.В. Барканова ; Министерство культуры Новгородской области ; Новгородская областная универсальная научная библиотека. — Вып. 5. — Великий Новгород — Москва : ООО «Издательство «Вече», 2023. — 224 с.

ISBN 978-5-4484-4684-9

Знак информационной продукции 12+

На страницах нового выпуска просветительского альманаха «Новгородика» представлены разнообразные материалы о явлениях культуры Новгорода и его земель, сохранении документального наследия, а также по истории повседневности начиная с XVII века.

Значительную часть издания составляют статьи и исследования, посвящённые «храмам мудрости» — библиотекам Софийского собора, Новгородской публичной, собранию книг архиепископа Феофана (Прокоповича) и редким изданиям на иностранных языках Новгородской областной универсальной научной библиотеки.

Альманах завершает публикацию о военном министре, реформаторе русской артиллерии и главном начальнике военных поселений графе А.А. Аракчееве, знакомит с интересными и значимыми именами соотечественников — поэта и переводчика Сергея Петрова, подвижницы и хранительницы памяти С.В. Рахманинова Тамары Самсоновой.

© Коллектив авторов, 2023
© Новгородская областная универсальная
научная библиотека, 2023
© Новгородский музей-заповедник, 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

НОВГОРОД

- Попова Е.М.* Великий Новгород времён Смуты начала XVII века:
моменты из повседневной жизни города5
- Осетрова О.В.* Воскресный визит императрицы 11

ЭХО

- Кириллов А.Н.* Полковой театр27
- Петрова Л.А.* Новгородская публичная библиотека45

ДРЕВНОСТИ

- Библиотека Софийского собора71
- Куприянов И.К.* Исторический очерк Софийской библиотеки77
- Дубровин С.* Позёры в Новгороде. (Этнографическая наброска).
(Продолжение)83

КАФЕДРА

- Салонилов Н.В.* Владельческие записи на книгах из библиотеки
архиепископа Феофана (Прокоповича) 103

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- Смирнов В.Г.* Новгородские исторические рассказы: 111
- Рукописные книжные мастерские и кто такой Упырь Лихой 112
- Несчастливая звезда Бартоломея Готана 114
- Трудный выбор владыки Геннадия 116
- Тайна анонимной типографии..... 118
- Пикалёва Д.А.* Книги с историей 121

АРХИВ

- Зорин Б.К.* Пристальный взгляд сквозь столетия 131

ВЕРНИСАЖ

- «Явление в культурной жизни Великого Новгорода» 141
Маркова Т.Н. Умеющие творить и созидать! 143

ИМЕНА

- Папешин В.Н.* «Он был идеальным исполнителем, способным воплотить в жизнь грандиозные предназначения». (*Продолжение*) 151
Коваленко Г.М. «Осколок Серебряного века» 167
Демидов В.В. Хранительница 173

EXTRANEA

- Востров А.В.* Эйольф Матсон. Судьба аландского финна в Советском Союзе 182

EXLIBRIS

- Морылёва Н.И.* Энциклопедия новгородской жизни 191
Цинцадзе Н.С. Новгородские библиографы — хранители наследия Г.Р. Державина 205
Колотушкин В.Г. Беспримерное мужество 208

Елизавета Попова

Смутное время и события в Новгороде в начале XVII века всегда привлекали пристальное внимание как зарубежных, так и отечественных историков. Особенно актуальными эти исследования стали в последние десятилетия. При этом предметом изучения являются не только военно-политические проблемы, но и история повседневности, бытовой жизни, которая может являться своеобразным индикатором характера взаимоотношений людей определённой эпохи.

Люди общаются друг с другом, и эта сторона их жизни определяется всё теми же историческими реалиями, что и экономика, политика и культура. Вот почему обзор повседневной жизни Великого Новгорода времён шведской оккупации крайне важен для решения сложнейших исторических проблем.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД ВРЕМЁН СМУТЫ

НАЧАЛА XVII ВЕКА:

МОМЕНТЫ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА

В Новгороде во время Смуты действовала совместная шведско-русская администрация, которую возглавляли шведский наместник Якоб Делагарди и глава русской администрации князь Иван Никитич Большой Одоевский, что даёт основание некоторым

историкам говорить о сотрудничестве русской и шведской сторон в управлении городом, своеобразном компромиссном решении этого вопроса. В этой связи интересно рассмотреть отношения новгородцев и шведов в повседневной жизни. Воспринимали ли они друг друга

Граф Якоб Понтуссон Деллагарди.
Портрет из Национального музея Швеции

как враги, даже больше — воспринимали ли новгородцы шведов как оккупантов? Были ли столкновения между ними, и если да, то на какой почве?

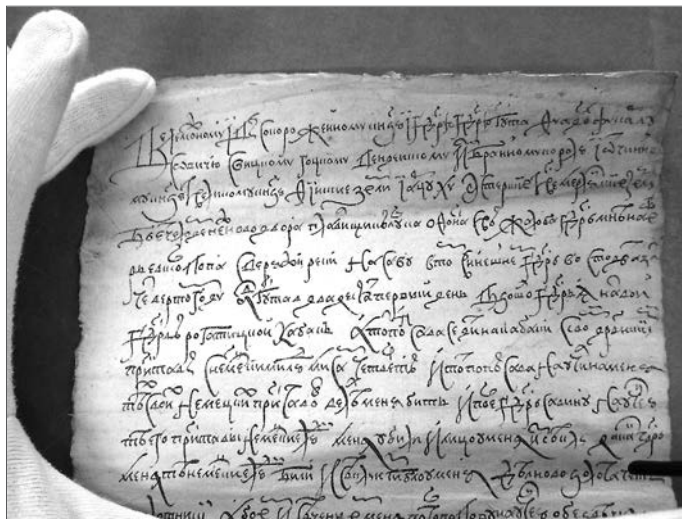
Некоторые историки уже работали в этом направлении. Например, Сергей Павлович Орленко, исследуя в целом взаимоотношения русских и иностранцев, считает, что русское население априори негативно относилось ко всем иноверцам, стараясь оградить себя от «*ереси иноземной*»¹. Адриан Александрович Селин полагает, что их отношения строились на базе «порядок-беспорядок» без учёта национального фактора и приводит как пример биографии иностранных переводчиков². По мнению Олега Григорьевича Усенко, конфликты

между русскими и шведскими «немцами» могли возникать исключительно по вине последних, в остальных же случаях поводов для столкновения, как правило, не возникало³.

Основные источники для изучения проблем повседневной жизни Новгорода Смутного времени — это, прежде всего, документы делопроизводства Новгородской приказной избы, так называемого Новгородского оккупационного архива (далее — НОА), который хранится в Государственном архиве Швеции⁴.

Среди них есть целая серия интереснейших исторических свидетельств, повествующих о бытовых сценах в городе. Один из таких сюжетов развернулся в питейном заведении Великого Новгорода в 1616 году⁵. Документ об этих событиях написан аккуратной скорописью на двух листах. На первом листе размещён текст жалобы пострадавшего в драке плавильщика монетного двора Лучки Офонасьева: «*Велеможному и высокороженному князю и государю, государю Густафу Адолфу Карлусовичю свицкому гоцкому вендеискому избранному королю и отчинному князю и великому князю финские земли и ариухуэрстерские и весмерлянские земли бьет челом денежново двора павилицик Лучка Офонасьев жалоба государь мне на Егорьевского попа С Веряжи реки на Саву*». В тексте челобитной Лучка Офонасьев жалуется, что 21 августа 1616 года он посетил после трудового дня кабак на Рогатице, где уже до его прихода сидел поп Савва с тремя приставами. Через какое-то время поп начал подстрекать немецких (т.е. иностранных) приставов начать драку, а точнее — избить Лучку.

Приставы не заставили себя долго ждать, о чём Лучка эмоционально сообщает: *«те его приставы немецкие люди меня убили и лицо у меня изсекли»*. Однако побои, нанесённые Лучке, стали не единственной его проблемой в тот вечер, ведь у него при себе были деньги, которые он обронил во время драки, а потом их кто-то забрал: *«да как государь меня те немецкие люди били и секли и згибло у меня делново золота четыре золотники»*.

Из челобитной
плавильщика денежного двора Лучки Офонасьева. 1616 г.

В конце челобитной Лучка просит шведского короля Густава II Адольфа Карлусовича рассмотреть его челобитную и учинить суд и расправу над жестоким обидчиком — попом Саввой.

На обороте этого листа текст отсутствует, а на втором листе сообщается о том, что по челобитной Лучки завели дело. Было велено по жалобе плавильщика монетного двора обратиться к Истому Демидову, чтобы тот сообщил, кто из целовальников был в кабаке на Рогатице в тот день. Целовальники, на которых укажет Истота, обязывались дать честные показания по поводу обстоятельств дела: *«Да на ком именем на целовальников Истота Демидов письмо даст и ему тем целовальники сыщат по государеву крестному целованю как пришол на рогатитцкой кабак Лучка плавильщик и в те поры тутто егоревской поп с веряжи Сава с своими с де-*

ревенскими приставы с немейцкими людьми были и на плавильщика на Лучку тех приставов бити научали и те приставы ево Лучку по наученю попа Савы били ли и лицо у него секли ли». Не оставили в стороне и вопрос пропажи денег у Лучки: чтобы найти «изрон», необходимо было провести обыск и допросить харчевников, которые были в кабаке в тот день. Велено было письменно зафиксировать всё, что отыщется во время обыска, и этот список прислать земскому дьяку, а подозреваемых в «изроне», т.е. тех, на кого укажут в расспросах, привести к королевским воеводам.

На обороте второго листа сохранилась такая запись: *«124 августа в 24 день сыскать кабацкими целовальниками и питихи и харчевники хто в том числе в то время на кабаке прилучилося»*. Запись ниже: *«и хто (зачеркнуто: то) именем тот изрон поднял»*.

Великий Новгород.
Гравюра из книги Адама Олеария
«Описание путешествия в Московию
и через Московию в Персию и обратно». 1656 г.

Из документа следует, что в кабаке произошла драка между плавильщиком Лучкой и немецкими приставами. Случилась она из-за того, что поп Савва, которого, вероятнее всего, Лучка знает, натравил шведов на плавильщика. Каковы же мотивы данного поступка? Точного ответа нет, вероятнее всего, он кроется в личных взаимоотношениях попа Саввы и плавильщика. Характерно и то, что саму жалобу Лучка составляет на попа-наводчика, а не на тех людей, которые его били, ведь виновным он считает именно Савву. Таким образом, в документе описан конфликт, который развернулся в питейном заведении между русскими при участии шведов. Очевидно, что в повседневной жизни новгородцы абсолютно спокойно относились к тому, что могли встретить шведа в любом месте города в любое время, поспорить, пообщаться, так же как они обща-

лись бы с новгородцами. Более того, из документа следует, что многие русские не только сотрудничали, но и поддерживали отношения со шведами на бытовом уровне. Так, поп Савва сидит в кабаке с тремя шведскими приставами. Казалось бы, зачем священнику находиться в подобной компании? Вряд ли это входило в должностные обязанности Саввы. Вероятнее всего, это абсолютно естественное времяпрепровождение, говорящее об отноше-

ниях новгородцев и шведов не только в плане должностных обязательств, но и в обыденной жизни.

О поддержке тесных взаимоотношений со шведами нам говорит ещё один отрывок судебного разбирательства, сохранившийся в архиве: «*Лета 7123 декабря в 27 день <...> волостные люди сказали по государеву крестному целованию немецкою пристав Сифорко с Титковой дочерю с девкою з Дункю воровал и с нею жил и по отца ее по Титковой дочери ее науку немчин Сифорко старосту Юря бил и саблю сек и нам волостным людем тот Сифорко по их научению шкоту чинил... да по ево ж Титкову науку немчин Сифорко у крестьянина у Иванка у Константинова отнял серги ево чатка, а отняв те серги дал ево Титковаи дочери носити...»⁶. Здесь описаны отношения, а именно — очевидное сожительство новгородской девушки Дуньки*

и шведского пристава, который выполнял многие просьбы её отца, вплоть до того, что отнял чужие серьги и подарил их своей подруге. Вновь можно заметить привлечение шведов в конфликты новгородцев и попытки силами шведов наказать нелюбимого соседа, а то и старосту. Как можно заметить, жалуются жители Тесова не на самого пристава, а на Титка, Дунькинова отца и на саму Дуньку. Это подтверждает факт отсутствия споров между шведами и новгородцами без видимых причин. Примечательно и то, что соседи, конечно, не одобряют поведение «непутёвой» Дуньки⁷, которая поменяла одного шведского пристава на другого — Христофорку. А всё это она себе позволяла, будучи при отце (даже можно сказать, что с его одобрения) и незамужней, поскольку в документах она именуется именно «девкой», в то время как замужние женщины назывались «женками».

Ещё один любопытный документ повествует о Денисе Сапожнике и его деяниях⁸. Жители Нутной улицы жаловались на своего нового соседа и обвиняли его в том, что он держит публичный дом на своём дворе: *«...никакова дурна по уликам не было ни корчмы ни блядни. И в наши Нутной улицы купил двор у вдовы Сапожник Дениско и к нам в улицу пришел жит и у ево живут воровские женки и чинитца блядня и приходят к нему во двор к тем женкам немецкие и русские люди и с теми женками нам уличанам угрожают угрозы всякие... и нам государь с тем воровством в улице жить немочно»⁹.*

Совершенно определённо, что жители Нутной недовольны таким положе-

нием дел и обвиняют держателя двора Дениса Сапожника, куда ходят и шведы, и русские. Часто уличане и гости публичного двора вступают в конфликты на бытовой почве, поскольку поведение последних местным жителям не нравилось, и новгородцы выступают против подобного поведения как шведов, так и русских. Ключевым в конфликте является нарушение порядка, а не сам факт посещения шведами «двора» Дениса Сапожника. Вызывает гнев и негодование соседей Дениса и поведение его «сотрудниц», которые в документах именуется «воровскими женками». Они сами выходили на улицу к возмущённым уличанам, оскорбляли и физической расправой и ложными доносами.

Кроме этого, шведы и русские встречались и видели друг друга в обычной жизни в разных местах, будь то кабак, публичный дом или другое заведение. Конфликтов на почве «швед-нешвед» зафиксировать не удалось. Примечательно и то, что уличане, пытались самостоятельно «уговорить» Дениса покинуть улицу, призвав на помощь старосту, а в результате получили ещё больше угроз. Поэтому они обращаются в суд, чтобы решить конфликт на законном уровне. Таким образом, в очередной раз становится очевидным значение правовых норм и порядка для новгородцев. Ответом на коллективную челобитную уличан была жалоба со стороны жены Дениса Сапожника на старосту, которая обвиняла его в «непристойном поведении», когда мужа не было дома¹⁰. Возможно, это была своеобразная попытка мести, чтобы староста был вынужден «выйти из игры».

Бытовые отношения шведов и новгородцев выстраивались по-разному, однако в документах не выявлены свидетельства какого-либо страха перед оккупантами или неприязни по религиозному или национальному признаку. Шведы активно участвовали в повседневной жизни Новгорода, вступали в контакты с местными жителями, с кем-то тесно общались, с кем-то ссорились, что, однако, не выходило за рамки бытовых конфликтов. Более того, русские

в своих потасовках использовали шведов как помощников ради сведения личных счетов. Нельзя утверждать в полной мере, что в общении новгородцев и шведов в период 1611—1617 годов не существовало напряжённости, и приведённые выше частные случаи позволяют судить лишь о конкретных ситуациях, но точно отсутствует в этих примерах что-то необычное, коренным образом отличающее их взаимоотношения от отношений новгородцев между собой.

¹ Орленко С.П. Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 137–141; Его же. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 69–81.

² Селин А.А. Указ. соч. С. 586–591; Он же. Новгородцы и шведы в 1611—1617 гг.: способы общения и посредники (по материалам Новгородской приказной избы и фонда «Сношения России со Швецией») // Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник: [официальный сайт]. URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/selin/page/1/pub238/> (дата обращения: 22.02.2017).

³ Усенко О.Г. Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Москва, 2006. С. 395–404.

⁴ Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403. Документы этого фонда объединены в две серии: книги и столбцы в виде свитков. В большинстве своём документы НОА не опубликованы, особенно это касается документов второй серии. Подробнее см.: Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611—1617 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Санкт-Петербург, 1997. С. 285–289.

⁵ Дело по челобитной плавильщика монетного двора Лучки Офонасьева о кабацкой драке и об изроне // RA, NOA. Series II: 36. Л. 1–2.

⁶ Дело о воровстве девки Дуньки, дочери Титка Романова // RA, NOA. Series II: 122. Л. 99.

⁷ Обыск Никиты Яковлевича Тыркова в селе Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева // RA. NOA. Serie II: 122. Л. 60–61.

⁸ Дело о воровстве Дениса Сапожника // Riksarkivet. NOA. Series II: 177. Л. 1–3.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Челобитная жены Дениса Сапожника // Riksarkivet. NOA. Series II: 177. Л. 4.

Ольга Осетрова

ВОСКРЕСНЫЙ ВИЗИТ ИМПЕРАТРИЦЫ

*Приезд императрицы Александры Фёдоровны
с дочерьми в Новгород. Декабрь 1916 года*

Зимой 1916 года в Новгород приезжала последняя российская императрица с дочерьми. Николай II вместе с цесаревичем в это время были в Ставке. Поездка была задумана ещё в 1915 году, но отложена — скорее всего, из-за несоответствия узкоколейных железнодорожных путей габаритам императорского поезда. Модернизировать железную дорогу до Новгорода собирались почти 40 лет, но осуществили задуманное лишь в марте 1916 года. Узкоколейка ограничивала торговые возможности губернии, а во время Первой мировой войны создавала дополнительные неудобства при перемещении раненых и доставке военных грузов. Именно военные потребности ускорили прокладку соответствующих им железнодорожных путей.

Новгород в то время был тихим российским провинциальным городом, напоминавшим о своей особенной благодати большим количеством древних церквей. При этом город никогда не забывал своё республиканское прошлое: в декабре 1914-го новгородцы при поддержке местного Общества любителей древности отправили правительству ходатайство о возвращении в названии Новгорода слова Великий. Правда, это

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

подчёркнутое уважение к древней истории не совсем сочеталось с нюансами прокладки в том же году железной дороги из Петрограда в Орёл, проходившей через город как раз рядом со значимыми историческими местами — Рюриковым городищем и Юрьевым монастырём, где и планировалось построить мост. Конечно, уникальный исторический ландшафт города такое соседство нарушило бы. Защитники исторического облика города

Строящаяся опора у Городища.
Снимок П.П. Покрышкина. 1917 г.

подняли шум, рассказав о своём беспокойстве даже в столичной прессе [2, с. 4]. Но новгородский губернатор справедливо видел в новой железой дороге значительные экономические выгоды для губернии, поэтому стремился к реализации этого важного государственного проекта. Нашлись и другие сторонники. Завершить прокладку путей помешали события 1917—1920 годов. Посреди Волхова до сих пор стоят те самые каменные «быки» несостоявшегося моста.

Царица и Великие княжны приезжали в Новгород 11 декабря 1916 года, всего на один воскресный день. Впервые за долгий период Александра Фёдоровна заранее официально сообщила о своей поездке — этот нюанс она подчеркнула

в своём письме мужу, объяснив и причину: *«чтобы увидеть больше народу»* [5, с. 170]. Обязательным предполагалось посещение лазаретов, поэтому было бы ошибочно считать их приезд *«частным визитом для осмотра соборов»* [17]. Царь в ответном письме успокаивал супругу будущими приятными впечатлениями, добавляя, что *«новгородский губернатор превосходный человек»*, и просил передать ему свой поклон [5, с. 174].

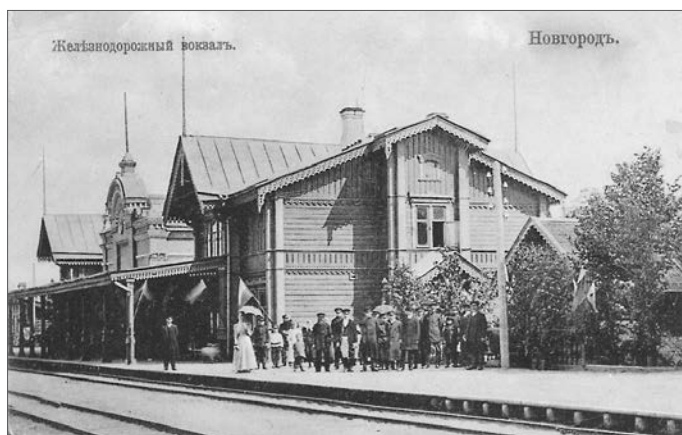
Были соблюдены все необходимые формальности: предварительный план визита, составленный новгородским губернатором, накануне отъезда утвердили в императорской службе протокола. Императрица после возвращения подтвердила положительную характеристику губернатора — *«он был безупречен, и организовал все разъезды таким образом, что мы всюду попевали вовремя, и подпускали толпу близко к нам»*. Новгород она назвала восхитительным старинным городом: *«Так много исторического в Новгороде, что чувствуешь себя как бы перенесенной в другую эпоху!»* [1, с. 231]. Ольга Николаевна написала так: *«Город маленький, и этим симпатичен»*. И тоже хвалила губернатора: *«Иславин молодец, не позволяя нигде слишком долго застревать, собирал раненых из маленьких лазаретов в один большой и т.д.»* [1, с. 233].

Подробную картину этой воскресной поездки можно составить, используя воспоминания участников событий, переписку императорской четы, заметки в прессе, а также письма Великих княжон своему отцу, Николаю II.

На железнодорожной станции Новгорода гостей встречали губернатор Михаил Владимирович Иславин с су-

пругой Марфой Валериановной, а также другие важные официальные лица. Начальник гарнизона произнёс рапорт, а городской голова и члены Новгородской городской управы подготовили хлеб-соль и приветственное слово [15]. Императрицу с дочерьми сопровождали несколько человек свиты и родственники, князья Романовы — Иоанн Константинович и Андрей Александрович.

Новгород принял августейших гостей очень тепло. «Эскадрон улан и запасной полк стояли шпалерами и кричали "ура", а некоторые старые дяди усиленно кивали и снимали папахи», — так описывает встречу на железнодорожном вокзале Великая княжна Ольга Николаевна. Присутствовали и традиционные для таких встреч «хоры музыки» и гимназисты. Проезд по городу также сопровождался криками «ура» от новгородцев [10, с. 1624]. Вся Соборная площадь и ближайшая к ней улица Людогоща были переполнены народом. Кстати, любопытно, как всего одна буква, пропущенная во фразе, может менять смысл происходящего: в одном из вариантов публикации письма Ольги Николаевны об этом визите написано про «*маленькую толкотню моторов*», что буквально означает небольшие пробки, но для Новгорода 1916 года такое количество автомобилей было бы удивительным. В другой редакции писем

Новгород. Железнодорожный вокзал. Открытка нач. XX в.
Издание табачного магазина В.С. Коршунова.
НГМ КП 30278/1 ОПИ/ИГ-842

и дневников Великих княжон говорится о «*маленькой толкотне у моторов*» [1, с. 234], и это уже не про машины, а про множество людей, подошедших близко. Скорее всего, верен второй вариант.

Порядок усилиями полиции сохранялся образцовый, да и сама публика, по мнению авторов репортажей об этом визите, «*понимала всю святость встречи*». «*Стоустная молва собрала по пути Государыни чуть ли не весь Новгород и его окрестности*», — так написали в газетах [13]. «Волховский листок» констатировал: «*11 декабря запечатлится до гроба жизни в сердцах новгородцев, имевших счастье видеть обожаемую царицу. Многие плакали от умиления*» [3].

Александра Фёдоровна и сопровождавшая её фрейлина Анна Вырубова даже почувствовали себя значительно лучше, чем накануне, и смогли самостоятельно пройти вверх по лестнице здания Дворянского собрания. Перед поездкой

Великие княжны
Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия.
Фото 1914 г. ГК 7242219

обе дамы слегли: императрица с сердечными болями, Анна — с болями в ногах (последствия серьёзной травмы в железнодорожной аварии).

Дополнительные подробности из писем Великих княжон приближают тот день, 11 декабря 1916 года, к нашему времени, оживляя историю. Каждая из августейших дочерей в личном письме отцу рассказала о своих впечатлениях, с присущими тому времени эмоциональными оборотами речи — «ужасно хорошо», «страшно мило», и трогательно подписалась условными между ними словами — «твой Вознесенец» (Татьяна), «твой Казанец» (Мария), «твой Каспиец» (Анастасия). Старшая Великая княжна Ольга почему-то письмо про Новгород подписала «твой Пластун»,

хотя всегда обозначала себя по-другому — «твой Елисаветградец». Письма старших — Ольги и Татьяны — подробные, младших — Марии и Анастасии — короткие. Например, в письме Анастасии от 15 декабря всего несколько строк: «Ты уже знаешь, как мы съездили в Новгород, Ольга тебе много писала об этом. По-моему, было хорошо! Так уютно было спать в поезде, и чувство было немного, как будто мы едем к тебе в Могилёв. Ужасно крепко целую тебя и маленького Алексея. Любящий тебя твой верный и преданный маленький 15-летний Каспиец».

Татьяна написала другими словами, но про то же, что и младшая сестра, — о сильном желании увидеться, снова приехать в Ставку: «Дорогой мой папа душка! Хорошо было, но жаль, что мы не могли на обратном пути свернуть от станции Чудово на Бологое и дальше. Надеюсь страшно, что ты к нам скоро приедешь... Крепко, крепко целую тебя и Алексея» [1]. Августейшие дочери своего отца обожали и очень скучали в разлуке. Дочерям царь отвечал отдельными письмами, сохраняя особую связь с каждой.

Из дневников девочек известно, что накануне поездки в Новгород у них с утра были уроки — немецкий, французский и арифметика, после завтрака к 14 часам они вместе с матерью отправились на освящение лазарета цесаревича Алексея, переехавшего в казармы 3-го Стрелецкого полка из помещений Военной академии, потом посетили ещё два лазарета. После традиционного чаепития в 17 часов сёстры катались с фрейлиной императрицы Софьей Карловной

Буксгевден на тройке, потом читали, музицировали, посетили вечернюю службу в храме, далее заехали в лазарет. Оттуда субботним вечером 10 декабря императрица с дочерьми направились в поезд, который тихо выехал из Царского Села по направлению к Новгороду в 3.10. Ночевать в поезде Великие княжны очень любили, ведь по комфортности он был практически дворцом на колёсах [4; 6].

Императрица написала мужу по поводу ночного переезда: *«Девочки ликуют, но мне будет печально одной [без тебя]»*.

Александра Фёдоровна и её дочери за день визита — с 9.30 утра, когда прибыл поезд, и до момента их отъезда, ближе к 18.00 — успели побывать на двухчасовой службе в Софийском соборе и в пяти лазаретах. Также они посетили приют для детей беженцев, организованный местным отделением Татьянинского комитета, земскую больницу, Знаменский собор, Десятинный и Юрьев монастыри. *«Досадно, что все это пришлось проделать в такой спешке и нельзя было в достаточной мере отдаться молитве перед каждой святыней и разглядеть все детали»*, — писала императрица мужу.

В тот день в Новгороде шёл снег, было 3 градуса мороза, туманно и скользко, *«налипали из снега каблучки»*, и Великие княжны часто спотыкались [1, с. 232–233].

Софийский собор. Открытка. 1916 г.
Издание книжного магазина И.И. Доррера.
НГМ КП 39451/59 ОПИ/ИГ-2792

«Как великолепен Софийский собор! Только стоя перед ним, нельзя было хорошо его разглядеть», — вспоминала потом Александра Фёдоровна [1, с. 231]. В собор высокие гости вошли через южные ворота и остановились на молитву возле правого клироса.

Новгородский архиепископ Арсений (Стадницкий) в приветственной речи, которую царица назвала трогательной, сказал, что вместе с ним императрицу и её дочерей встречают все нетленные новгородские святые, и напомнил, что перед престолом Святой Софии молился св. благоверный князь Александр Невский перед борьбой с тевтонцами, предками нынешних врагов России. Именно здесь князь сказал свои знаменитые слова: *«Не в силе Бог, а в правде»*. И что теперь, *«во имя этой Божией правды, два с половиной года сыны великой Русской земли, с мечом в руках и с крестом в сердце, стоят на страже Родины, оберегая*

Архиепископ Арсений (Стадницкий).
Фото с сайта www.acmus.ru ЦАК МДА

целость и благо Святой Руси» [9, с. 1558]. Гостью новгородский архиепископ назвал ангелом утешения для раненых воинов.

Великие княжны во время службы стояли позади матери и трогательно о ней заботились, помогая подниматься с колен после молитв «Достойно есть», «Отче наш», молении о «вечной памяти христоробивым воинам, на брани живот свой положившим» [10, с. 1614]. Архиерейскую обедню сократили вдвое, хотя обычно она длилась четыре часа [1, с. 231]. Затем все гости обошли Софийский собор по периметру и приложились к святым мощам, специально

открытым для такого события. На молитвенную память они получили просфоры и иконы: императрице вручили икону Святой Премудрости Божией (её царица на следующий день отправила сыну в Ставку), Великим княжнам Ольге — икону свт. Никиты, Татьяне — икону св. архиепископа Иоанна, Марии — икону св. князя Владимира Ярославича, и Анастасии — икону св. князя Фёдора Ярославича.

Скорее всего, во время службы в соборе новгородцы присутствовали минимально, в первую очередь из соображений безопасности. Вот и один из очевидцев этих событий Владимир Иванович Хахилев, в ту пору гимназист, в своих воспоминаниях утверждал, что Софийский собор перед началом обедни был почти пустой: *«Александра Фёдоровна с дочерьми стояли перед алтарём с правой стороны (как если от Корсунских врат), в тёмной одежде. Архиепископ Арсений уже находился в алтаре, больше никого видно не было»* [11, с. 12]. Пробраться туда они смогли с сыном дьякона Десятинного монастыря Василием Наговским: перелезли через забор духовного училища и проскочили внутрь собора через алтарную дверь, но потом испугались и вернулись тем же путём обратно.

После Святой Софии царицу с Великими княжнами повели в Новгородское епархиальное древлехранилище, где хранились старинные иконы. Оно располагалось в соседнем с собором Архиерейском доме. Там же был и епархиальный лазарет, в котором в то время находился на лечении 41 раненый. Городовой врач Николай Григорьевич Чакалев рассказал

Александр Фёдоровне о деятельности лазарета, затем у каждого воина она спросила имя и из какого он полка. Вместе с Марией Николаевной императрица всем раненым преподнесла серебряные образки Казанской Божией матери, в том числе и тем, кто не мог встать с постели [10, с. 1617].

Про Древлехранилище Александра Фёдоровна и девочки детально рассказали в своих письмах, ведь Николай II

по-особенному относился к старинным иконам. Начиная с 1913 года, он ежегодно выделял из своих личных средств по 30 000 рублей на созданное в Русском музее Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины [1, с. 460]. Александра Фёдоровна поделилась с мужем подробными впечатлениями о новгородских экспонатах: *«В музее сокровища, собранные из старых церквей и монастырей три года назад. Дивные старинные иконы, заброшенные, покрытые пылью. Их стали очищать, и проглянули яркие краски. Очень интересно, мне очень хотелось бы в другой раз подробно рассмотреть всё это, тебе бы это тоже понравилось»*. Особенно заинтересовали царицу таблетки-святцы из Софийского собора, а также иконы «Молящиеся новгородцы» и «Осада Новгорода суздальцами». Пояснения по экспонатам давал заведующий Древлехранилищем дьякон Анатолий Васильевич Никифоровский.

Конкордин и Никифоровский в интерьере Новгородского древлехранилища. Фото нач. XX в. НГМ НВ 17382/154

Древлехранилище было доступно для посещения и обычным новгородцам, причём бесплатно. По желанию можно было наблюдать и работу реставрационной мастерской [12, с. 53].

Августейшей семье подарили первый том сборника церковно-археологического общества «Новгородская церковная старина», каталог Древлехранилища, описание Софийского собора и жития святых, почивающих в этом соборе [10, с. 1618]. Затем императрица и Великие княжны внесли свои имена в книгу посетителей. Ольга Николаевна в письме отцу упомянула, что из хранилища *«маму по трапам поднимали двое санитаров, которые потом получают в награду часы»*.

Завтракали гости в 13 часов «дома» — в императорском поезде. Для этих целей в составе поезда всегда был вагон-кухня, в котором готовили еду для августейших пассажиров и сопровождающих. Ольга

Николаевна в своём дневнике подробно перечисляет тех, кто с ними завтракал: «Кроме обыкновенных — Аня [Вырубова], Настенька [Гендрикова], гр. Апраксин, Ресин, Ходоровский, Колесников, начальник дороги, Иоанн, Андрюша и губернатор» [1, с. 230].

В письме Александры Фёдоровны об этом сообщается короче, но эмоциональнее: *«Солдаты уже разошлись (к счастью). Я позавтракала на диване, Аня в своём купе. У детей были Иоанчик, Андрюша, а также Иславин»* [1, с. 232; 5, с. 178].

В 14 часов августейшие гости поехали в небольшую земскую больницу, которой в то время заведовал Сергей Павлович Георгиевский, потом в Десятинный монастырь, куда прибыли, по одним данным, к 14.30, по другим — чуть раньше [12, с. 8; 14; 10, с. 1618]. Епископы Арсений (Стадницкий) и Алексей (Симанский), а также князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович всюду их сопровождали.

В Десятинном монастыре посетительницы встретила игуменья Людмила, духовенство и монахини. После короткого молебна и прикладывания к мощам св. Варвары гостям вручили иконы св. великомученицы Варвары, а также икону «Сошествия святого духа на апостолов» — дар монахинь Свято-Духова монастыря, который высокие гости посещать в тот день не планировали [10, с. 1618]. Ольга Николаевна в письме отцу шуточно дополняла, что *«монахини, как всегда, сильно толкались»*, а *«епископ Алексей воображал себя красавцем и делал подобающее выражение [лица]»* [1, с. 233]. Императрица тоже заметила приятную наружность новгородского

епископа, назвав Алексея (Симанского) *«чрезвычайно изящным»* [1, с. 231].

Александра Фёдоровна подробно написала мужу о важной для неё встрече с новгородской старицей Марией Михайловной в келье Десятинного монастыря, где она пробыла всего 11 минут [10, с. 1618]:

«Я посидела минутку в комнате игуменьи, а затем попросила, чтоб меня провели к старице Марии Михайловне, и мы прошли к ней пешком по мокрому снегу. Она лежала на кровати в маленькой темной комнатке, а потому мы захватили с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит вериги, сейчас они лежат около нее. Обычно она беспрестанно работает, шьет для каторжан и для солдат, притом без очков. Она седая, у нее милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка ее чрезвычайно приятна... Мы слишком торопились и кругом была суета, а то бы я охотно с ней побеседовала подольше... Я благодарю Бога за то, что он дал нам ее увидеть. Это она несколько лет тому назад просила, чтобы сняли копию с большого образа св. девы в Старой Руссе и отослали ее тебе. Но этого делать не хотели, считая, что образ слишком велик. Когда началась война, старица снова стала настаивать. Желание ее было исполнено, и она сказала, что мы все примем участие в крестном ходе. Оно так и вышло, когда этот образ привезли 5-го (?) июля прошлого года к Феодоровскому Собору — помнишь? А ты велел хранить образ при 4 стрелковом полке» [1, с. 232].

Духовный сын старицы вспоминал, что в день визита императрицы Мария

Михайловна была больна и лежала, но, когда в келью вошла государыня, старицу посадили в кровати. Государыня подошла и поцеловала её. Передав яблоко для царя, старица Мария взяла императрицу за руку, чтобы та поближе подошла, и на ухо предупредила беречься 1 марта. Императрица спросила: «Что же? Чернь будет бунтовать?» Старица ответила: «Будет большая каша». После императрицы с дочерьми, которым старица

тоже что-то говорила, в келью зашли князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович, им старица Мария велела верой и правдой служить царю и Отечеству [14].

Старица Мария дала гостям по образку и просфоре и подарила икону Знамения Божией Матери [1, с. 233], а потом всех благословила — императрицу иконой прп. Сергия Радонежского, а Великих княжон и князей — иконой св. великомученицы Варвары [10, с. 1618]. Духовный сын Марии Михайловны передал госте небольшую книжечку с жизнеописанием старицы [5, с. 180]. Подаренную старицей икону с пометкой на обороте, от кого она, Александра Фёдоровна летом 1917 года возьмёт с собой в ссылку. После расстрела в Екатеринбурге этот образ будет обнаружен среди царских вещей.

Новгородцы по всему маршруту движения императрицы стояли на улицах,

Десятинный монастырь.

Из книги Л.А. Секретарь «Монастыри
Великого Новгорода и окрестностей» (Москва, 2011)

ждали её появления. Гимназист Хахилев лично видел, как она выходила от старицы и вытирала слёзы. И даже причину слёз назвал — *«ей сказали, что вы все будете расстреляны, погибнете нехорошей смертью»* [11, с. 12]. Объяснялась такая детальная осведомлённость тем, что как будто в момент прихода императрицы в келье Марии Михайловны находился некто Темнов, купец первой гильдии из Санкт-Петербурга, и старица попросила его спрятаться за шкаф. И вот он там стоял и всё слышал, а потом рассказал своей матери, у которой автор воспоминаний В.И. Хахилев квартировал в 1920-е годы.

Конечно, учитывая незаурядность события, многое про этот визит было придумано: якобы и в Антониев монастырь августейшие гости заезжали, а это не так — в плотном расписании времени на это совершенно не осталось. И приезжали будто бы не четыре, а три

Юрьев монастырь. Открытка нач. XX в.
Издание М.Ф. Форселиус (г. Стокгольм).
НГМ КП 14557/43 ОПИ/ИГ-186

Великие княжны, без Ольги Николаевны [11, с. 11], но во всех официальных отчётах и газетных заметках упоминаются четыре дочери, с перечислением вручённых каждой гостье подарков. Письма и дневники Великих княжон тоже не дают усомниться в присутствии Ольги — и её личное письмо отцу с воспоминаниями о поездке, и фразы в письмах сестёр: *«Ольга тебе уже всё подробно написала»*.

После монастыря августейшие гости заезжали в приют для детей беженцев, который открыли для мальчиков, но перед посещением императрицы туда привезли и девочек. Этим приютом занималось местное отделение благотворительного комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, поэтому он и получил название Татьянинского [10, с. 1623]. Всего в Новгороде в то время действовало три приюта для детей беженцев — два других открыли местное

общество «Ясли» и Римско-католическое общество для детей поляков [8, с. 244].

В 15 часов столичные гости прибыли в Юрьев монастырь. *«До Юрьевского монастыря вёрст 5 от города, дорога очень тряская, но ничего, доехали...»*, — писала Великая княжна Ольга. Настоятелем монастыря был отец Никодим (Воскресенский), хороший знакомый императора — они вместе принимали участие в Восточ-

ном путешествии 1890—1891 годов на крейсере «Память Азова». Привет *«от старого Никодима, который тебя боготворит»*, передала Мария Фёдоровна мужу в письме. Настоятель тепло принял августейших гостей, встретив у Святых ворот Юрьева монастыря с крестным ходом. К этому же времени прибыли и владыка Арсений со своим викарием Алексием [10, с. 1619]. Выйдя из автомобиля, государыня с дочерьми присоединились к крестному ходу до Георгиевского собора, где после краткого молебна приняли благословения от иеросхимонаха Кирилла и от самого настоятеля монастыря. В Спасском соборе Великие княжны в сопровождении архиепископа Арсения спускались в усыпальницу архимандрита Фотия и графини Орловой-Чесменской, а затем императрица беседовала с настоятелем в его покоях. В какой-то момент визита прозвучали подробности того, как

недавно губернатор вывез некоторые драгоценные подарки — «массу бриллиантовых вещей», княгини Орловой-Чесменской из Юрьева монастыря в сокровищницу Софийского собора. Об этом факте упоминается только в письме Ольги Николаевны. Скорее всего, в монастыре могли быть недовольные такими действиями губернатора, несмотря на то, что он выполнял распоряжение Синода от 24 ноября 1916 года. Вскоре в Новгороде состоялось заседание специальной комиссии по поводу усиления охраны Софийского собора, в котором сосредоточились многие ценности. Было принято решение о приглашении в собор дополнительного ночного сторожа... на средства Юрьева монастыря.

Отец Никодим каждой княжне подарил по иконе св. Георгия Победоносца, а также попросил императрицу передать икону этого святого и цесаревичу. В Юрьевом монастыре гости пробыли больше часа, расписались в монастырской Золотой Книге и уехали в Дворянское собрание. Там они пили чай в бывшей бильярдной на втором этаже с дворянами, находившимися на лечении в лазарете офицерами и сёстрами милосердия [10, с. 1619–1620].

Лазарет в Дворянском собрании располагался в большом зале и ещё в двух комнатах. Солдаты и офицеры находились в разных помещениях, нижних чинов на тот момент в лазарете было 60 человек. Во время чаепития архиепископ Арсений и жена губернатора сидели рядом с высокопоставленной гостьей. Марфа Валериановна передала императрице на нужды войны пять тысяч рублей от Дамского комитета [15].

Епископ Никодим (Воскресенский)

По дороге в Знаменский собор августейшие особы проезжали мимо памятника 1000-летию России, но останавливаться, чтобы подробно его рассмотреть, не стали — уже стемнело. Александра Фёдоровна при виде памятника сразу вспомнила о картине живописца Богдана Виллевальде «Открытие памятника Тысячелетию России в Новгороде 8 сентября 1862 года», которую видела в Большом дворце [1, с. 231; 5, с. 179]. Картина, написанная по заказу Александра II спустя два года после открытия, долгое время находилась в главной парадно-церемониальной анфиладе Екатерининского дворца в Царском Селе. Сейчас она в Музее изобразительных искусств Новгородского музея-заповедника.

Знаменский собор, 1682—1686 гг. Вид с северо-запада.
 Фото нач. XX в. НГМ КП 38066/2418 Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 164

В 16.30 Александра Фёдоровна с дочерьми прибыли в Знаменский собор, где приложились к древним святыням Новгорода — чудотворной иконе «Знамение», об истории которой им рассказал настоятель собора протоирей Анатолий Конкордин, и доставленной из Николо-Дворищенского собора чудотворной иконе святителя Николая [10, с. 1620]. Здесь в подарок госте вновь вручили икону «Знамение», на этот раз в дубовом футляре с пожеланием покровительства и защиты августейшему семейству. Именно этот образ Богоматери особо почитали новгородцы, называя икону «хозяйкой» и «многовековой защитницей» города. Здесь, в Знаменском соборе, императрица купила мужу икону и образок, а позже в письме попросила

повесить над своей кроватью [5, с. 181].

Знаменский собор с его расписными сводами и крутыми лестницами Александре Фёдоровне очень понравился, только времени рассмотреть подробнее не хватило. Иеромонах рижского архиерейского дома Пантелеймон передал государыне свою лепту на благотворительные нужды — талоны к двум сторублёвым облигациям внутреннего займа [15].

После собора поехали в необычную часовню неподалёку, где Богородица «явила свой лик

в печке». Печерская часовня Владимирской Божией матери находилась в саду на пересечении Знаменской и Нутной улиц. Чудотворный лик обнаружили в печи кельи одной из монахинь Павлова Варецкого монастыря [16, с. 544]. Послушанием монахини было выпекать просфоры, в том числе для находившегося рядом храма апостола Филиппа [16, с. 545]. Лик, проявившийся на задней внутренней стенке печи, прикрыли стеклом и украсили драгоценными камнями, а в келье устроили часовню [5, с. 181]. Произошло это чудо предположительно ещё в конце XVII — начале XVIII века при митрополите Иове († 1716 год) [10, с. 1621].

Монастырь упразднили в 1764 году, а в 1835-м на этом месте новгородский

купец Евсей Фуфрычин построил новую каменную часовню [12, с. 78]. Местный благочинный Новгородских церквей 2-го округа протоирей Михаил Твердынский подробно рассказал столичным гостям об истории часовни и иконы. Здесь перед мироточащим образом Александра Фёдоровна и её дочери молились на коленях [10, с. 1621]. «Такой чудный был в часовой запах», — вспоминала потом Великая княжна Ольга Николаевна в письме к отцу. Государыня точно не запомнила, когда проявился лик Богородицы на задней стенке печи — она написала мужу, что это произошло несколько лет назад.

Перед отъездом столичные гости посетили земский лазарет — простое деревянное здание, украшенное венками и флагами, и ещё один лазарет, недалеко от вокзала, в который заранее свезли около 400 человек раненых. Вечером на новгородской железнодорожной станции снова собрался народ, провожая августейших гостей. Трубачи запасного полка играли «Уланский марш» и «какие-то вальсы», потому что «долго грузили оба мотора» в специальный вагон-гараж императорского поезда¹.

Проводить царскую семью и сопровождавших их прибыли губернатор, представители местной власти и духовенства. Новгородские купцы перед отъездом вручили Александре Фёдоровне корзину яблок и ещё одну икону «Знамение» [15]. Епископы Арсений и Алексей, провожая, зашли в императорский

поезд, «и мы снова обнимались», — записала Ольга Николаевна.

Как уточняет она далее в своём письме, почти сразу после отъезда они пообедали, потом сидели у младших сестёр, а после раннего чая легли спать. В Царское прибыли в 00.20 и ночевали в поезде [1, с. 231].

Александра Фёдоровна в своём письме предложила мужу вернуться в Новгород весной 1917 года: «когда наводнение, тут бывает ещё лучше — можно подъезжать к монастырям на моторных лодках» [1, с. 233]. Решив, что сочетание лазаретов и святых мест в таких поездках будет благотворно, императрица начала обсуждать подобные в Тихвин, Вологду и Вятку. Но так получилось, что Новгород стал последним (!) российским городом, который Александра Фёдоровна посетила как императрица.

Вопреки распространённому мнению о том, что поездка «ввела царицу в заблуждение и дезориентировала в отношении ситуации в России», она придала ей сил и показала, что внушаемая высшими кругами информация о ненависти народа к царской семье всё же преувеличена. Александра Фёдоровна даже выгнала из госпиталя в Царском Селе одного из офицеров, который позволил себе пошутить над новгородским путешествием — мол, народ подкупили, чтобы он принимал царицу так хорошо [1, с. 231]. А после встречи в Десятинном монастыре со старицей Марией Михайловной у царицы были слёзы благодарности

¹ К началу 1916 года у императорской семьи было девять машин: Mercedes, Delaunay-Belleville, Renault и Peugeot (Bebe Peugeot для царевича Алексея), два Rolls-Royce «Серебряный призрак», остальные автомобили царского гаража — свитские и служебные. Какой из них привозили в Новгород — пока не известно (по материалам http://tass.ru/spec/avto_imperatora).

за слова «не страшись креста своего» и надежду. В письме мужу она так и написала, что эта встреча произвела на неё бóльшее впечатление, чем разговор с Пашей Саровской в Дивеево, где звучали страшные пророчества беды и рек крови. Имело место и другое мнение. Например, баронесса Буксгевден позже говорила, что во время поездки «членам свиты было видно, что императрицу приветствуют без теплоты и радости, и они вернулись подавленными и напуганными, поскольку увидели в словах новгородской старицы плохое предзнаменование» [5]. Вот так, совершенно по-разному, могли восприниматься одни и те же события.

Императрице не показалось — Новгород действительно оставался лояльным к монархии городом: дворянские круги с каждым годом всё громче критиковали уже монархию как форму власти, а здесь всего за два года население собрало деньги на памятник Александру II. Памятник скульптора Александра Опекушина поставили в сентябре 1913 года на перекрёстке нынешних Большой Московской и Ильиной улиц [7, с. 74–75]. Николай II тогда прислал телеграмму с благодарностью за выраженные чувства верности, а когда в Петрограде «вовсю шла революция», Новгород сохранял спокойствие. Некоторые волнения начались лишь по-

Михаил Владимирович Иславин,
новгородский губернатор
(1913—1917 гг.)

сле приезда «вожаков из Петрограда, но всё происходило бескровно» [2, с. 4].

О поездке в Новгород Александра Фёдоровна сообщала в письме, датированном 12 декабря 1916 года: «Сегодня всё болит, но стоило того. Новгород был крупным успехом! Хотя было очень утомительно, душа вознеслась так высоко и придала нам всем силы — мне с моим большим сердцем и Ане с её больными ногами» [11, с. 15]. Николай

Александрович поблагодарил за подробное письмо, заметив, что супруга видела больше, чем он в 1904 году [1, с. 231]. Тот визит длился всего два часа — император приезжал осматривать войска перед отправкой на фронт во время русско-японской войны [5, с. 177]. Он согласился с предложением приехать весной в Новгород, а также упомянул, что с удовольствием прочёл заметку об этой поездке в газете «Русский инвалид» — единственной газете, которую тогда читал [18].

«Мама дома, всё болеет от усталости после поездки», — записала 13 декабря 1916 года в дневнике Ольга Николаевна. Но даже очень уставшая императрица не сидела без дела — всё утро она подписывала многочисленные рождественские открытки.

В декабрьских письмах 1916 года Александра Фёдоровна несколько раз

возвращалась к теме поездки в Новгород:

14 декабря: *«Я опять не спала эту ночь, оставалась в постели до завтрака, у меня всё болит и лёгкий озноб... Уже распространяли по городу слух (Дума), будто дворянство в Новгороде не приняло меня, а когда они прочитали в газетах, что мы даже чай пили вместе, то были уничтожены».*

16 декабря: *«Всё ещё лежу, так как сердце очень расширено. цБоткин дал мне сильнодействующие капли. Я устала, но дух мой бодр».*

17 декабря: *«Состояние моего сердца с некоторого времени ухудшилось. Я не давала себе отдыха, хотя имела на это полное право. Мне было необходимо бывать в госпитале, чтобы дать иное направление своим мыслям, приходилось принимать кучу людей — душевная напряженность за эти последние тяжёлые месяцы, конечно, должна была отразиться на слабом сердце. Эта прелестная поездка в Новгород в физическом отношении была очень утомительна, вот старая машина и пришла в негодность. Надеюсь, что мне удастся поправиться хотя бы к предстоящему Рождеству»* [5, с. 186].

Подвесок для лампы*

От себя и дочерей императрица чуть позже послала в Новгород в подарок три лампы: в Знаменский собор, часовню Владимирской Божией Матери на печке, а старице, кроме этого, ещё икону с изображениями св. царицы Александры и тех святых жён, имена которых носили дочери императрицы, с собственной подписью и подписями их Высочеств на обороте. Всё это, по личной просьбе императрицы, передал князь Н.Д. Жевахов, обер-прокурор Синода.

Старица Мария Михайловна из Десятинного монастыря умерла 29 января 1917 года. Хоронили её в кипарисовом гробу, купленном на средства её почитателей. От императрицы архиепископ Арсений привёз из Петрограда большой крест из живых цветов. В.И. Хахилев, присутствовавший на отпевании, хорошо запомнил этот

«крест из незабудок» [5, с. 197]. Похоронили старицу в главном храме Десятинного монастыря, где за несколько лет до этого был устроен придел в честь Старорусской иконы Божией Матери [11, с. 12].

В Новгороде сохранилось много реликвий и памятных мест разной степени сохранности, относящихся непосредственно к этому августейшему визиту.

* Вклад императрицы Александры Фёдоровны и августейших дочерей в Знаменский собор во время их визита в Новгород 11 декабря 1916 г. НГМ КП 969 ДРМ-918

Печерская часовня Владимирской Божией Матери, в которой коленопреклонно молились последняя российская императрица и четыре Великие княжны, в настоящее время находится в аварий-

ном состоянии. Скромный серебряный подлампадный из Знаменского собора, который подарила императрица, хранится в Грановитой палате Новгородского кремля.

1. Августейшие сёстры милосердия / [авт.-сост. Н.К. Зверева]. Москва: Вече, 2008.
2. Аксёнов С. Годы 1913—1919. Заря новой жизни // Новгород. 2009. 9 июля.
3. Волховский листок. 1916. № 3533.
4. Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX — начало XX в.: повседневная жизнь российского императорского двора. Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб, 2011.
5. Красный Архив: исторический журнал. 1923. Т. IV.
6. Мосолов А.А. При дворе последнего императора: Записки нач. канцелярии министра двора: [О Николае II]. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 1992.
7. Наставник. Учитель цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания Чарльза Гиббса / пер. с англ. В.М. Лукина. Москва: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2015.
8. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. 19 февр.
9. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. 18 дек.
10. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. 30 дек.
11. ОПИ НГМ КП 39435/3–4. Воспоминания Хахилева В.И. от 17.02.1995.
12. Памятная книжка Новгородской губернии на 1914 год / изд. Новгор. губ. стат. комитета. Новгород: Губ. тип. 1914.
13. Правительственный вестник: ежедневная газета. 1916. 13 дек.
14. Православные подвижницы двадцатого столетия: [70 жизнеописаний, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы] / [авт.-сост. Светлана Девятова]. Москва: Артос-Медиа, 2008.
15. Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. 1916. 14 дек.
16. Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. Москва: Северный паломник, 2011.
17. Сергеева О.А. Жизнь как житие (вспоминая посещение Великого Новгорода и Свято-Юрьева монастыря её императорским величеством Александрой Фёдоровной) // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 3 (28).
18. Хохлов И.В. Единственный визит последнего самодержца // Новгородские новости «Портал 53». 2019. 19 мая. URL: <https://dzen.ru/a/XPDXvt0pegCwdF8P> (дата обращения: 01.11.2023).

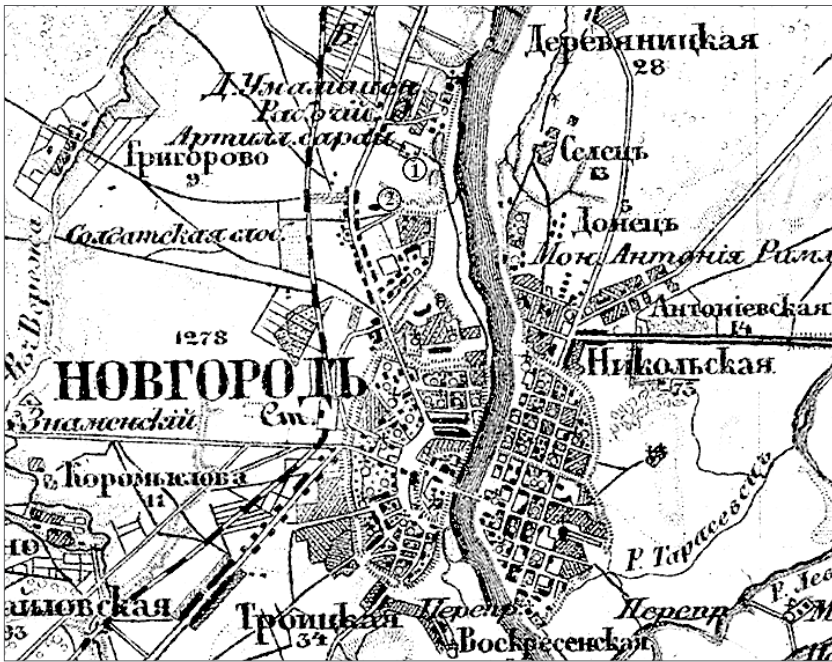

Александр Кириллов ПОЛКОВОЙ ТЕАТР

Насколько незаурядным, настолько и малоизвестным событием в истории театрального движения и в целом культурной жизни Новгорода явилось создание здесь в предреволюционное время Полкового театра. Между тем имена отдельных персон, связанных с деятельностью этого театра, вполне заслужили упоминания о них, тем более что некоторые актёры и режиссёры из полковой труппы впоследствии получили определённое признание и известность в театральном мире.

Вскоре после начала Первой мировой войны в местах расквартирования кадровых воинских частей, ушедших на фронт, начали создаваться запасные батальоны, в которых проводилась подготовка новобранцев для пополнения действующей армии. В 1916 году из этих батальонов формировались полки, и таким образом 177-й пехотный запасной батальон в Новгороде был преобразован в 177-й пехотный запасной полк в составе 1-й пехотной запасной бригады¹. Ближе к осени при новообразованной воинской части и был создан Полковой театр. Среди мобилизованных в армию и местных любителей театрального искусства оказалось немало творческих личностей.

Многие из новгородцев в ту пору даже не подозревали о существовании этого театра и месте его расположения. По свидетельству современника, добираться до Полкового театра было весьма непросто: приходилось ехать «к черту на кулички, по каким-то закоулкам за Петроградскую слободку». Для помещения театра была приспособлена бывшая артиллерийская конюшня или складское сооружение в виде большого сарая². Вполне возможно, что театр находился в месте, расположенном перед Колмовым, с восточной стороны Петроградского шоссе, обозначенном на трехвёрстной карте комплексом строений с надписью: «Артиллерийские сараи». По другой версии, зрелищно-культурное заведение

Фрагмент карты окрестностей Новгорода.
 Варианты предполагаемого места расположения Полкового театра:
 1 – артиллерийские сараи вблизи Колмово;
 2 – участок возле слободки Хуторки и Военного кладбища

могло располагаться чуть ближе к городу на участке между черепичным заводом и местностью (слободкой) под названием Хуторки, недалеко от военного кладбища. Известно, что в 1910 году там велись работы по строительству артиллерийского сарая.

Весь внешний и внутренний облик театра являл собой вид весьма далёкий от торжественности и пышности театральных зданий и залов. Стены строения внутри были украшены агитационно-просветительными надписями вроде: «Театр — разумное развлечение», «Делу — время, потехе — час»... Между тем, по свидетельству современника,

в малоприспособленном помещении во время сценического действия всецело сохранялись особая атмосфера и дух театра, его «священное назначение», «возбуждающее мысль, сознание, странные мечты о невозможном, о ярко праздничном...»³.

Кроме спектаклей для частной публики, маленькая труппа Полкового театра играла почти все пьесы отдельно для каждого батальона полка и даже для команд. Спектакли ставились не в целях получения прибыли, а лишь для покрытия расходов по постройке театра и постановке пьес. Солидная часть сборов от выступлений отчислялась в пользу увечных воинов. Молодой театр, созданный

на месте «простого сарая» за один месяц, достаточно быстро и уверенно вставал на ноги.

В одном из первых упоминаний о Полковом театре сохранились имена его руководителей — полковника А.А. Ушакова и штабс-капитана А.Е. Ларионова (Юренева)⁴.

Александр Александрович Ушаков родился в городе Крестцы Новгородской губернии в дворянской семье. Он окончил 2-й Московский кадетский корпус, затем в 1884 году — Александровское военное училище и был выпущен поручиком в 88-й пехотный Петровский полк, квартировавший в Новгородской губернии. В чине капитана в начале 1900-х Ушаков возглавлял в указанном полку 5-ю роту, весной 1904 года был переведён во вновь сформированный 6-й пехотный сибирский Енисейский полк, который в составе 2-й Сибирской пехотной дивизии попал в район боевых действий на русско-японскую войну. В Енисейском полку капитан прослужил около двух лет, затем вернулся в родную часть, а в 1910 году был произведён в подполковники и назначен командиром батальона. Во время Первой мировой войны Ушаков вместе со своим полком вступил в действующую армию. В августе 1916 года он был награждён орденом св. Анны 2-й степени с мечами и «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» произведён в полковники.

На должность командира 4-го батальона 177-го пехотного запасного полка Ушаков был переведён в начале мая 1916 года, когда полком командовал полковник Сергей Васильевич Дьяков,

его сослуживец по 88-му Петровскому полку, без поддержки и участия которого создание при воинской части театра было бы невозможным. Известно, что до 1936 года Ушаков проживал в Новгороде. В 1919-м он работал секретарём культурно-просветительского отдела Новгородского водного транспорта Ильменского района. Несмотря на почтенный возраст, бывшего царского офицера мобилизовали в Красную Армию и служил он во 2-м Новгородском полку и стрелковом полку обороны, где занимал должности завхоза, старшего писаря и делопроизводителя. В этом же году бывший дворянин получил судимость: Новгородский губревтрибунал вменил ему в вину неправильное ведение отчётности по полковому театру. Актёр Ушаков входил в 1922 году в труппу местного Театра Октябрьской революции (ТОРа), а два года спустя числился пенсионером. Весной 1931 года актёр драмтеатра Александр Александрович Ушаков был арестован; к счастью, через полгода дело было прекращено, и его выпустили из тюрьмы. Известно также, что в 1930-е годы он проживал на Тихвинской улице, в доме № 8, никакого недвижимого имущества не имел. Там же в 1920-х годах проживала его дочь — артистка ТОРа Зинаида Бельская с малолетним сыном⁵.

С Полковым театром также связано имя его руководителя Алексея Ефимовича Ларионова (Юренева). Он в 1914 году окончил Владимирское военное училище, в годы Первой мировой войны командовал ротой 85-го пехотного Выборгского полка в чине штабс-капитана. Между тем в 1916 году он в качестве актёра и режиссёра подвизался на любительской

театральной сцене в Новгороде, где фигурировал исключительно под фамилией Юренев. В этом же году Ларионов на сцене театра Общества любителей музыкально-драматического искусства в бывшем Общественном (Народном) клубе очень точно и правдиво сыграл сложную роль Актёра в спектакле «На дне»⁶, «с большим тактом, старанием и вкусом» изобразил Молотова в спектакле «Дети» по пьесе Н.Ю. Жуковской. Осенью он поставил пьесу «Без вины виноватые» А.Н. Островского, в которой успешно сыграл роль Незнамова.

Заслужив за короткое время на местных театральных подмостках репутацию «первого любовника», симпатичный артист завоевал массу поклонниц и считался «покорителем сердец и безупречным героем в каждой роли». Во второй половине ноября 1916 года Ларионов последний раз перед отбытием на боевые позиции вышел на сцену, сыграв в комедии «Частное дело», поставленной Обществом любителей музыкально-драматического искусства⁷.

В 1919 году Ларионов уже работал инструктором Новгородского губвоенкомата. По-видимому, осенью его призывали на службу в Красную Армию: в архивных материалах за октябрь 1919 года есть указание о его годности к военной службе. В Гражданскую войну он был помощником командира полка. В Новгороде Ларионов какое-то время возглавлял Театр Октябрьской революции, открытый в 1921 году в бывшем Арсениевском епархиальном доме Новгородского кремля. Он был «буквально одержим идеей разумного переустройства жизни средствами искусства». В 1922 году «за заслуги по ре-

волюционизированию театрального искусства» Ларионову, одному из первых в стране, было присвоено звание Заслуженного артиста Республики.

В середине 1920-х он работал на нескольких киностудиях артистом и режиссёром. Позднее Ларионов снова с головой окунулся в театральную жизнь, занимая должности художественного руководителя и режиссёра ряда театров в разных регионах страны. Вот неполный список городов, где ему довелось потрудиться: Ленинград, Новочеркасск, Шахты, Улан-Удэ, Орск, Кинешма, Вологда, Нижний Тагил, Чкаловск, Хабаровск, Грозный, Тамбов, Ставрополь, Барнаул. Ларионова характеризовали как человека необыкновенно эмоционального, «бурного темперамента», чрезвычайно увлечённого своим делом. Коллеги отмечали независимость и неуживчивость характера Алексея Ефимовича, подчёркивая присущие ему крайнюю переменчивость в настроении и непредсказуемость поведения. Внешний портрет Ларионова рисуется так: «крупный, импозантный, с красивым лицом и львиной шевелюрой», «очень артистически одевался...». Манера его актёрской игры была весьма яркой, а созданные им сценические образы, как правило, оказывали на зрителя глубокое эмоциональное воздействие⁸.

В сентябре 1916 года в Новгороде появились афиши, возвещавшие о постановке в Полковом театре патристической пьесы М.Н. Бухарина «Измаил». Историческая пьеса о легендарной эпохе с кругом идей, способных остро и возвышенно затронуть душу, была подобрана очень кстати, а отсутствие литературно-

сти с лихвой компенсировалось «старой» забытой театральностью, когда все движения и поступки героев точны и predetermined.

Со страниц «Волховского листка» была дана следующая оценка работе полковой труппы: *«Пришли люди готовыми, совсем уверенными, не для исканий результатов, которые еще не проверены, а окончательной победы, или окончательного поражения. И, несомненно, постановка "Исмаила" является победой, победой тем более славной, что она куплена не ценою уступок, а действительным, неоспоримым доказательством сознательных упорных трудов, несмотря на всю трудность преодоления стольких препятствий, как актеры, предубежденная публика к солдатским спектаклям, как весь этот громоздкий, не приспособленный к быстрым переменам декораций, театр»*. По мнению автора газетной рецензии, Полковой театр *«встал на тот высоко правдивый и верный путь, на котором возможна истинная новизна, принимаемая с мудрой осторожностью и культурной терпимостью»*.

Успех пьесы, в первую очередь, принадлежал молодому режиссёру М.А. Мостовому, удивлявшему коллег своей способностью работать без усталости: *«Актеры после репетиций с ним шатаются как пьяные; с последним из актеров он проходит роль отдельно, нередко до изнеможения, до хрипоты...»*. По мнению наблюдателя, в его работе, несмотря на его довольно юный возраст, была видна *«рука опытного и тонкого знатока сцены, и многие сцены так ловко и красиво сделаны, что заставляют внимательно следить за ними»*. Между тем среди

Алексей Ефимович Ларионов (Юренев)

«интеллигентной, разумно мыслящей» публики всё-таки нашлись единицы, которые посчитали постановку «банальщиной». На что местный рецензент весьма резонно заметил, что *«лучше банальщина, чем либеральные бездарные пошлости с настроениями и идеями»*.

По ходу спектакля ясно просматривалось удивительно полное и старательное подчинение игры актёров единому замыслу. Даже у исполнителей второстепенных персонажей пьесы присутствовало какое-то необычайное воодушевление. Всё вместе и делало постановку *«исключительной по редкой стройности всего замысла и исполнения»*. Алексей Ларионов (Юренев), успевший стать любимцем у публики в другом театре,

Абрам Маркович Бразер.
Автопортрет. 1939 г.
Из коллекции Витебского
областного краеведческого музея

играл роль князя Потёмкина. Часто невыносимый своей «дешёвой» жестикуляцией, в данном образе он не сделал ни единого неблагородного жеста и не произнёс ни одного фальшивого слова. В памяти зрителя надолго запечатлелись эпизоды в исполнении одной из сестёр Ушаковых. Она дала очень верный и редкий по тонкости переживаний образ своей героини Ольги Верстовской. В высшей степени органично провёл свою роль дряхлого графа Румянцева-Задунайского А.А. Ушаков. Ларецкая передала в нужном стиле образ генеральши Дивет. Несмотря на некоторые дефекты грима, очень верно удалось М.А. Мостовому передать характер Су-

ворова. Молодой актёр Передвижного театра П.П. Гайдебурова Анатолий Белогорский с честью справился с поставленной задачей, исполнив роль Вахтеева, в общем-то, не своего амплуа. Кстати, Анатолий Семёнович Белогорский-Вейсенберг, кроме актёрской, в Новгороде также занимался режиссёрской деятельностью. Например, в августе 1916 года он поставил пьесу М. Горького «На дне» на сцене театра Общества любителей музыкально-драматического искусства⁹.

Что же касается постановки по пьесе «Измаил», как заметил в своей газетной рецензии местный театрал, *«приятно, после долгой беспросветной скуки, было смотреть ловко скроенную и хорошо подогнанную к силам театра пьесу...»*¹⁰. В режиссёрский замысел спектакля прекрасно вписались декорации, выполненные художниками Михаилом Куниным и Абрамом Бразером, сумевшими перенести артистов и публику в екатерининскую эпоху, несмотря на то, что декорация последнего к третьему действию много теряла от недостатка освещения. Бутафорские принадлежности, над которыми поработал Кунин, и костюмы к спектаклю были весьма точны и красочны¹¹.

Авторы театральных декораций к постановкам Полкового театра М.А. Кунин и А.М. Бразер впоследствии стали известными художниками. Абрам Маркович Бразер родился в 1892 году в Кишинёве. Окончив в родном городе в 1910 году художественное училище, он вошёл в состав Бессарабского товарищества любителей искусств — объединения художников и коллекционеров, и спустя два года уехал в Париж, где

посещал Свободную русскую академию М.И. Васильевой. В столице Франции он работал в знаменитом «Улье» — интернациональной колонии художников, основанной скульптором А. Буше, где за небольшую плату сдавались студии. Там он познакомился с Марком Шагалом. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, молодой человек находился во французской армии, а уже через год возвратился в Россию и участвовал в выставке объединения «Мир искусства» в Петрограде. В том же году Бразер оказался на военной службе уже в русской армии и, очевидно, тогда попал в 177-й пехотный запасной полк в Новгород. Здесь молодой художник находит применение своим творческим силам в оформлении постановок Полкового театра. После революции, оставив армейскую службу, Бразер перебрался в Петроград, а к концу 1918 года уехал в Витебск. Выбор этого города, вероятно, связан со знакомыми художника — Михаилом Куниным и Марком Шагалом. Там он энергично включился в деятельность местного художественного сообщества, во главе которого стояли Марк Шагал и Казимир Малевич. В Витебске он сразу же принимает участие в художественных выставках, нередко оказывая существенную помощь в их организации, преподаёт в только что открывшейся Высшей школе искусств. Его работы хвалят за выразительность и виртуозность при использовании самых малых художественных средств, выделяют «его неизменное стремление посредством сильной формы, путем яркого штриха и глубоко прочувствованной линии передать психологическую сущность объекта». В 1920-е, не

Бразер А.М.
Портрет А.И. Анисимова. 1924 г.
Частная коллекция, Москва

имея возможности посвятить себя живописи из-за отсутствия красок, Бразер начинает серьёзно заниматься скульптурой. Он — автор памятника И.Г. Песталоцци, установленного в Витебске и разрушенного во время войны. С 1924 года художник постоянно живёт в Минске, в 1940 ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Белоруссии, а в июне 1941-го в белорусской столице открылась его большая персональная выставка, экспонаты которой были полностью уничтожены немцами после захвата города. Абрам Маркович ненадолго пережил свои произведения, вместе с семьёй он был расстрелян фашистами в марте 1942 года в минском гетто. До наших дней из творческого наследия

Моисей Абрамович Куни (Кунин)

художника уцелело всего несколько рисунков и скульптурных портретов¹².

Моисей Абрамович Кунин был на пять лет моложе Бразера, он родился в Витебске в 1897 году. С детских лет увлечённо занимался живописью и спортом. В первой половине 1910-х юноша с собственным цирковым номером — баланс на трапеции, выступал в варьете Москвы, Киева и Одессы. После окончания в 1916 году Московского коммерческого института он, по всей видимости, оказался на армейской службе, попав в Новгород. Имеются сведения, что в 1917—1918 годах он занимался в Психоневрологическом институте в Москве и даже ассистировал В. Бехтереву. Затем наступил новый витебский период в его жизни: он стал учеником М. Шагала и выпускником Витебского

художественного училища. Примечательно, что Кунин был одним из немногих оппонентов супрематизма Малевича. В 1920 году организованная Куниным «Группа трёх» устроила в Витебске выставку. Годом позже молодой художник по приглашению Р.Р. Фалька поступил во ВХУТЕМАС, где проучился очень недолго из-за нехватки средств. Сначала Кунин устроился художником-оформителем в цирк, позднее стал выходить на арену под сценическим псевдонимом Михаил Куни (Ганс Куни, Ганс Куни-Пикассо), с успехом демонстрировал придуманный им номер «Художник-монументалист», удивляя публику чрезвычайно быстрым рисованием, в том числе с завязанными глазами и при помощи ног. Со временем Кунин начал специализироваться на трюках с памятью и мгновенным решением примеров с многозначными арифметическими действиями. Ещё позже он стал с успехом гастролировать с концертной программой «Психологические опыты» (или «Чтение мыслей») по отечественным филармониям и различным странам. Его называли «вторым Мессингом». Кунин не дожил года до приезда в 1973 году в Советский Союз М. Шагала, выразившего тогда запоздалое желание увидеть старого товарища¹³.

11 декабря 1916 года в Полковом театре состоялся спектакль с концертным отделением. В тот день на сцене театра была поставлена драма (Б.И.?) Бентовина «Женщина всё может». Образ характерного Вора А.А. Ушаков сыграл так, что «лучшего исполнения трудно представить», а Зинаида Бельская (Ушакова) «с большой экспрессией» исполнила роль Актрисы. Отец и дочь

были заслуженно награждены шумными рукоплесканиями. В концертной части из двух отделений выступили певцы, музыканты — виолончелист, скрипач, пианист и куплетист. В местной газете Т.П. Кузнецова, В.Д. Зисмана, И.А. Райца, М.С. Розенцвита (виолончелист), А.М. Лукацкого (скрипач), А.Б. Либермана (пианист), Юрия Нафталя называли «серыми героями». Каждый исполнитель удостоился от зрителей грома аплодисментов и восторженных криков «бис». По мнению очевидца, такую программу можно было услышать только в столице. В «Волховском листке» посоветовали местным любителям театра и музыки обязательно посетить «военные» спектакли, *«чтобы провести с наслаждением часы досуга, восхищаясь даровитыми артистами»*¹⁴.

По всей видимости, не раз на сцене Полкового театра доводилось демонстрировать своё музыкальное мастерство и оркестру запасного полка под руководством капельмейстера М.Л. Зарницкого. Известно, что полковой оркестр неоднократно выступал во время антрактов в театре Общества любителей музыкально-драматического искусства¹⁵.

Интеллигентная часть новгородской публики по достоинству оценила просветительскую деятельность председателя полкового комитета полковника А.А. Ушакова, который получил реноме *«неустанного труженика во славу драматического искусства»*. В качестве «высокодаровитого» артиста он выступал на сцене в самых разных ролях. На подмостках вместе с ним выступали его две талантливые дочери — Зинаида и Ольга. По признанию местного театрала, Уша-

ковы были достойны *«самой неллицеприятной похвалы»*. Не чураясь выступать во второстепенных и проходных ролях, они и тогда умудрялись создавать яркие и запоминающиеся образы, что подтверждается словами: *«Худых ролей нет, а существуют самомнящие бездарности в фигурировании исключительно "премьерами" репертуара»*¹⁶.

Судя по газетным рецензиям, «трио» Ушаковых в составе отца и его дочерей являлось основной творческой силой и главным украшением труппы Полкового театра, по крайней мере, в первые месяцы его существования. Их служение театру являлось *«самым блестящим основанием действительно полезного и разумного развлечения»*¹⁷. Младшая из дочерей, Ольга, помимо артистического таланта, обладала ещё и поэтическим даром¹⁸.

В театральной газетной заметке, опубликованной в середине января 1917 года, говорилось о том, что труппы местных любителей драматического искусства в соперничестве друг с другом *«стараятся обставлять свои спектакли все лучше и лучше»*, особенно если пьеса шла во второй или в третий раз. В Полковом театре, во многом благодаря участию Ушакова и его дочерей, тепло были приняты зрителями спектакли «На бойком месте» по пьесе А.Н. Островского и «Княгиня Капучидзе» В.К. Мюле.

Члены Общества любителей музыкально-драматического искусства, работавшие под руководством Б.Е. Котельникова *«не за страх, а за совесть»*, еженедельно ставили пьесы на сцене бывшего Народного клуба, расположенного на Козьмодемьянской улице во дворе усадьбы Стальныхых. С начала февраля

1917 года двери для зрителей открыл городской театр, отданный названному Обществу в аренду на два года¹⁹.

В феврале 1917 года между городскими труппами состоялось своеобразное соревнование за лидерство. На Масленицу театральные представления давались сразу несколькими любительскими сценическими коллективами Новгорода. Фиаско потерпели представители Общества музыкально-драматического искусства, игравшие на сцене городского театра. Первый устроенный ими спектакль прошёл при почти пустом зале и принёс совершенно мизерный сбор. Как свидетельствовали в «Волховском листке», постановка драмы «Светит, да не греет» А.Н. Островского и Н.Я. Соловьёва никого не осветила и не обогрела. За отсутствием сбора в кассе второй, ранее анонсированный спектакль «Домашний стол» по пьесе И.И. Мясницкого, Обществу пришлось вовсе отменить.

Одобрительную оценку зрителей и критиков получили «ученические» спектакли с участием реалистов и воспитанников железнодорожного училища, распорядителями и режиссёрами которых стали преподаватель рисования реального училища А.А. Любартович-Княжище и присяжный поверенный И.И. Любимов, нередко сам появлявшийся на любительской сцене в качестве актёра. Наконец-то зрителям удалось увидеть на сцене совместное участие воспитанниц и воспитанников *«взамен карикатурного фигурирования мальчиков в женских ролях, бесцельно практикующихся в спектаклях мужской гимназии...»*. Занятые в представлении ученики показали себя достаточно про-

фессиональными артистами. Среди прочих ранних дарований выделялась некая ученица Ушакова. Неблагоприятное впечатление оставила игра гимназистов, главным образом, из-за карикатурности исполнения выбранных пьес²⁰.

Один из организаторов выступления юных артистов — Адам Адамович Любартович-Княжище. В 1906 году он окончил Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище со званием «учёного рисовальщика» и несколько лет преподавал рисование и чистописание в классической мужской и Николаевской женской гимназиях Новгорода, а весной 1912 года стал вести эти дисциплины в реальном училище. В 1918 году Любартович-Княжище покинул Новгород и уехал в Витебск, где с сентября устроился преподавателем графических искусств в местном реальном училище²¹.

Между тем в негласном «масленичном» соревновании трупп Полковой театр, продемонстрировавший блестящий образец *«полезного и разумного развлечения»*, стяжал себе лавры победителя и доказал, что по праву считается лучшим в губернском городе. Серьёзные комедии («На бойком месте», «Хамка», «Бедность не порок» и другие) прошли при переполненных залах. Артисты, доставившие публике часы «эстетического наслаждения», играли на сцене с увлечением и риском для здоровья от холода, царившего в помещении импровизированного театра. За участие в представлениях особенно поплатились своим здоровьем и голосом О.А. Ушакова и М.А. Мостовой. Труды артистов публики оценила настоящей бурей оваций.

Помимо рукоплесканий и подношения цветочных корзин, Мостовому вручили памятный жетон, а сами артисты под восторженные крики качали на руках «почтеннейшего» Александра Александровича Ушакова²².

Позднее Мостовой стал режиссёром постановки драмы А.И. Сумбатова «Листья шелестят», состоявшейся на сцене городского театра 25 ноября 1917 года. К участию в представлении, которое газетный рецензент окрестил «спектаклем-монстром», вероятно, из-за его продолжительности (театральное зрелище завершилось только к двум часам ночи), были привлечены лучшие актёры-любители Новгорода²³.

В советское время М.А. Мостовой продолжал работать в новгородских театрах. Так, 24 января 1923 году в Новгородском ТОРе состоялся его бенефис. В тот раз «пользующийся симпатиями новгородской публики» талантливый артист и режиссёр выбрал для своих «театральных именин лучшую в своем репертуаре пьесу» — трагедию Д. Меррежковского «Павел I». По признанию театрального обозревателя газеты «Звезда», Мостовому удалось дать «типичный образ полусумасшедшего-маниака императора с резкими переходами от грозного безумия к детской шаловливости и лирической томности». В награду за своё творчество бенефициант получил от публики торт, а от «родной» труппы — «прочувствованную речь». О режиссёрских поисках и находках Мостового можно получить некоторое представление из заметки в газете «Звезда». В ТОРе 1 марта 1923 года он поставил пьесу Мольера «Мнимый боль-

ной». Премьеру спектакля приурочили к 5-летию юбилею Губернского отдела народного образования. По мнению местного рецензента, постановка получилась очень «стильной» и «была сыграна в духе репертуара мольеровского театра, с присущими ему сценическими особенностями, что является достаточно новым для Новгорода»²⁴.

Иногда зал Полкового театра использовался для проведения культурных мероприятий другими учреждениями. Так, 26 февраля 1917 года в здании Полкового театра интересный спектакль-концерт устроил родительский комитет гимназии М.Н. Державиной²⁵.

В апреле 1917-го на страницах «Новгородской жизни» появилась статья некоего Э. Рубека под заголовком «Революция и театр». Автор, рассуждая о влиянии революции на театр, заявлял о необходимости более глубокого и значительного усиления такого влияния. Справедливо считая, что «театр должен воспитывать публику, облагораживать ее вкусы, пробуждать и усиливать в ней стремление к постижению той красоты и мощи человеческого творчества, что открываются в произведениях великих писателей», он признавал, что до сих пор театр «шел по линии наименьшего сопротивления, предлагая публике то, к чему она давно привыкла, на что она шла, не раздумывая, и что, следовательно, обеспечивало хорошие сборы». Рубек упрекал любительские театры, которые продолжали кормить новгородцев затхлой «дребеденью». В качестве негативного примера он приводил лишь один спектакль из репертуара Полкового театра по пьесе «Тёмное пятно». Автор

статьи призывал ставить на сцене пьесы Гоголя, Островского, Чехова, Горького и, наконец, Ибсена. Критик ждал от новгородских театров *«приобщения к подлинному искусству»*. В противном случае, театр, по его мнению, мог *«претендовать только на звание храма искусства дурного вкуса и рутинной актерской техники»*²⁶.

Незаслуженные обвинения Э. Рубека в адрес Полкового театра заделли А.А. Ушакова. Он ответил критику в том же издании. Руководитель труппы сделал предположение, что Рубек никогда не посещал спектаклей Полкового театра и не интересовался его серьёзным репертуаром, который, по словам Ушакова, не уступал лучшим столичным театрам. Мимходом Ушаков заступился и за комедию «Тёмное место», назвав её *«очень милой вещицей»*, поставленной с намерением *«дать публике часы здорового смеха»*. Для постановок пьес известных драматургов требовалась солидная труппа, а также костюмы и декорации, средств на которые у театра попросту не было. Предложение Рубека о постановке на новгородской сцене Ибсена Ушаков счёл и вовсе не выдерживающим никакой критики. По его мнению, только редким единицам из числа образцовых российских театров с их труппами, а также со всеми находящимися у них в распоряжении средствами и техническими усовершенствованиями удавалось успешно справиться с такой непростой творческой задачей. *«Каждый должен работать по своим силам, а не браться за работу, из которой ничего хорошего не сделает, а только испортит»*, — подытоживал руководитель Полкового театра

свою отповедь незадачливому критику, не преминув упомянуть и о том, что деятельность этого театра неоднократно получала только положительную оценку. В частности, полковник сослался на заметку о возглавляемой им труппе в февральском номере «Биржевых ведомостей» за 1917 год²⁷.

18 мая 1917 года в городском театре должен был пройти спектакль в постановке режиссера Полкового театра М.А. Мостового. В спектакле по известной пьесе В.К. Винниченко «Ложь», который устраивался «на товарищеских началах» Мостовым и В.Н. Беляевым, вместе с ними должны были принимать участие «лучшие силы» полковой труппы: М.Н. Мерянская, З.А. Бельская, О.А. Ушакова, О.Г. Эренберг, А.М. Лаутер, А.Н. Зорин. Сценическое представление с таким составом вызвало среди новгородской публики особый интерес. К утру того дня, когда театральное действие должно было состояться, публика раскупила более половины билетов. Между тем в городе был распушен слух, что все билеты уже проданы. Помимо этого, стали распространяться странные кривотолки о том, что спектакль вообще вряд ли состоится, так как есть люди, готовые его сорвать. Несмотря на всяческие попытки отвести публику от похода в театр, к началу представления здесь толпилось огромное число зрителей. *«Собралось лучшее городское общество»*, немало народа приехало из окрестностей. Однако публике пришлось долго томиться в ожидании у входа в театр, потому что здание пребывало во мраке — по неизвестной причине в нём не было освещения. Энергичные хло-

поты организаторов, электротехников и милиции не дали никаких результатов. После безрезультатных поисков причин отсутствия света и утомительного топтания зрителей у здания театра организаторы вынуждены были перенести спектакль на следующий день. Только утром 19 мая удалось обнаружить происки злоумышленников: на одном из столбов в городском саду провода, сорванные с изоляционного колпачка, были перетянуты проволокой, что привело к короткому замыканию. Кому-то в городе пришёлся очень не по душе успех полковой труппы. Однако вечером того же дня эти завистники в бессильном «бешенстве» имели возможность наблюдать восторженный приём, оказанный многочисленной публикой «из лучшей новгородской интеллигенции» артистам Полкового театра²⁸.

Любители из полковой труппы нередко выступали на сцене городского театра в спектаклях, поставленных Обществом любителей музыкально-драматического искусства. Так, в апреле 1917 года З.А. Бельская и М.Н. Мерянская исполняли роли в спектакле «Гражданский брак» Н.И. Чернявского. Строгий критик увидел на сцене «гражданскую чепуху» или «чепуху для граждан» — *«жуткую драму в 5500 метров с превращениями и переодеваниями»*²⁹, а в спектакле «На манёврах» по пьесе С.Ф. Рассохина, состоявшемся 11 мая 1917 года, Ушаков своей игрой попросту «вывозил» партнёров по театральному ремеслу³⁰. Так, в начале сентября 1917 года полковник участвовал с труппой Общества любителей в постановке драмы П.М. Невежина «Вторая молодость»³¹. Удачный образ Фрейды Трахтенберг создала О.Э. Эрен-

берг в комедийно-драматической пьесе Я. Гордина «Сиротка Ася», поставленной на сцене городского театра 30 ноября 1917 года³².

18 ноября 1917 года состоялось бракосочетание артистов Полкового театра М.Н. Мерянской и А.М. Лаутера. В этот день в Народном доме был назначен благотворительный спектакль по пьесе А.Н. Островского «Не всё коту масленица». Между тем свадебная церемония несколько затянулась, из-за чего на час позже пришлось начать театральное представление. Занятой в спектакле в роли Агии М.Н. Мерянской пришлось выходить на сцену *«сразу из-под венца»*. Как заметил по этому случаю газетный обозреватель: *«Такова доля артиста, когда при свете рампы ему приходится переживать подчас самые трогательные моменты его личной жизни на глазах многочисленной публики»*. Одну из основных ролей — Ахова — в спектакле блестяще исполнил отец невесты — главный редактор «Волховского листка» Нил Иванович Богдановский, известный по сцене как Мерянский. Его игру местный критик назвал *«шедевром сценического искусства»*³³.

Мария Ниловна Мерянская (Богдановская) была третьей, младшей дочерью Н.И. Богдановского. Она окончила Новгородскую женскую гимназию в 1912 году и, пойдя по стопам своего отца, выбрала путь театральной актрисы. Именно в этом качестве её имя нередко упоминается на страницах новгородских газет. Например, в августе 1914 года она выступала вместе с отцом на сцене городского театра в благотворительном спектакле³⁴. Весной 1917-го

Нил Иванович Богдановский
с дочерью Марией. Фото 1910 г.

Мария Ниловна организовала спектакль, сбор от которого пошёл в пользу освобождённых политических деятелей и их семей³⁵. После революции, в 1918 году, она с мужем уехала в Эстонию. Туда же в 1921 году приехал из Новгорода на жительство отец. Одновременно с ним в Эстонию переехала его средняя дочь З.Н. Богдановская, выпускница консерватории по классу арфы. До Второй мировой войны М.Н. Мерянская выступала

на сцене Таллина и Риги. После войны она занимала должности художественного руководителя, главного режиссёра и директора в разных театрах Эстонии. В 1954—1962 годах уроженка Новгорода служила актрисой в драматическом театре в Кохтла-Ярве³⁶.

Супруг Марии Ниловны Мерянской — Антс Михкелевич (Ганс Михайлович) Лаутер³⁷ — начал свою актёрскую карьеру в 1913 году. Его дебют состоялся на сцене театра «Эстония» в Ревеле. В 1915 году Лаутер был мобилизован и направлен в школу прапорщиков в Петрограде, по окончании которой попал в 433-й пехотный Новгородский полк. В звании подпоручика Лаутер воевал на фронте в составе 87-го Нейшлотского полка. Во время боевых действий молодой офицер был отравлен газами и лечился в госпитале при Царскосельском особом эвакуационном пункте. В декабре 1916 года Лаутер был назначен командиром роты в 177-й пехотный запасной полк. Здесь он и стал актёром Полкового театра. Демобилизовавшись из армии осенью 1917 года, Лаутер вместе с женой до августа 1918-го продолжал выступать на сцене Новгородского городского театра.

В 1925 году брак Антса Лаутера с Марией Мерянской распался. До Великой Отечественной войны он служил актёром и режиссёром театра «Эстония» в Таллине, снимался в кино, с конца 1930-х преподавал сценическое мастерство. Во время Великой Отечественной войны в Ярославле он возглавил драматическую труппу эстонских художественных ансамблей. Впоследствии, наряду с актёрской работой в театре

и кино, Лаутер в разные годы был главным режиссёром, художественным руководителем и директором целого ряда эстонских театров. В 1948 году Антсу Михкелевичу Лаутеру было присвоено звание Народного артиста СССР, а через четыре года ему вручили Сталинскую премию. В разные годы Лаутер избирался председателем правления Театрального союза Эстонской ССР. Его именем названа улица в Таллине³⁸.

В октябре 1917 года в Полковом театре состоялся спектакль «Хорошо сшитый фрак» по сатирической комедии Г. Дрегели. Газетный критик оказался крайне строг уже к самой идее постановки подобного драматургического материала и даже не потрудился побывать на представлении. Зато обличительный пафос заметки был замечателен: *«Кто это в настоящий момент достал из самого темного уголка платяного шкафа этот наряд, всегда бывший нелепым, а сейчас и подавно. А вот лучшие наши любительские силы раздобыли его и сегодня представляют его публике полкового театра. <...> Но как же они все не понимают, что все-таки этот фрак им не к лицу, а многим из публики не по душе; что в нем, хоть он и не так стар, есть что-то затхлое, грубое и нездоровое; что не такая нам сейчас нужна одежда. Нам нужна сейчас одежда просторная и чистая; теплая и легкая; может быть, трудно сейчас такую найти, но ищите все-таки, господа артисты-любители, — для нее не жалко будет ваших трудов и ваших сил, а от нас вам будет большое спасибо, которого не сможем сказать вам даже и за "хорошо сыгранный фрак", который следует сдать вме-*

Антс Михкелевич Лаутер. Фото 1915 г.

*сте со старым режимом, старыми пред-
рассудками в архив»³⁹.*

Через номер в «Новгородской жизни» появилась новая рецензия на спектакль, написанная уже очевидцем сценического представления. Пьесе «Хорошо сшитый фрак» в очередной раз досталось: вещь назвали *«не имеющей ни морального, ни литературного значения»*. По мнению автора заметки, только *«солидные любительские силы»*, участвовавшие в её инсценировке *«по какому-то недоразумению»*, *«спасли "фрак" от возможной катастрофы — расползлись по всем швам»*. Несмотря на режиссёрский промах в выборе пьесы, актёрский успех спектакля был очевиден. Прекрасно справился с ролью рыцаря фон-Рейнера П.Д. Боголюбов. По ходу действия

он приложил все усилия, чтобы «не впасть в шарж». Будучи «в полном голосе», успешно провела свою партию О.Г. Эренберг, сыграв роль жены рыцаря. Ольга Густавовна, супруга губернского архитектора А.Е. Эренберга, была в полной мере наделена артистическим талантом и женским обаянием. Она длительное время входила в состав совета Общества любителей музыкально-драматического искусства, а после возобновления деятельности Общества в 1912 году какой-то период возглавляла его. На сцене ей обычно удавалось создать весьма интересные и жизненные образы героинь, и игра Ольги Густавовны не раз удостоивалась заслуженной похвалы⁴⁰.

На подъёме, с «незаурядной экспрессией», сыграл драматическую роль доктора Зомберга Шутов. Удачной игрой отметились молодые артистки, делавшие первые шаги на любительской сцене, Н. Боголюбова и А. Полищук (Полещук, Полешук). Наконец, режиссёр спектакля А.М. Лаутер был неподражаем в образе Мельцера. Рецензент пожелал Лаутеру, чтобы тот сумел удержать возле себя «лучшие любительские силы»⁴¹.

Известный в Новгороде общественный деятель и артист-любитель, присяжный поверенный Павел Дмитриевич Боголюбов был тоже, как правило, достаточно убедителен на сцене, особенно когда хорошо знал свою роль и не слишком утрировал предложенный ему образ. В губернском городе его также знали как автора куплетов и даже либретто для оперетт⁴². Задетый за живое обвинением в адрес любителей Полкового театра по поводу неудачного выбора

пьес, вкупе с упоминанием своего имени в критической заметке, Боголюбов в открытом письме, опубликованном в «Новгородской жизни», попытался разъяснить положение дел. Из его слов видно, что при Полковом театре существовала комиссия, которая рассматривала все пьесы, предполагаемые к постановке, но актёров-любителей в эту комиссию не приглашали. Таким образом, пьесы выбирались режиссёрами, в числе которых не было гражданских лиц. Своё участие в спектаклях Полкового театра присяжный поверенный объяснял исключительно желанием по мере сил и возможностей прийти на помощь весьма незначительным артистическим силам театра, имея также в виду, что полученные от спектаклей средства идут на просветительные нужды полка. По свидетельству Боголюбова, артисту обычно предлагали роль и просили сыграть её, аргументируя тем, что никто иной не справится с ней⁴³.

В свою очередь из примечания редакции газеты к письму П.Д. Боголюбова явствовало, что та считает по сути несправедливым такой порядок, когда «лучшие любительские силы лишены всякого влияния на выбор пьесы»: «Известно, что даже профессионалы — подневольные артисты — иногда отказываются выступать в пьесах особой марки. Тем более подобает сметь свое суждение иметь артистам — "любителям чистого искусства"»⁴⁴.

Возникновение Полкового театра стало, в известной мере, данью бурному и противоречивому времени, вызвавшему появление на театральной сцене новых, ярких, молодых сил и имён, будь

то режиссёры, актёры или художники. 177-й пехотный запасной полк с момента своего создания отличался революционными настроениями среди военных и в истории известен, главным образом, благодаря своей роли в установлении в Новгороде Советской власти. Между тем репертуар названного театра и, если судить по рецензиям на его спектакли, характер режиссёрской работы над по-

становками во многом оставались традиционалистскими.

К весне 1918 года запасной полк был расформирован. По-видимому, тогда же, а может быть, и ещё раньше прекратил своё существование Полковой театр. Его деятельность стала своеобразным вкладом воинской части в общественно-культурную жизнь губернского города.

¹ Хохлов И.В. Между миром и войной. Очерки истории гарнизонов Новгородской земли, губернии и области в XVII — первой половине XX в. Санкт-Петербург, 2019. С. 170–171.

² Г-й. Театр // Волховский листок (далее — ВЛ). 1916. № 3495. С. 2; Театр // ВЛ. 1917. № 3554. С. 1.

³ Г-й. Указ. соч. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1527. Оп. 2. Д. 569. Л. 7 об; Д. 574. Л. 206; Именная картотека; Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 5. Новгород, 1996. С. 29; Памятная книжка Новгородской губернии (далее — ПКНГ) на 1900 год. Новгород, 1899. Ч. I. С. 19; ПКНГ на 1907 год. Новгород, 1911. Ч. I. С. 22; ПКНГ на 1911 год. Новгород, 1911. Ч. I. С. 27; ПКНГ на 1915 год. Новгород, 1915. Ч. I. С. 76; Разведчик. 1904. № 707. С. 487; 1906. № 806. С. 291. Значительная часть материала об Ушакове представлена автору И.В. Хохловым.

⁶ Г. Театр // ВЛ. 1916. № 3482. С. 2; (От второго репортера) // ВЛ. 1916. № 3482. С. 2.

⁷ В. Т. Н. Театр // ВЛ. 1916. № 3512. С. 2; Театр Общества Любителей // ВЛ. 1916. № 3520. С. 2.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1527. Оп. 2. Д. 569. Л. 22 об; Н. З. Бенефисы // Звезда. 1923. № 19. С. 4; Театр // Звезда. 1924. № 53. С. 4; Воронов А.В., Огнева Е.В. Ларионов Алексей Ефимович (1894—1963) // Весь Алтай: Персоналии: [сайт]. URL: <http://altlib.ru/personalii/larionov-aleksey-efimovich/> (дата обращения: 09.12.2021); ТОР и другие... Из истории театра 1920—1940-х гг. // Новгородская областная универсальная научная библиотека: Виртуальные выставки: Театральная жизнь Новгорода: [сайт]. URL: <https://nounb.ru/virtualnye-vystavki/teatralnaya-zhizn-novgoroda-2/tor-i-drugie-iz-istorii-teatra-1920-1940-kh-godov-2> (дата обращения: 09.10.2023).

⁹ Г. Театр // ВЛ. 1916. № 3482. С. 2; Н.Б. Театр // ВЛ. 1916. № 3503. С. 2.

¹⁰ Г-й. Указ. соч. С. 2.

¹¹ Там же.

¹² Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. Т. 2. М., 1972. С. 59; Бразер, Абрам Маркович // Витебская энциклопедия: [сайт]. URL: http://www.evitebsk.com/wiki/Бразер,_Абрам_Маркович (дата обращения: 09.12.2021); Поляков М. Родом из Молдовы: друг Шагала и Малевича художник Абрам Бразер // Locals (ежедневный интернет-журнал): [сайт]. URL: <https://locals.md/2017/rododm-iz-moldovyi-drug-shagala-i-malevicha-hudozhnik-abram-brazer/> (дата обращения: 09.12.2021).

- ¹³ Макаров С.М. Куни Михаил Абрамович // Эстрада в России. XX век: Энциклопедия. Москва, 2004. С. 320–321; Шатских А.С. Витебск. Жизнь искусства. 1917—1922. Москва, 2001. С. 38–40.
- ¹⁴ Театр // ВЛ. 1916. № 3531. С. 1.
- ¹⁵ Г. Театр // ВЛ. 1916. № 3482. С. 2.
- ¹⁶ Театр // ВЛ. 1916. № 3531. С. 1.
- ¹⁷ Театр // ВЛ. 1917. № 3554. С. 2.
- ¹⁸ Ушакова О.А. [Стихи] // ВЛ. 1916. № 3495. С. 1; № 3497. С. 1.
- ¹⁹ Театр // ВЛ. 1917. № 3541. С. 2.
- ²⁰ Театр // ВЛ. 1917. № 3553. С. 2.
- ²¹ ГАНО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 328. С. 70 об., 71 об., 72 об., 73 об.–74; ПКНГ на 1906 год. Новгород, 1906. С. 44, 45.
- ²² Театр // ВЛ. 1917. № 3554. С. 2.
- ²³ Гай-в Н. Театр и музыка // Новгородская жизнь (далее — НЖ). 1917. № 86. С. 4.
- ²⁴ Л. Бенефисы в ТОРе // Звезда. 1923. № 17. С. 4; Л. Празднование 5-ти летнего юбилея губернского отдела народного образования // Звезда. 1923. № 47. С. 2; Н. З. Бенефисы // Звезда. 1923. № 19. С. 4.
- ²⁵ Любимов И.И. Сегодня // ВЛ. 1917. № 3558. С. 2.
- ²⁶ Рубек Э. Революция и театр // НЖ. 1917. № 5. С. 1.
- ²⁷ Ушаков А. По поводу статьи «Революция и театр» // НЖ. 1917. № 11. С. 1.
- ²⁸ Ушаков А. Загадочный случай // НЖ. 1917. № 17. С. 2.
- ²⁹ Соловцовец, Театр // НЖ. 1917. № 4. С. 4.
- ³⁰ Ш. Городской театр // НЖ. 1917. № 12. С. 4.
- ³¹ Городской театр // НЖ. 1917. № 58. С. 4.
- ³² Гай-в Н. Театр и музыка // НЖ. 1917. № 86. С. 4.
- ³³ Гай-в Н. Народный дом // НЖ. 1917. № 81. С. 3.
- ³⁴ Хроника // ВЛ. 1914. № 3005. С. 2.
- ³⁵ Молочников В., Пронин И. Письмо в редакцию // НЖ. 1917. № 5. С. 4.
- ³⁶ Мерянская Мария Ниловна // Русская Эстония: Персоналии: [сайт]. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Мерянская_Мария_Ниловна (дата обращения: 06.12.2021).
- ³⁷ В новгородских изданиях второй половины 1910-х гг. фамилия Лаутера сопровождается инициалами Г.М.
- ³⁸ Лаутер Ганс Михайлович // Русская Эстония: Персоналии: [сайт]. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Лаутер_Ганс_Михайлович (дата обращения: 06.12.2021).
- ³⁹ Р.М. По поводу постановки 19 октября в театре полковом «Хорошо сшитый фрак» // НЖ. 1917. № 70. С. 4.
- ⁴⁰ Гай-в Н. Театр и музыка // НЖ. 1917. № 72. С. 4; Кириллов А.Н. Лики губернского города. Кн. 3. Великий Новгород, 2021. С. 34; Кн. 4. Великий Новгород, 2021. С. 28, 34.
- ⁴¹ Гай-в Н. Театр и музыка // НЖ. 1917. № 72. С. 4; Театр // ВЛ. 1917. № 3553. С. 2.
- ⁴² Кириллов А.Н. Указ. соч. Кн. 4. С. 27, 28, 34, 40.
- ⁴³ Боголюбов П. Письмо в редакцию // НЖ. 1917. № 72. С. 4.
- ⁴⁴ Примечание редакции // НЖ. 1917. № 72. С. 4.

Людмила Петрова

НОВГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Страницы истории. 1833—1917

В начале XIX века в России стали высказываться предложения об организации в губерниях общедоступных библиотек. Одним из первых эту идею поддержал Александр Филиппович Смирдин (1795—1857), известный книгоиздатель, инициатор выпуска популярного журнала «Библиотека для чтения», владелец знаменитой книжной лавки, размещавшейся с 1832 года на Невском проспекте в Петербурге [29].

Большую роль в создании губернских и уездных библиотек сыграл президент Императорского Вольного экономического общества (ВЭО) Николай Семёнович Мордвинов (1754—1845), русский флотоводец и государственный деятель, один из организаторов Черноморского флота, первый в истории России морской министр (1802). В 1830 году он выступил с инициативой об открытии губернских и уездных библиотек и привёл

Александр Филиппович Смирдин

Николай Семёнович Мордвинов

такие доводы: «*Публичные библиотеки для чтения учреждаются по губерниям с той целью, дабы по возможности распространять повсеместно общее просвещение и, в особенности, полезные сведения, до местности каждого края относящиеся*» [20, с. 228]. Это предложение было поддержано министром внутренних дел, к которому обратился Мордвинов, и циркуляром от 5 июля 1830 года губернаторам предписывалось «*пригласить к совещанию губернских и уездных представителей дворянства, директоров гимназий и вообще ревнителей просвещения, как из среды дворянства, так и купечества, чтобы совокупно с ними приискать средства для учреждения библиотек*» [20, с. 229].

В Новгороде губернская публичная библиотека была открыта уже в декабре 1833 года. Тогда же подобные библиотеки появились в Тульской, Архангельской, Орловской, Псковской и ряде других губерний России, а к середине XIX века в России действовали 31 губернская публичная библиотека.

Немало замечательных людей потрудились на благо и славу библиотеки: первый заведующий библиотекой, учитель Новгородской мужской гимназии Игнатий Викторович Лесневский, секретари Губернского статкомитета Николай Гаврилович Богословский и Василий Павлович Ласковский, губернаторы Эдуард Васильевич Лерхе и Александр Николаевич Мосолов и многие другие.

**«Библиотеки — это сокровищницы
всех богатств человеческого духа».**

Готфрид Вильгельм Лейбниц

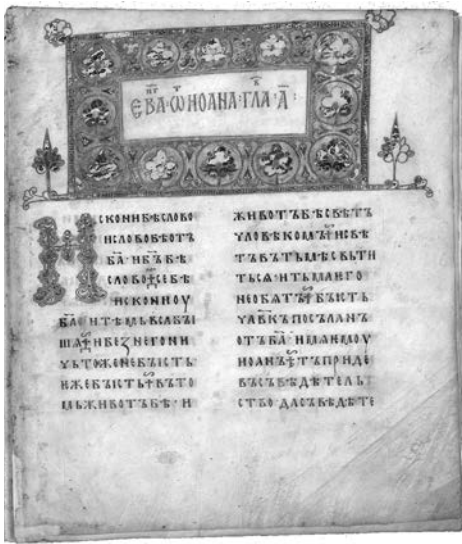
**Библиотека Софийского собора
и книжные собрания новгородских
монастырей**

Новгород Великий — один из древнейших центров книгописания на Руси. Уже в XI—XII веках здесь велись летописи, создавались искусно украшенные миниатюрами книги, бережно хранились государственные и юридические документы.

Город на Волхове не был подвергнут разорению в период татаро-монгольского нашествия. Неслучайно из всех

отечественных рукописных книг XI—XV столетий, сохранившихся до наших дней, более половины новгородского происхождения.

Едва ли не самым старым русским книжным собранием стала библиотека, которая размещалась в длинной анфиладе залов на хорах Софийского собора (старше её была только библиотека Софийского собора в Киеве). На протяжении нескольких столетий здесь накапливались переписанные и созданные софийскими книжниками сочинения духовного и светского содержания. К ним добавлялись книги, которые привозили

«Остромирово Евангелие».
РНБ. Ф. п. I. 5. Л. 2

из Царьграда (Константинополя), Киева, Москвы и других русских и чужеземных городов.

В библиотеке Софийского собора в Новгороде хранилась рукопись самого старого из известных нам изданий русских книжников — «Остромирова Евангелия» (1056—1057), новгородские и греческие мастера сработали оклад «Мстиславова Евангелия» (1117), здесь хранился «Изборник» Святослава (1073) и другие уникальные издания. Большинство из сохранившихся книг этой библиотеки датируется XV—XVI веками. Среди них особое внимание обращает на себя «Евангелие из Лисицкого монастыря» (1496), первый полный перевод «Библии» на славянский язык архиепископа новгородского Геннадия (1499).

Небывалый размах получает летописание, широко распространяется

светская литература. Архиепископ новгородский Макарий начинает составление грандиозного собрания «всех книг, чтомых на Руси» — великих «Миней Четых», которые включали службы по неделям, дням и церковным праздникам, жития святых, сказания о «чудесах», поучения и многое другое. Первый список «Миней Четых» он вложил в 1541 году в Софийский собор. Ныне учёные рассматривают этот труд как первую русскую энциклопедию. Здесь же в Софийском соборе был создан Сильвестром «Домострой» — свод уставлений и правил русского горожанина, и много других ценных книг. Все они хранились в библиотеке «Дома Святой Софии».

Великие Минеи Четгы. Сентябрь.
РНБ. Соф. 1317. Л. 9

Но судьба библиотеки Софийского собора драматична: Иван III и Иван Грозный вывезли из Софии множество драгоценных манускриптов; по указу патриарха Никона многие рукописи были отправлены в Москву для исправления ошибок, допущенных переписчиками, и легли затем в основу новых книжных собраний. В 1859 году почти две тысячи софийских книг увезли в Петербургскую духовную академию, после революции

ниевом монастыре. В 1780 году здесь было выстроено двухэтажное здание библиотеки, сохранившееся до наших дней. В основу этой фундаментальной библиотеки легли домашние собрания книг крупнейших новгородских архиепископов: Стефана Калиновского, Дмитрия Сеченова, Амвросия Юшкевича, Феофана Прокоповича. На приобретение книг первые десять лет выделялось по 300 рублей, а затем по 100 рублей ежегодно

[14, с. 10]. Это позволило создать богатейший книжный фонд, составивший в 1779 году более семи тысяч томов, а к началу XIX века выросший до восьми с половиной. После Октябрьской революции, в связи с закрытием семинарии, собрание книг Ф. Прокоповича поступило в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга, другая часть этого собрания была передана в музей и губернскую библиотеку Новгорода.

Здание библиотеки Новгородской духовной семинарии.
Первая пол. XX в. НГМ КП 38066/1644 Ф. Р-12. Оп. 2. Ед. хр. 412

1917 года они были переданы в Публичную библиотеку имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (теперь Российская национальная библиотека), множество других памятников древнерусской литературы попало в столичные музеи.

Немало книг хранилось и в библиотеках Юрьева, Антониева и других новгородских монастырей.

Одной из крупнейших была библиотека духовной семинарии при Анто-

**«Открыть ныне же Публичную
губернскую библиотеку...»**

Традиции книжной культуры сохранялись и в последующие столетия. В первой половине XIX века в России создаются общие социально-экономические условия, которые оказывают определённое влияние на дальнейшее развитие библиотек: заинтересованность правительства в развитии произ-

водительных сил, начало складывания государственной системы образования, рост числа университетов, институтов, гимназий, технических и других училищ, научных и просветительских обществ и организаций, увеличение книжной торговли. Отмечается рост числа самых разнообразных библиотек: публичных, губернских и уездных, научных обществ, учебных заведений и частных. С другой стороны, усиливается контроль правительственных органов за книгоизданием, библиотечными фондами и распространением книг общественно-политической тематики, содержавших критику самодержавного строя России.

По поручению Императорского Вольного экономического общества 23 апреля 1830 года Н.С. Мордвинов подал министру внутренних дел А.А. Закревскому «мнение» об учреждении публичных библиотек в России, и уже 5 июля «состоялось» распоряжение об открытии публичных библиотек для чтения во всех губернских городах.

Через два года, 14 апреля 1832 года, появилось второе распоряжение нового министра внутренних дел, предписывающее открыть библиотеки в 44-х губернских городах, через год разослано третье распоряжение, в котором указывалось, что *«имеющимися доселе способами не представляется возможности приступить к прочному заведению публичных библиотек, вполне соответствующих своему назначению»*. Из донесений губернаторов было видно, что *«способы весьма слабы и недостаточны к заведению публичных библиотек»* [13, с. 115].

Министр народного просвещения, в ведение которого были переданы

Август Ульянович Денфер.
Новгородский губернатор (1826—1834 гг.)

библиотеки, в мае 1834 года известил Мордвинова об открытых или планируемых к открытию библиотеках в тридцати городах России [13, с. 116]. Таким образом одна из первых губернских публичных библиотек была учреждена в Новгороде.

Новгородский губернатор А.У. Денфер 6 октября 1833 года уведомил городскую думу Новгорода о предписании министра внутренних дел *«открыть ныне же Публичную губернскую библиотеку и поместить оную с удобностию в домах: Депутатского собрания, Приказа общественного призрения или Градского общества»* [8, л. 1, 2]. Но подходящих помещений в зданиях указанных

№ 700
 НОВГОРОДСКАГО
 ГРАЖДАНСКАГО
 ГУБЕРНАТОРА
 Канцелярія
 Стола
 № 8591
 Новгородъ.

10. октября 1892 г.)
 Новгородской Гражданской
 Думы

И Министру Внутренних
 Делъ въ предписаніи
 сего въ видѣ ссылки про-
 шимъ поручаю съ нѣмъ
 открыты нынѣ въ Пуб-
 личную Государственную Би-
 блиотеку и помѣститъ
 оную въ удобности въ
 домахъ Депутатская
 (Собрания) Публичнаго
 и, соответственно Триуров-
 ня или Гражданскаго Об-
 щества.

С: 10. Октября 1892 г.

какъ въ первомъ дѣлѣ ита-
 столюшка каковыя поименован-
 ныя сего заботами и исполненіи
 то и предписано Гражданской
 Думѣ помѣститъ въ поименован-
 ной означенной Библиотекѣ
 сухой и удобной, и да въ то же
 вой будетъ предназначена
 всасти

Гражданскій Государств. Министръ

Предписание новгородского гражданского губернатора А.У. Денфера городской думе об учреждении в Новгороде Публичной губернской библиотеки. ГАНО. Ф. 93. Оп. 3. Д. 1. Л. 1

№ 810

15 ноября 1892 г. № 51

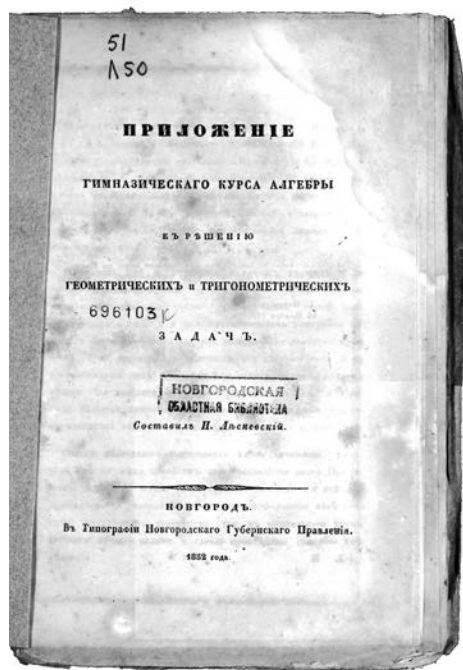
в Новгородскую городскую думу

от гласного Козьмы Модягина

Риспортъ

Въ свидѣствіе членомъ выградской думы
 13 сентября на предписаніе Г^{на} новгород-
 ского графа Александра Черемшанина резолюціи,
 по членскому мною разысканію обнамелъ
 я земл. помѣщикъ новгородскій Черемшанинъ
 библиотеки подобными отдаваемыя обрат-
 ное содержаніе три нѣмцк. покроя, въ дере-
 вянной формѣ коммеморіи секретарши
 Модягинны Соколовой состоящій во 2-ой
 полов. части 3-хъ листовъ, за которыхъ объявилъ
 въ соколовой цѣнѣ — 25 рублей въ каждыи
 листъ. Освѣд. оной городской думѣ и имѣю
 честь сими почтеннѣйше довести. Ноябрь дн
 933 года Гласномъ Козьма Модягинъ,

С: 15. 11. 92

Учебник И.В. Лесневского

учреждений не нашлось, и он поручил городской думе найти для библиотеки удобное помещение. Поисками его занимался гласный думы Козьма Модягин. Постоянно интересуясь ходом выполнения порученного дела, 13 ноября 1833 года губернатор посоветовал думе для размещения библиотеки «нанять не более двух или трёх комнат» [8, л. 4].

Поиски помещения для Публичной библиотеки заняли месяц. Лишь в рапорте от 15 ноября Модягин сообщил, что нашёл для библиотеки «три жилых покоя в деревянном доме коллежской секретарши Людмилы Соколовой, состоящем во 2-й Торговой части, 3-ем квартале, за которые объявлена ею, Соколовою, плата 25 рублей в каждый месяц» [8, л. 5].

Предложение гласного Модягина губернатор одобрил, и с 1 декабря 1833 года помещение считалось занятым под библиотеку. С этого же дня по указанию губернатора плата за наём перечислялась Л. Соколовой «из сумм городских доходов» [8, л. 9].

Первым заведующим Публичной библиотекой был назначен старший учитель Новгородской мужской гимназии Игнатий Викторович Лесневский [15, с. 25].

К сожалению, нет сведений, каким был книжный фонд и количество читателей в первые годы существования библиотеки. Известно только, что один из предводителей новгородского дворянства передал городскому общественному управлению «ценное собрание книг, с тем условием, чтобы город устроил общедоступную библиотеку-читальню» [6]. Тем не менее Публичная библиотека привлекла внимание читающей публики.

Через два года после её открытия, 26 марта 1835 года, появляется предписание А.У. Денфера о немедленном подыскании более удобного помещения для библиотеки, ибо «нынешнее помещение по отдалённости и тесноте комнат, оною занимаемых, неудобно для посещения читателями» [8, л. 11].

Распоряжение губернатора было исполнено гласным Новгородской городской думы Иваном Грабусовым: 15 ноября 1835 года он рапортовал, что «для помещения Новгородской публичной библиотеки найдены мною удобная покои во 2-й Торговой части, в 3-ем квартале, по набережной Фёдоровского Ручья, во флигеле новгородского мещанина Василия Калашникова, в которых передних

N 1042

15го ноября 1835 - года13^{го} Новгородской Градской Думе.

Отъ гласнаго Ивана Грабусова

Рапортъ

Вследствіи полученной въ сію думу 15
 числа сего ноября записки о семъ
 отъ гласнаго Ивана Грабусова, изъясняющей
 помянутой новгородской градской
 библиотеки, обидею, какъ и убого
 пономаря во 2. тарловой части въ 4ой квар-
 талъ по каменной средаровской улице
 воеводского новгородскаго Исаакия
 Василья Каманикова, въ которой
 помянутой пономаря три и помянутой
 тарловой части с обидею, какъ и
 убого пономаря сего отъ гласнаго Ивана Грабусова.

Вследствіи сего помянутой записки
 о семъ Градской думой сего
 ноября. "дня 15го года

Гласнаго Ивана Грабусова

Рапортъ гласнаго Ивана Грабусова в Новгородскую городскую думу.

ГАНУ. Ф. 93. Оп. 3. Д. 1. Л. 13

Набережная Фёдоровского ручья. Открытка нач. XX в.
Издание книжного магазина И.И. Доррера (г. Стокгольм).
НГМ КП 14557/15 ОПИ/ИГ-542

покоев три по лицу с тремя окнами, с объявленною от него ценою и с отоплением его в каждый месяц по тридцати рублей» [8, л. 13]. Переезд её в новое помещение растянулся на два месяца. Лишь 15 января 1836 года гласный думы Антон Пономарёв донёс, что «Новгородская публичная библиотека во вновь нанятую у мещанина Василия Калашикова квартиру мною с господином старшим учителем гимназии Лесневским с 1-го текущего Генваря переведена» [8, л. 16].

Город, видимо, проявлял мало заботы о библиотеке. Об этом свидетельствуют прошения В. Калашникова, направленные в Новгородскую думу в 1837, 1839 и 1840 годах об уплате долга за нанятую квартиру для библиотеки. Со 2 июля 1840 года заведующим Публичной библиотекой стал старший учитель Новгородской мужской гимназии [Николай Иванович] Коншин, преподаватель риторики и истории литературы. С 8 декабря 1840 года библиотека переехала

в здание городских присутственных мест, которые были неудобны для её размещения по двум причинам: удалённости от квартиры библиотекаря и отсутствия помещения для читателей.

В этот период библиотека влачила жалкое существование, и, не имея никаких средств, вовсе была закрыта для читателей. Книжный фонд выглядел удручающе: около половины его книг не имели пере-

плётов, было много устаревшей художественной и учебной литературы, более 150 сочинений — неполные или разрозненные. В 1840 году книжный фонд Публичной губернской библиотеки составлял 478 названий в 1767 томах. В течение года бесплатно поступило 2 журнала приблизительно на сумму 20 рублей серебром [7, л. 8, 8 об., 11; 28, с. 156]. О равнодушном отношении к судьбе библиотеки свидетельствует и реакция городской думы на запрос Министерства внутренних дел от 22 июня 1846 года, содержащий следующие вопросы: «Как давно существует в градской думе Губернская публичная библиотека, по чьему распоряжению учреждена, в каком виде она находится в настоящее время, сколько имеется в ней книг, и ведёт ли она каталог или опись?». На все эти вопросы новгородская дума сообщила, что таких сведений не имеет и получить их можно от заведующего Публичной библиотекой — учителя гимназии

Городская дума. Открытка нач. XX в.
Издание книжного магазина И.И. Доррера (г. Стокгольм).
НГМ КП 14557/5 ОПИ/ИГ-3433

господина Колчина [8, л. 16–23] (Коншин и Колчин — возможно, речь идёт об одном и том же лице).

На благо Публичной библиотеки

Опасаясь, что публичные библиотеки могут быть использованы для *«разглашения вредных толков»*, правительство установило за ними строгий надзор. Николай I распорядился ежегодно просматривать их каталоги. Поскольку эту задачу могло выполнить Министерство народного просвещения (МНП), как ведающее цензурными комитетами, библиотеки в 1834 году были переданы из ведения Министерства внутренних дел в МНП.

Библиотека в 1840-е годы практически не пополнялась литературой — книжный фонд оставался очень бедным. В 1850 году он составлял только 480 названий в 1775 томах, Публичная библиотека получала бесплатно «Жур-

нал Министерства внутренних дел» и «Журнал Министерства народного просвещения», да и то нерегулярно. Основная доля фонда приходилась на периодические издания, далее шли книги по истории и географии, словесности, сельскому хозяйству. Художественной литературы и вообще было 83 названия в 117 томах, ничтожным было число книг о воспитании и для детского чтения — 16 названий

в 24 томах [7, л. 10].

В конце 50-х годов XIX столетия библиотека размещалась в здании городских Присутственных мест. В 1858 году в библиотеке числилось 987 названий книг и журналов в 2229 томах, в 1859-м фонд пополнился незначительно: поступило всего 8 названий книг и журналов в 56 томах [22, с. 43], при этом постоянного финансирования библиотека не имела и пополнялась за счёт частных пожертвований. В том же году вопросами усовершенствования организации Публичной библиотеки заинтересовалось новгородское дворянство во главе с губернским предводителем дворянства, отставным гвардии штаб-ротмистром князем Николаем Евграфовичем Мышецким, который вёл обширную переписку с министром внутренних дел Е.П. Ковалевским по устройству в Новгороде Публичной библиотеки. Новгородское дворянское собрание пожертвовало *«на первоначальное устройство»*

в Новгороде «доступной публичной библиотеки» 1132 рубля серебром, позаботилось о приобретении мебели и литературы «по всем отраслям наук». Князь Мышецкий внёс предложения о библиотечном помещении и разработал главные правила для библиотеки, предложил ввести плату за чтение книг на дому, поднял вопросы управления библиотекой [25, с. 13; 30, с. VI–XII].

Переписка по этим вопросам велась в течение ряда лет: требовалось составить и утвердить в различных вышестоящих организациях Устав библиотеки и Правила пользования ею, составить каталог, подыскать подходящее помещение и выделить средства на содержание библиотеки. Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, рассмотрев проект Устава Новгородской публичной библиотеки, 19 декабря 1860 года высказал мнение о том, что Устав должен придать собранию книг «характер публичной библиотеки и, именно, доступность оной всем желающим в ней заниматься, причём желательно допустить освобождение от платы лиц недостаточного состояния» [6].

В 1863 году Новгородский губернский статистический комитет, находившийся в ведении губернатора, обратил с просьбой в городскую думу Новгорода передать Публичную библиотеку в его ведение и не отказать в материальной поддержке. Обе просьбы были удовлетворены, и комитет принял от города 2500 томов книг, переданных заведующим библиотекой, учителем гимназии Крашенинниковым. Особенно «замечательные и важные» книги, по мнению Губернского статистического

Николай Гаврилович Богословский.

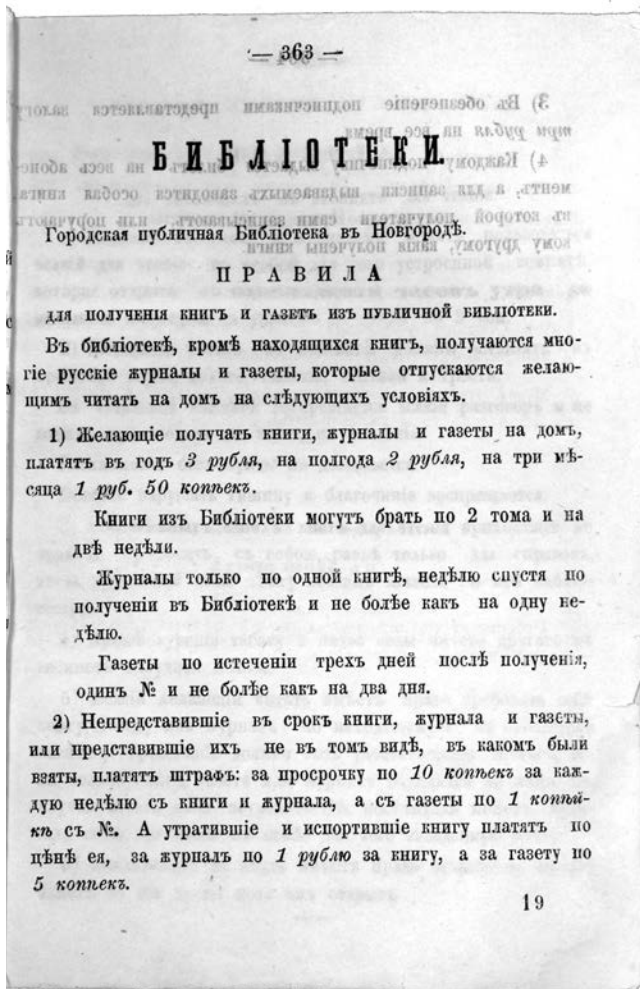
Фото 1890—1892 гг.

НГМ КП 37783/34 Ф. 20. Оп. 2. Ед. хр. 1

комитета, имели отделы: статистический, исторический, путешествий и периодических изданий [16, л. 11–12].

В длинном ряду лиц, работавших на пользу Публичной библиотеки в разные годы, особенно часто встречаются имена губернаторов Э.В. Лерхе и А.Н. Мосолова, секретарей статкомитета Н.Г. Богословского, В.П. Ласковского, С.Д. Васильева.

Особая заслуга в организации Публичной библиотеки в Новгороде принадлежит секретарю губернского статкомитета Николаю Гавриловичу Богословскому — скромному священнику, археологу, знатоку и любителю новгородской старины, автору целого ряда работ по истории Новгородской земли, основателю Новгородского музея древностей.

Правила для получения книг и газет
из Публичной библиотеки

Он систематизировал книжный фонд и составил каталог Публичной библиотеки, изданный в 1863 году, на довольно значительную сумму пополнил книжные фонды библиотеки за счёт собственных

нами этого, вероятно, стали долгое забвение библиотеки и отсутствие строгой системы комплектования [17].

После систематизации книжного фонда и издания «Каталога», в начале

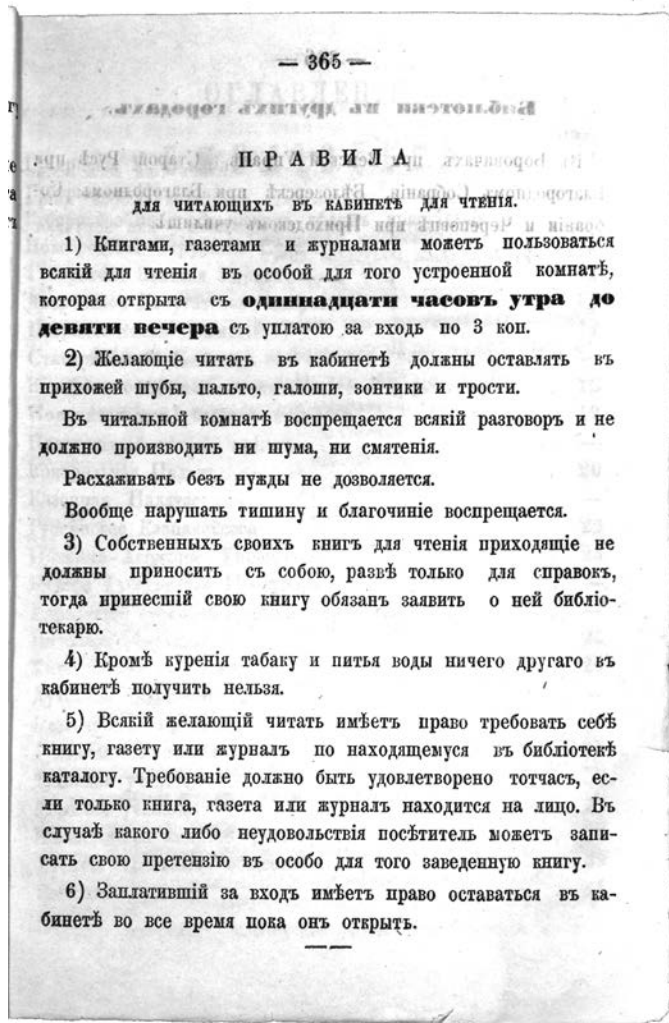
книг и из своих скудных средств ежегодно подерживал библиотеку.

В «Каталоге Публичной библиотеки, находящейся в распоряжении Статистического комитета», названия книг размещены по разделам: богословие, книги исторические, описания путешествий вокруг света и по России, статистика, всеобщая история, история литературы, зарубежная литература по странам, русская литература, философия, педагогика и многие другие. Против каждой книги указывался автор, место и год издания, с какого языка сделан перевод, переводчик, формат, переплёт и число экземпляров. Многие отделы фонда имели существенные пробелы. Так, в разделе русской литературы отсутствовали произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского и других классиков. Собрания сочинений имели разрозненные тома. Причи-

1865 года Новгородская публичная библиотека была вновь открыта для граждан города.

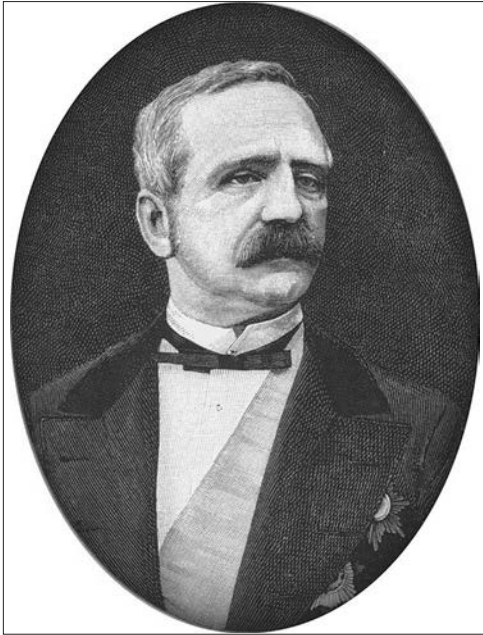
В «Памятной книжке Новгородской губернии на 1869 год» были опубликованы «Правила для получения книг и газет из Публичной библиотеки», согласно которым *«желающие получить книги, журналы и газеты на дом, платят в год по 3 рубля, на полгода по 2 рубля, на три месяца 1 руб. 50 коп.»* [23, с. 363]. Книги выдавались на две недели по 2 тома, журналы не более как на одну неделю по одной книге, газеты по истечении трёх дней после получения, один номер и не более как на два дня. Не представившие в срок книги и периодические издания подвергались штрафу, так же как и утратившие и испортившие то или иное издание.

Не менее интересными были «Правила для читающих в кабинете для чтения». Кабинет для чтения был открыт с 11 часов утра до девяти часов вечера с оплатой за вход по 3 копейки. Не разрешался вход в верхней одежде, с зонтиками и тростями, запрещалось нарушать тишину, приносить собственные книги. *«Кроме куре-*

Правила для читающих
в кабинете для чтения

ния табаку и питья воды ничего другаго в кабинете получить нельзя... В случае каковаго-либо неудовольствія посетитель может записать свою претензію в особѣ для того заведѣнную книгу» [23, с. 363].

Эдуард Васильевич Лерхе.
Новгородский губернатор
(1864—1882 гг.)

В дар библиотеке

После того, как в 1878 году Н.Г. Богословский оставил должность секретаря Статистического комитета, губернское земство отказало в помещении и денежном пособии Публичной библиотеке. Но библиотеку по-прежнему продолжал поддерживать новгородский губернатор Э.В. Лерхе. В одном из своих посланий 3 ноября 1879 года он сообщал городской думе: *«Употребил всё своё старание, чтобы приобрести средства на возобновление городской Публичной библиотеки»* [3, л. 1]. Из письма явствует, что он *«обращался за содействием»* к учреждениям, частным лицам и, *«благодаря участию сочувствующих этому полезному делу лиц, в особенности же вниманию их высочеств великих князей Сергея и Павла Александровичей, Константина и Дмитрия Константиновичей, пожертвовавших 1000 руб.»*, сумел достичь своей цели [3, л. 1]. Таким путём было собрано 6000 рублей, и в течение года приспособили под библиотеку и музей два домика при Златоустовской башне Новгородского кремля. Но расходы по обустройству библиотеки были столь велики, что губернатор вынужден был также обратиться к городской управе об увеличении из городской казны ежегодной суммы *«на усиление средств библиотеки»* [3, л. 10].

В ответ на ходатайство губернатора Лерхе 30 мая 1869 года за огромную работу по организации в Новгороде Публичной библиотеки и Музея Александра II *«Высочайше соизволил пожаловать священнику Богословскому, за его полезную деятельность, пятьсот рублей»* [9].

Некоторое время библиотека не работала из-за отсутствия финансирования, а в 1875 году вновь была открыта. В это время на абонементе насчитывалось 236 читателей, а средства на её содержание поступали из городского бюджета — 50 рублей, и от губернского земства — 200 рублей [2, л. 1; 24, с. 40–41].

В конце 1870-х годов Публичная библиотека пополнилась за счёт прекрасного собрания книг — всего около шести тысячи томов со множеством редких изданий — действительного статского советника, крупнейшего валдайского

землеладельца Василия Степановича Барыкова [25, с. 13].

В 1879 году благодаря энергичной деятельности самого Э.В. Лерхе, а также мирового судьи М.А. Языкова, директора гимназии И.В. Коленко и городского головы Я.И. Журавлёва, библиотека вновь начала работать. Была установлена плата с читателя («подписчика») первого разряда 5 рублей в год, 2-го — 3 рубля и за каждое отдельное посещение «кабинета для чтения» — 3 копейки.

Губернатор Лерхе, покидая Новгород в связи с переводом в Петербург, обратился в 1882 году к членам Статистического комитета с просьбой поддержать Публичную библиотеку и Музей древностей. *«Эти полезные учреждения, — отмечал он, — не могут не заслуживать тёплого сочувствия, и я уверен, что они будут упрочены в своём существовании»* [15; 26].

Со временем здания музея и библиотеки обветшали и могли рухнуть. Новый губернатор А.Н. Мосолов решил найти для музея и библиотеки хорошее здание, приспособив для них собственно Златоустовскую башню. Мосолов сумел привлечь всеобщее внимание к постройке нового здания библиотеки и музея, созданного архитектором Францем Ивановичем Воронцом по эскизу архитектора-художника Василия Михайловича

Новгородский музей и общественная библиотека.
Фото 1880 г. Фотоателье фотографа Н.П. Лядова.
НГМ КП 17327 Ф. 20. Оп. 4. Ед. хр. 16

Елкашева. В 1893 году новое здание музея и библиотеки было освящено.

Перед входом в библиотеку на площадке поставили чугунные пушки, бывшие на вооружении в Кирилло-Белозерском монастыре, и положили несколько каменных ядер [18, с. 101–103].

Библиотека постоянно пополнялась за счёт пожертвований. В мае 1847 года Департамент Министерства народного просвещения сообщил губернатору о собранных Императорским Вольным экономическим обществом книгах для Новгородской публичной библиотеки, среди них «Лесной журнал» за 1845—1846 годы и книга Грум-Гржимайло «Друг матерей, или Руководство к распознаванию и лечению детских наружных болезней и к предупреждению вообще у детей всякого рода недугов», изданная в 1848 году. В 1860 году общество

Александр Николаевич Мосолов.
Новгородский губернатор
(1883—1894 гг.)

пожертвовало для библиотеки ещё 147 томов книг и брошюр по сельскому хозяйству и естествознанию, «Лесной журнал» за 1834—1851 годы [4; 5].

Среди дарителей были великие князь Владимир и Алексей Александровичи, передавшие библиотеке в 1865 году 30 экземпляров книг, и князь Н.Е. Мышецкий. Они пожертвовали книги по истории, такие как «История России с древнейших времён» С.М. Соловьёва, «Очерки торговли московских государей» и «Памятники русской литературы» Н.И. Костомарова, «Домашний быт русских царей» И.Е. Забелина; книги по новгородике: Ф.П. Аделунга «Корсунские врата», И.И. Красова «О местоположении Новгорода»; по фольклору:

В.И. Даля «Пословицы», А.Н. Афанасьева «Русские сказки», И.П. Сахарова «Песни русского народа»; «Сочинения» Н.В. Гоголя, «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова и другие [9].

Книжный фонд Новгородской публичной библиотеки значительно пополнился в 1904 году, когда было прислано 185 томов ценных изданий из Императорской публичной библиотеки и 176 — от частных лиц [1, л. 10].

В последующие годы пожертвования поступали от Императорской археологической комиссии, Императорской Академии наук, Саратовской учёной комиссии, Московского и Псковского археологических обществ, Новгородского общества любителей древности, а также от частных лиц: Н.А. Рубакина, М. Вышеславцева, А.А. Покровского, В.А. Подобедова, Н.А. Лашкова, М.П. Пятницкого, М.А. Прокофьева и других. Среди них были члены Новгородского общества любителей древности. Особенно щедрые пожертвования поступили от Московской городской управы по завещанию умершего почётного члена Статистического комитета К.Т. Солдатёнова — 62 тома ценных изданий по философии и истории [21, с. 1].

20 августа 1909 года в Новгородскую городскую думу из Москвы от редактора изданий Его Сиятельства действительного статского советника В.Н. Смольянинова поступило письмо следующего содержания: *«Располагая небольшим количеством экземпляров своего издания фамильных бумаг высокой исторической ценности, князь Фёдор Алексеевич Куракин желал бы пожертвовать их городским общественным библиотекам.*

Посему, если городской думе будет угодно получить этот дар в количестве 11-ти томов, с третьего по тринадцатый включительно, прошу уведомить меня по указанному адресу. Расходы по пересылке князь берёт на себя». На письме сохранилась резолюция: «Просить выслать на имя Управы». Эти ценные книги были получены 19 октября того же года, и на следующий

же день городская управа выразила Ф.А. Куракину глубокую благодарность за присланные 11 томов его изданий [1, л. 1, 3, 5].

Цензура усиливается...

С принятием нового закона о печати в 1865 году усилился надзор за библиотеками. Статья 175 этого закона вводила так называемый «разрешительный порядок», требующий для открытия публичных и общественных библиотек разрешения министра внутренних дел или губернаторов.

Надзор за библиотеками с 1867 года был поручен Министерству внутренних дел, в ведение которого из Министерства народного просвещения перешли и органы цензуры. С 1884 года стали издаваться «Алфавитные списки произведений печати, которые не должны быть допускаемы <...> в публичных библиотеках и общественных читальнях». Согласно циркуляру от 9 января

Публичная библиотека. 1910-е гг. Фотограф Н.Г. Матвеев

1884 года за подписью министра внутренних дел графа Д.А. Толстого вводилась цензура в публичных библиотеках и библиотеках-читальнях. Губернаторам поручалось следить за тем, чтобы «в числе книжного запаса не обращалось произведений печати, не дозволенных к выходу в свет или же впоследствии запрещённых» [5]. В июне того же года из Управления по делам печати на имя новгородского губернатора поступило письмо и алфавитный список изданий, которые на основании Высочайшего повеления от 5 января 1884 года не допускались к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Соответствующие распоряжения были направлены А.Н. Мосоловым новгородскому полицмейстеру и уездным исправникам. В списке запрещённых изданий значились «Сочинения» Н. Дроблюбова, «Степные тайны» П. Засодимского, «Западня», «Нана» Э. Золя, «О положении человека в ряду органических существ» Т. Гексли, «Сочинения»

Василий Павлович Ласковский.
НГМ НВ 15469

Ф. Лассаля, «Мелочи архиерейской жизни» Н. Лескова, первый том «Капитала» К. Маркса, «Сочинения» Д. Писарева, Н. Помяловского, Н. Шелгунова и многие другие. Всего 125 названий. Из периодических изданий запрещено было иметь в библиотеках «Отечественные записки» (1867—1884), «Русское слово» (1857—1866), «Современник» (1856—1866), «Русскую мысль» (1880—1884). Несмотря на такую жёсткую цензуру, библиотека продолжала работать [5].

На рубеже двух столетий

С 1884 по 1894 год секретарём Новгородского губернского статистического комитета был Василий Павлович Ласковский, известный составитель первого библиографического справочника «Нов-

городика. [Опыт словаря сочинениям, заключающим в себе описание Новгородской земли и её истории]». Этот ценный библиографический труд впервые был опубликован в «Памятной книжке Новгородской губернии на 1892 год», затем в 1893 и 1908 годах вышли два дополнения к нему. Теперь «Новгородика» насчитывала более 2100 названий книг. Сегодня очевидно несовершенство первого библиографического «Словаря»: отсутствие точного описания книг, отсутствие вспомогательных указателей. Тем не менее «Новгородика» В.П. Ласковского положила начало краеведческой картотеке «Новгородика» Областной научной библиотеки. Положение библиотеки в период секретарства В.П. Ласковского было довольно сложным. Отказ земства в регулярной субсидии, несмотря на значительные пожертвования и подписные поступления, давал себя знать.

В 1894 году Новгородская губернская земская и городская управы откликнулись на нужды библиотеки и выделили, соответственно, 150 и 500 рублей; библиотека стала бесплатной. Благодаря неутомимой энергии секретаря Статкомитета С.Д. Васильева (1897—1899), был составлен систематический каталог: все статьи и произведения десяти тысяч томов периодических изданий прежних лет разнесены по соответствующим отделам. Дальнейшая систематизация книжного фонда библиотеки значительно облегчила его пользование. Гарантией сохранности книжного фонда служил введённый трёхрублёвый залог, для служащих — удостоверение их хозяев или казначеев. Журналы за текущий год, как

правило, выдавались домой лишь спустя шесть месяцев с момента их выхода в свет, периодические издания предоставлялись читателям лишь в самом здании библиотеки.

О состоянии дел в библиотеке свидетельствует отчёт Губстаткомитета городской управы от 16 ноября 1900 года: *«Всего берущих книги на дом к 1 ноября сего года насчитывается 268 человек, а читающих в самом здании библиотеки с 1 января по 1 ноября 5526 человек. В особенности много замечается посетителей в каникулярное время, когда, обыкновенно, приезжают студенты, да и учащаяся в Новгороде молодежь, имея в своём распоряжении более свободного времени, чаще заглядывает в библиотеку»* [3, л. 2]. Фонд библиотеки в это время насчитывал 3792 сочинения, или 7600 томов, который, по-прежнему, пополнялся за счёт материальной помощи со стороны Новгородского земства (400 рублей) и городской управы (150 рублей). Статистический комитет прилагал немалые усилия к тому, чтобы «побуждать» городскую управу выделять средства на содержание библиотеки. Обращаясь в городскую управу, он указывал на то, что выделяемые ею средства являются *«для библиотеки важнейшим источником к существованию, это пособие даёт возможность всем жителям гор. Новгорода бесплатно пользоваться книгами. Существующие библиотеки при Дворянском собрании и Соединённом клубе доступны лишь для членов, а остальные обыватели обращаются в библиотеку Статистического комитета»* [3, л. 3]. Незначительные суммы в качестве пожертвований поступали

также от частных лиц и от продажи каталогов, издававшихся самой Публичной библиотекой.

Библиотекой предпринимались самостоятельные активные шаги к пополнению фонда. *«Чтобы сократить издержки на выпуск журналов и газет, обыкновенно в конце каждого года»*, как свидетельствует письмо Статкомитета в городскую управу от 24.10.1901 года, *«библиотека обращается к редакторам с просьбой о безвозмездной или со скидкой высылке редактируемых ими журналов»* [3, л. 4]. Таким путём Новгородская публичная библиотека получала 27 периодических изданий, среди них журналы «Детское чтение», «Нива», «Новый мир», «Вестник всемирной истории» и другие. Тогда же были приобретены 5 полутомов «Энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона; «Сочинения в 5-ти томах» А.П. Чехова; «Повести и рассказы» И.Н. Потапенко в 12 томах и другие издания.

Согласно отчётам Публичной библиотеки число читателей ежегодно увеличивалось, несмотря на открытие в Новгороде двух народных библиотек-читален: в 1902 году — имени И.С. Никитина, в 1903 году — имени Н.А. Некрасова. Ежедневно в 1904 году библиотеку посещали до 85 человек. Однако читателей в библиотеке фактически было больше: значительное число читающих не регистрировалось.

Среди читателей выделялись следующие социальные группы: служащие и лица свободной профессии — 35%, учащиеся обоего пола — 24%, женщины-служащие и члены домохозяйства — 15%, ремесленники и чернорабочие — 11%,

19

По отчетному году поступило на по-
 нисе-вспомогательную именуемую библиотеку 611 том, ~~102~~
 из которых численно 162 тома / в том числе
 56 томов составили приложения к различным
 журналам, 16 томов вкayne по заграничным
 яслям и издательствам 383 томов.

Полученные поступления от: В. Д. Афанасова,
 Афанасия Павликина, Императорской Академии
 наук, Ф. Левиной, В. Н. Мейсакманов, С. Д. Дав-
 лова, М. Н. Зейнера, М. Н. Добровольной, А. П. Писа-
 рева, С. Н. Хилитинской, С. Д. Мельникова, В. Д. Мухомо-
 ва, Педagogического Училища, Санктской гимнази-
 ерии, С. Д. Ан. Васильева и С. В. Чумакова

По отдаленным поступившим сохраним разпре-
 деленным тираж

№	Название отправления	Копии	Всего	Всего	Всего
1	Богословие		2	2	
2	Философия, педагогическая наука и педагогика	5	15	20	
3	История, археология, этнограф- ическая и историческая география	7	22	29	64
4	Правоведение, общественные науки и статистика	25	3	8	36
5	География и путешествия	-	2	0	11
6	Искусство и музыкальные науки	-		2	2
7	Ветеринария и медицина	5	3	13	21
8	Всестороннее хозяйство и техника	-	-	6	6
9	Словесности	14	16	74	104
10	Военная литература	-	-	2	2
11	Словесности и справочные издания	6		18	24
12	Периодические издания	100		83	183
13	Статистика (историческая)	-		126	126
		162	46	393	601

№ 5 от 1910 г. 10
 № 4 4535
 25340 756
 11.10.17

Отчёт о деятельности публичной библиотеки-читальни при Новгородском губерном статистическом комитете [1906 г.] НГМ КП 25980/38 Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 10

не заявившие своей профессии — 13%, торговцы (хозяева) — 2%.

В 1904 году наметился рост числа читателей Публичной библиотеки. Поступление литературы в этом году составило 1125 томов, в т.ч. пожертвованных — 553 и купленных — 572. Библиотека в это время выписывала за полную плату шесть газет и девять журналов, получала бесплатно и в обмен на издания Губстаткомитета 13 журналов и 14 газет. Наибольшая сумма, 400 рублей, на содержание библиотеки поступила от Новгородского губернского земства, 250 — от городского общественного управления, 200 — от губернской и уездных комиссий попечителей о народной трезвости. Расходы на нужды библиотеки в этом году составили 853 рублей 53 копейки [11; 3, л. 11].

Имелись факты небрежного отношения читателей к книгам: вырванные страницы, неприличные надписи, поломанные переплёты, в основном, в книгах серьёзного содержания, доступных людям образованным. В 1905 году из шкафов пропало большое количество изданий, поэтому администрация библиотеки вынуждена была *«закрывать совершенно доступ в шкафы с книгами»* [11; 12, с. 23]. Полным контрастом являлся отдел детских книг, где ничего не пропало, хотя дети также свободно допускались к книгам.

Число посетителей составило в 1904 году 26 285 человек, а в 1905 году сократилось до 21 979. Несмотря на снижение числа абонентов, значительно выросла книговыдача: в 1904 году она составляла 57 845 томов, а в 1905 году — 66 082 тома, было разрешено выдавать одному читателю одно-

временно до четырёх книг. В том же году увеличилось число читателей из служащих и лиц свободных профессий до 59% (в 1904 году — 35%), учащихся — до 27% (в 1904 году — 24%), остальных категорий — 14%. Из года в год увеличивался спрос на газеты: с 1876 в 1903 году до 11 176 в 1905-м [11; 3, л. 10; 19, с. 24–25].

Прослеживаются наиболее популярные авторы по различным разделам: например, в «Богословии» — А. Муравьёв, «Философии, психологии, логике и педагогике» — Н. Кареев, Т. Рибо, Г. Спенсер; «Жизни замечательных людей» — А. Пыпин, С. Соловьёв, В. Ключевский; «Естественных науках и медицине» — К. Фламмарион, Ч. Дарвин, А. Брэм; «Русской словесности» — Л. Толстой, А. Писемский, Вс. Соловьёв; «Зарубежной словесности» — А. Дюма, Ф. Шиллер, Э. Золя, М. Монтень и «Детской литературы» — М. Рид, Ж. Верн, М. Твен.

В последующие годы постоянно увеличивалось число читателей, посетителей, книговыдач. За все годы, когда библиотека работала бесплатно (сведения имеются с 1896 года), было выдано для чтения на дому и в самом здании библиотеки 418 223 тома.

Несмотря на необычайную популярность библиотеки в городе, в отчётах постоянно отмечался недостаток средств на её содержание. Суммы в 828 рублей, которые получала библиотека на год, было недостаточно для того, чтобы приобретать необходимые издания и переплетать книги.

Заработная плата библиотекаря за 8-часовой рабочий день и сохранность книг составляла 20 рублей, а его помощника за четыре вечерних часа — пять.

Публичная библиотечка-читальня.

(Кремль; тел. № 195. Состоитъ въ вѣдѣніи Новг. губ. Статист. Ком. (см. стр. 5).

Выдача книгъ на домъ производится отъ 10 час. до 2 час. дня и отъ 5 час. до 9 час. вечера за исключеніемъ кануновъ календарныхъ праздниковъ, когда библиотечка открыта съ 10 час. утра до 2 час. дня, воскресныхъ дней и праздниковъ, когда библиотечка открыта отъ 3 час. дня до 6 час. вечера. Выдача книгъ совершенно не производится во всѣ двенадцатые праздники, четвергъ, пятницу и субботу Страстной недѣли, три дня Св. Пасхи, 24, 25, 26 и 27 декабря, 1 января, послѣдніе 2 дня масленицы и Высочоторжественные дни тезоименитствъ и рожденія **ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ** и по воскреснымъ днямъ въ іюнь и іюль мѣсяцахъ.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1916 год. Новгород. 1916

Кроме того, помощь на общественных началах постоянно оказывали сотрудники Губернского статистического комитета [26, с. 12–15].

С марта 1909 года в Публичной библиотеке шёл ремонт, и она на год была закрыта для читателей, но и тогда выписывала и получала бесплатно в обмен на издания Губернского статистического комитета большое количество газет и журналов, среди которых такие известные, как «Вокруг света», «Нива», «Петербургские ведомости», «Журнал Министерства народного просвещения», «Биржевые ведомости», «Вестник иностранной литературы», «Гусельки яровчаты», «Живая старина», «Исторический вестник», «Старые годы», «Современный мир» и многие другие. В том же году Губернский статистический комитет вынужден был ввести вновь плату за пользование книгами на дому в связи с прекращением субсидий со стороны Новгородской городской управы. Содержать библиотеку на одно пособие губернского земства в 400 рублей ежегодно было невозможно. Этих

средств не хватало ни на содержание служащих, ни на выписку газет и журналов. С осени 1909 года Статкомитет постановил ввести плату с абонентов библиотеки: *«по I разряду — 4-х книг, в т. ч. 1 журнала в первый месяц по выходе в свет — 60 коп.; по II разряду — 3-х книг, в т. ч. 1 журнала через два месяца после выхода в свет — 40 коп.; по III разряду — 2-х книг, в т. ч. 1 журнала через шесть месяцев после выхода в свет — 20 коп.»* [10]. Это привело к уменьшению числа абонентов и взятых ими книг.

Как только в 1912 году была отменена плата за пользование книгами, число абонентов библиотеки сразу же увеличилось на 129 человек — до 381. В библиотеку поступило 945 томов, большая часть которых из разделов «статистика» и «разное».

Читателей Публичной библиотеки в 1914 году обслуживали согласно таким правилам: *«Выдача книг на дом производится с 10 часов до 2 часов дня и с 5 часов до 9 часов вечера за исключением канунов календарных праздников, когда библио-*

тека открыта с 10 часов утра до 2 часов дня, воскресных дней и праздников, когда библиотека открыта от 3 часов дня до 6 часов вечера. Выдача книг совершенно не производится во все двенадцатые праздники, четверг, пятницу и субботу Страстной недели, три дня Св. Пасхи, 24, 25, 26 и 27 декабря, 1 января, последние два дня масленицы и высокотожественные дни тезоименитств и рождения их императорских величеств и по воскресным дням в июне и июле месяце».

Книги в Новгородской публичной библиотеке выдавались бесплатно и на дом, и для чтения в помещении библиотеки.

«В обеспечение исправного и своевременного возвращения книг подписчик вносит залог в размере: по I-му разряду — 4 руб. за чтение на дому 4-х книг; по II-му разряду — 3 руб. за чтение на дому 3-х книг и по III-му разряду — 2 руб. за чтение на дому 2-х книг.

Для лиц, состоящих на службе в государственных и общественных учреждениях, залог может быть заменён удостоверением казначея или лица, выдающего

содержания, что при 1-м заявлении администрации библиотеки об утрате или порче книги подписчиком стоимость её будет удержана из его жалованья и внесена в кассу библиотеки.

Книги выдаются на дом не более как на 14 дней; подписчик, не возвративший книги в указанный срок, обязан уплатить штраф в размере 5 коп. с тома за каждый просроченный день» [27, с. 55–56].

После революции Октября 1917 года Публичная библиотека была закрыта. Губернский статистический комитет, в ведении которого она находилась, ликвидирован. Однако благодаря стараниям общественности, прежде всего действиям Новгородского общества любителей древности, возглавляемого И.В. Аничковым, удалось сохранить книжный фонд библиотеки, и весной 1918 года она была передана в ведение Губернского отдела народного образования. С этого времени начинается новая страница истории библиотеки.

1. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1, 3, 5.

2. Там же. Д. 160. Л. 1.

3. Там же. Д. 309.

4. Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 381.

5. Там же. Д. 3084.

6. Там же. Д. 1887.

7. Там же. Д. 817.

8. Там же. Ф. 93. Оп. 3. Д. 1.

9. ОПИ НГОМЗ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10.

10. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.

11. Там же. Д. 7.

12. А-ров. Новгородская публичная библиотека-читальня // Вестник Новгородского земства. 1906. № 14.

13. Балкова И.В. История библиотечного дела: курс лекций. Москва: Пашков дом, 2013.
14. Верховской П. Библиотека Новгородской духовной семинарии и её сокровища. Варшава, 1913.
15. В.П. Несколько слов о Новгородской бесплатной библиотеке-читальне // Вестник Новгородского земства. 1903. № 2.
16. Журнал Новгородского губернского статистического комитета: Приложение к № 25 Новг. губ. ведомостей. 1863.
17. Каталог Публичной библиотеки, находящейся в распоряжении Статистического комитета / сост. Н.Г. Богословский. Новгород, 1863.
18. Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Пособие для обозрения города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей / Издание Новгородского общества любителей древности. Новгород: Губ. типография, 1913.
19. Новгородская публичная библиотека-читальня // Вестник Новгородского земства. 1906. № 14.
20. Володин Б.Ф. Общедоступные библиотеки // Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. Санкт-Петербург: Профессия, 2002.
21. Отчёт о деятельности Новгородской публичной библиотеки-читальни, состоящей в ведении Губернского статистического комитета за 1905 год. Новгород, 1906.
22. Памятная книжка Новгородской губернии на 1860 год. Новгород, 1860.
23. Памятная книжка Новгородской губернии на 1869 год. Новгород, 1869.
24. Памятная книжка Новгородской губернии на 1875 год. Новгород, 1875. Раздел: Стат. сведения.
25. Передольский В.С. Краткий очерк Велико-Новгородской старины в 1889 г. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 3 / под ред. М.В. Муравьева. Новгород, 1910.
26. Протокол общего собрания Новгородского губернского статистического комитета. 18 июля 1908 г. Новгород, 1908.
27. Публичная библиотека-читальня // Памятная книжка Новгородской губернии на 1914 год. Новгород, 1914.
28. Радзиковский Ив. Новгородская гимназия в 50-е гг. XIX в. Из моих воспоминаний // Русская старина. 1895. Т. 83. № 5.
29. Смирнов-Сокольский Н.П. Книжная лавка Смирдина. Москва, 1957.
30. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесённых в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 года, с приложением списка уездных предводителей дворянства 1767 года. Составлен новгородским губернским предводителем дворянства князем В.П. Голицыным. Новгород, 1910.

БИБЛИОТЕКА СОФИЙСКОГО СОБОРА

Библиотека Софийского собора представляет собой уникальное собрание книг в основном новгородского происхождения¹. Начало её формирования относится к середине XI века — времени завершения строительства собора и начала храмовой службы. Созданием книг занимались все новгородские владыки, вкладчиками в софийскую книгохранильницу являлись цари, княжеская знать, бояре, известные общественные деятели и состоятельные горожане разных сословий.

Первыми книгами, определившими состав Библиотеки Софийского собора, были Евангелия, Псалтири, Апостолы, Служебники, Триоди, Минеи, Стихирари, Прологи, Уставы, Требники, певческие и другие богослужебные книги, находившиеся непосредственно в главном и придельных алтарях собора.

В течение столетий книгохранилище Софийского собора расширялось, вышедшие из употребления книги перемещались в стенные ниши, шкафы и лари.

На полатях собора, в архиерейских палатах, казённых помещениях Владычного (Митрополичьего) двора содержались исторические сочинения, летописи и хронографы, юридические документы, памятники канонического права, хозяйственные, приходо-расходные книги, инвентарные описи церковного имущества.

В Библиотеке Софийского собора имелось немало оригинальных новгородских сочинений. В более поздних сборниках обнаружены следы творений попа Упирия, Поучение епископа Луки Жидяты XI века. Интерпретатором некоторых канонических песнопений, возможно, был архиепископ Аркадий. При архиепископе Иоанне (Илье) в новгородский летописный свод вошла легенда о Перуне, одно из подобных сказаний середины — второй половины XII века. В соборе хранилась Кормчая 1280 года. Большой вклад в Библиотеку Софийского собора сделал архиепископ Моисей, создавший в XIV веке книгописную мастерскую, для которой владыка «собра...

¹ В настоящее время хранится в Российской Национальной Библиотеке (Ф. 728 — Библиотека Новгородского Софийского собора).

СВ. ГЕННАДИЙ АРХ. НОВГ.

Архиепископ Геннадий.

Гравюра из книги:

Тихомиров П.И. Кафедра новгородских святителей ... Т. 2. Ч. 1. Новгород, 1895

многи писца книжная, наят их переписывати книги святыя...». Автором службы на Покров был, вероятно, архиепископ Василий, известный своим Посланием о рае тверскому епископу Фёдору. Вкладом архиепископов Евфимия II и Ионы были созданные по их заказу афонским ритором Пахомием Сербом (Логофетом) жития, похвальные слова и службы Варлааму Хутынскому, иконе «Богоматерь

Знамение» XII века, архиепископу Иоанну, Савве Вишерскому, а вскоре после смерти Евфимия — Житие Евфимия, архиепископа новгородского, в котором содержатся ценные сведения из жизни новгородского общества в XV веке.

Особенно заметный вклад в созида-ние софийской книжной казны сделал архиепископ Геннадий. Основанный при его дворе Литературный кружок ставил задачу полного книжного оснащения церкви. По велению владыки в кружке создавались произведения, обращённые против ереси, осуждавшие проводимую великим князем политику секуляризации земель Дома Святой Софии. А после несбывшихся ожиданий конца Света был составлен новый пасхальный круг, образцом для которого послужили новгородские пасхалии предшествующих столетий. При архиепископах Геннадии и Серапионе I получили литературную обработку древние легенды о Спасовом образе царя Мануила, об иконе Богоматери Тихвинской, письменные свидетельства независимости новгородской Церкви.

Собирание и переписка книг при Софийском соборе становятся важнейшей стороной деятельности архиепископа Макария, вдохновителя и участника создания Великих Миней Четых. Все три комплекта Миней были начаты в Новгороде. Первый — Софийский список, изготовленный для собора, был положен на «полатах» в память о родителях владыки. Собиранием книжной казны занимался архиепископ Феодосий II, уделявший особое внимание певческим и нотным книгам. Накопление книг продолжалось во второй половине XVI века,

при владыках Пимене, Леониде, Александре и Варлааме. В 1673—1716 годах, при митрополитах Иоакиме, Корнилии и Иове, были созданы обширные летописные своды. Библиотека Софийского собора тогда энергично пополнялась печатными книгами. В течение XVIII века в её состав вошли собственные книжные собрания митрополита Иова, архиепископов Амвросия Юшкевича, Феофана Прокоповича, где было немало книг западно-европейского происхождения.

Особая роль в истории Библиотеки Софийского собора принадлежит архиепископу и митрополиту Гавриилу (Петрову), автору известных трудов по литургике, учредившему в 1775 году статус библиотеки при Софийском соборе. По его распоряжению библиотека пополнилась рукописями из Кирилло-Белозерского, Кирилло-Новоезерского, Соловецкого и других окрестных и отдалённых новгородских монастырей. Протопоп Иоанн и настоятель Розважского монастыря Иоанн Иоаннов в 1779—1781 годы составили первый реестр книг, часть которого — более 200 старопечатных книг — вошла в храмовую опись Софийского собора 1783 года.

Спустя четыре десятилетия, в 1823 году, П.М. Строев обнаружил на хорах собора 1189 рукописей и 3 тысячи книг старой печати, среди которых было несколько летописей. В настоящее время по картотеке Н.Н. Розова в Библиотеке Софийского собора находится 31 Евангелие, 17 Апостолов, 29 Псалтырей, 22 Триоди, свыше 200 Миней, около 700 Службников и Требников, в т. ч. 25 иллюминированных рукописей.

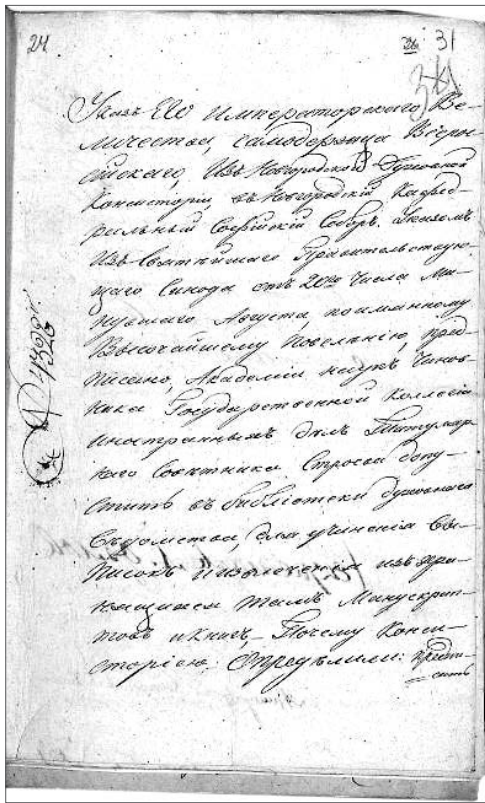

Митрополит Гавриил.

Гравюра из книги:

Макарий, архиеп. Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санктпетербургского. Санкт-Петербург, 1857

Собрание Библиотеки Софийского собора обладает первоклассными произведениями книжной иллюстрации. Среди них — выходная миниатюра Пантелеймонова Евангелия конца XII — начала XIII века, орнаментированные заставки и миниатюры Вяжищского и Гостиньпольского службников XV века, Евангелия около 1555 года, Михалицкого Апостола 1544/45, Евангелия 1540-х, Службника около 1536 года, Хроники

Указ Новгородской духовной консистории в Софийский собор о допущении чиновника Государственной коллегии иностранных дел Строева в библиотеку собора. 06.09.1828 г. НГМ КП 25982/270 Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 15

Космы Индикоплова первой половины XVI века и рукописей XVII века.

Многие созданные в скриптории собора рукописи по велению государей и митрополитов неоднократно увозили в Москву, значительное число новгородских книг, в т. ч. и софийских, было изъято патриархом Никоном. Новгородские рукописи впоследствии составили значительную часть фондов Патриаршей (Синодальной) библиотеки (сейчас

в Государственном историческом музее), Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, Московской Духовной Академии (Российская государственная библиотека), Синодальной типографии (Российский государственный архив древних актов). В XIX — начале XX века Библиотека Софийского собора оставалась одним из основных источников частных собраний Е.В. Барсова, Ф.И. Буслаява, И.А. Вахрамеева, П.П. Дубровского, И.Е. Забелина, Н.П. Румянцева, А.С. Уварова, А.И. Хлудова, П.И. Щукина, А. Большакова, М.П. Погодина и других.

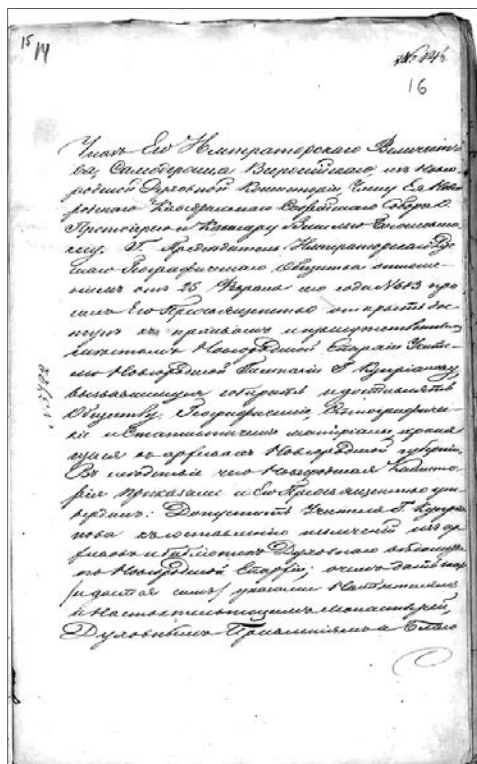
В 1859 году Библиотека Софийского собора была передана в Санкт-Петербургскую духовную академию, тогда же было вывезено 1570 рукописей, 585 книг старой печати, несколько старообрядческих и 22 книги на иностранных языках. В 1919 году Библиотека Софийского собора поступила в Петроград, в Отдел рукописей Российской Публичной библиотеки.

После перемещения Библиотеки Софийского собора в Санкт-Петербург в Новгороде осталась часть книг старой печати и несколько рукописей. Среди них — иллюстрированные Лествица XV века, Евангелие 1496 года из Лисицкого монастыря, Евангелие Андрейчины 1575 года, одно из ранних анонимное печатное большеформатное Евангелие, рукописные синодики, синодик с маргинальными записями о мучениях старообрядцев. Остались также книги петровского времени, несколько писем Петра I и редкое издание календаря Якова Брюса.

Одна из последних описей Библиотеки Софийского собора была составлена

в конце XIX века соборным протоиереем Иоанном Семёновским. Во время Великой Отечественной войны книги были вывезены оккупантами в Германию, и после 1945 года часть из них возвращена. В 1960 году А.И. Семёнов составил опись уцелевших рукописей и печатных книг, основу которой составляет фрагмент бывшей Библиотеки Софийского собора.

На протяжении многих десятилетий проводятся исследования Библиотеки Софийского собора. Одним из первых её изучением начал заниматься учитель новгородской гимназии И.К. Куприянов, описавший 87 пергаменных рукописей. Состав Библиотеки Софийского собора в 1905 году исследовал Д.И. Абрамович, им было учтено 259 книг, отдельная глава отведена Библиотеке в сочинении А.Е. Викторова. Каталог рукописных книг Библиотеки Софийского собора опубликовал в 1881 году П.Н. Тихонов, а все её пергаменные рукописи в 1953 году описала Е.Э. Гранстрем. Изучению Библиотеки Софийского собора много лет отдал Н.Н. Розов, автор многочисленных статей, посвящённых истории собрания. В отделе рукописей РНБ хранится полная, составленная им, машинописная опись Библиотеки Софийского собора. На материале служебных Миней XV века Е.М. Шварц провела в 1989 году кодикологический анализ рукописей новгородского собрания XV века. Декоративному оформлению рукописей Би-

Указ Новгородской духовной консистории протоиерею Софийского собора Василию Богословскому о допуске учителя Новгородской гимназии Куприянова, собирающего сведения для Русского географического общества, к составлению извлечений из архивов и библиотек Духовного ведомства. 30.04.1852 г.
НГМ КП 25982/1505 Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 36

блиотеки Софийского собора посвящены исследования О.С. Поповой, Э.С. Смирновой, О.В. Звезгинцевой.

По материалам статьи Э.А. Гордиенко из кн.: Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 95–96.

Хоры новгородского Софийского собора

Иван Куприянович Куприянов — один из первых новгородских краеведов, известный исследователь и собиратель новгородской старины.

По окончании в 1846 году Гатчинского института он преподавал русскую грамматику и географию в новгородской гимназии. При этом главным его занятием стала история древнего Новгорода. На страницах известных изданий Москвы и Санкт-Петербурга Куприянов публиковал исследования по истории, статистике и географии Новгородской земли, изучал рукописи церквей и монастырей. В 1862 году он составил один из первых путеводителей по Новгороду и окрестностям, совместно с Н.К. Отто написал книгу «Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде 1862 г.». Историко-краеведческое наследие И.К. Куприянова насчитывает более пятидесяти статей и книг, посвящённых историческому прошлому и древностям Новгорода.

Особое место в исследованиях Куприяновым новгородской старины занимают работы о Библиотеке Софийского собора: «Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки», «Списки иконописных подлинников Новгородской Софийской библиотеки» и другие — всё это истории собрания её рукописей и характеристика некоторых наиболее значительных изданий. Одно из таких исследований, напечатанное в Известиях Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (Т. V. СПб., 1857. С. 367–371), мы публикуем в настоящем выпуске альманаха.

Иван Куприянов ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОФИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Когда и кем основана при Софийском соборе библиотека, положительных известий от времен древности мы не имеем. Без сомнения, с самого основания собора в нем находились книги, нужные для богослужения и обрядов церковных. Хранение необходимых богослужебных книг могло быть при самой церкви, в алтаре или в дьяконнике, в особых шкапи-

ках, устраиваемых в глубине стен. При архиерейских палатах также, может быть, сохранялись книги, нужные для церковного благочиния и суда, как-то: кормчие, летописи, сборники исторического и поучительного содержания и т. п. Но где было место постоянного их сбережения в Новгороде, положительно неизвестно. Из церковной описи собора, составленной в начале XVII века

и случайно сохранившейся в нескольких разрозненных тетрадках, видно, что в каждом из приделов Софийского собора находились свои богослужебные книги, т. е. была своя библиотека. Так было, вероятно, и прежде XVII века. Очень может быть, что книги и рукописи обветшавшие или выходившие из употребления по каким либо причинам поступали в общее хранилище собора, в ризницу*. В XVII в. книгохранитель-

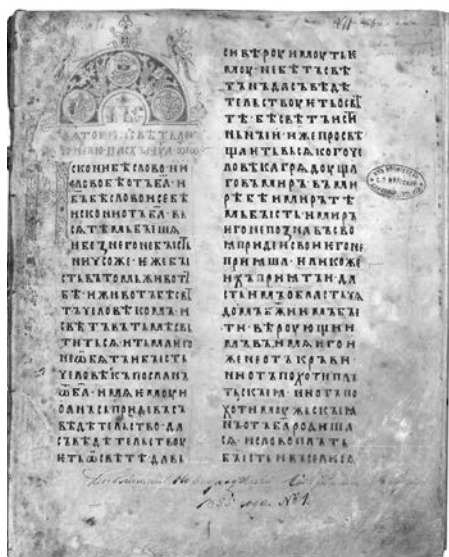
ница Софийская была уже значительна. В 1639 и 1640 гг. были требованы в Москву рукописи из монастырей к печатному делу, для справок и свидетельства, добрых и старых переводов (см. Акты Арх. Эксп., т. III. 290 и 296). Вероятно такое же требование было и в Софийский собор. Патриарх Никон, оставляя Новгород, вывез с собою довольно много книг в Москву в 1652 г., а в 1654 г. были вытребованы некото-

** Извлекаю выписки о книгах из отрывков упомянутой выше описи собора: «Служебник печатной в полдесть, обволочен отласом золотным по червчатой земли; на верхней цки пять... и застежки серебряные; на исподней доски по углом четыре жучки медны. Служебник печатной в полдесть, оболочен бархатом зеленым; застежки медныя. Служебник в полдесть на бумаге, письманой; заставки все писаны золотом; обложен камкою зеленою; застежки и спни и забои серебряны золочены. Служебник Леонидовской письманой в полдесть, оболочен камкою багровою; застежки и спни серебряныя литыя. Служебник письманой в полдесть оболочен камкою зеленою; заставицы прописаны золотом, застежки и спни серебряныя, литыя».*

Из другой тетради: «Евангелие толковое печатное, в десть. Два Пролога письменные в десть. Сборник письманой в полдесть. Два Апостола письменные в десть. Охтаи перваго гласу письменной в десть. Две треоди письменныя, в десть. 12 Миней во шти книгах письменныя, по два месяца в книги, в десть. Псалтырь да часовник письменные, в полдесть. Три книги письменныя в полдесть, а в них служба новым чудотворцам». В пределе Усекновения главы Иоанна Предтечи книги: «Устав письменной в десть. Евангелие толковое, недельное, письменное, в десть. Апостол тетр, печать Литовская, в десть. Два Охтаи письменные: один в десть, а другой в полдесть. В 8 книгах 12 миней месячных, в десть. Треодь постная, расплетена на двое, в полдесть. Треодь цветная письменная, в десть. Два пролога письменные, в десть. Псалтырь письменная, в полдесть, с каноны. Псалтырь письменная-ж в полдесть с каноны, ветшана. Часовник письменной в четвертину. Богородичен на 8 гласов, письменный, в полдесть»... (конца недостает).

рые рукописи Новгородской Софийской библиотеки в Москву для сличения при исправлении богослужебных книг. Значительнейшая часть вытребованных книг и рукописей осталась навсегда в Москве, поступив в последствии

в Синодальную и другие Московские библиотеки. Требования о высылке из Новгорода книг и рукописей были еще по указу 25 декабря 1720 г. и 16 октября 1735 г. Неизвестно, что тогда вывезено было из Новгорода и куда потом посту-

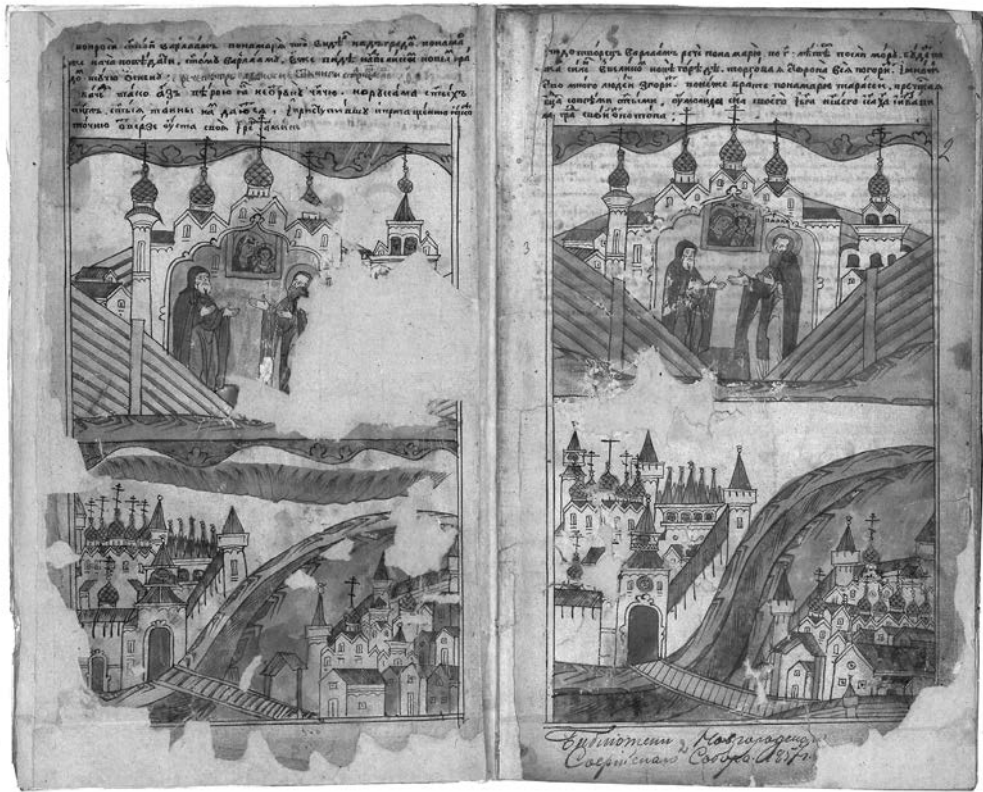
Евангелие апракос полный
 («Пантелеймоново евангелие»)
 Новгород (?). XII — нач. XIII (?) в.
 ОР РНБ. Ф. 728. Соф. 1

Евангелие апракос полный.
 Новгород. Нач. XIV в.
 ОР РНБ. Ф. 728. Соф. 2

пило. Можно думать, что некоторые исторического содержания рукописи достались Крекшину и Татищеву, а от последнего перешли в последствии к графу А.И. Мусину-Пушкину. Будучи страстным любителем старины и собирателем редкостей, граф Мусин-Пушкин имел право требовать рукописи из церковных и монастырских библиотек. Вероятно, им же взято было из Софийского собора Остромирово Евангелие и представлено Императрице Екатерине II, как особенно редкая рукопись по своей древности. Сделавшись же Обер-Прокурором Святейшего Синода, граф Мусин-Пушкин приобрел еще более влияния на духовенство, и письменные сокровища нашей старины стека-

лись отовсюду в его древлехранилище: он получил тогда полную возможность удовлетворять своей любознательности. При учреждении штатов монастырских в 1764 г., библиотеки от упраздненных монастырей и от церквей Новгородской епархии поступали в Софийскую библиотеку, и таким образом значительно увеличилось количество ее книг и рукописей; но самое важное приращение для библиотеки Софийской случилось в конце прошлого века, когда в нее поступила значительная часть рукописей и старопечатных книг Кирилло-Белозерского монастыря.

Сборник литературный: Лицевая рукопись. XVIII в. ОР РНБ. Ф. 728. Соф. 1430

Не будучи строго охраняемы и оберегаемы, Софийские рукописи легко переходили в это время в частные руки. Очень многие собрания частных лиц наполнялись здешними рукописями, как известно это всякому библиографу. Без сомнения, не мало попало их и в руки невежд и навсегда погибло для науки. Наконец в 1775 году 7-го февраля, по распоряжению Преосвященного Гавриила, велено при соборе устроить библиотеку и составить опись находящимся в ней книгам и рукописям. С этого только времени Софийская библиотека

получила свое настоящее устройство и вид**.

Вскоре же принялись и за составление каталога, который был изготовлен к 1785 году. Он сохранился в библиотеке и до ныне. Подлинное его заглавие следующее: «Реест, сочиненный в силе присланнаго Ея Императорскаго Величества по резолюции Его Высочайшего Преосвященства из Новгородской Духовной Консистории Декабря от 18 числа 1784 г. указа под смотрением Софийских протоиереев, Николаевского Розважскаго монастыря Настоятелем Иеромонахом

****Представляем здесь этот документ целиком:**

«Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийския из Новгородской Святейшаго Правительствующаго Синода Члена Преосвященнаго Гавриила Архиепископа Великоновгородскаго и С. Петербургскаго и Архимандрита Свято-троицкаго Александроневскаго монастыря Духовной Консistorии в Новгородскую его Преосвященства Казначейскую Контору. Минувшаго Генваря 21 сего года в учиненном Его Преосвященством определении написано: усмотрены де Его Преосвященством в библиотеке во оном архиерейском доме и Софийскаго собора книги, которыя по древности своей сохраняемы должны быть под особливым смотрением, дабы и в предъидущия времена оне были в целости: того ради Его преосвященство определяет — Юрьева монастыря Архимандриту Иоанникию пересмотреть как оныя, так и семинарскую и всех ближних монастырей библиотеки, а из отдаленных истребовав реестры книг вышеписанного содержания и до XVII столетия писанныя и напечатанныя собрав, сочинить реестры, и один за крепою и печатью оставить в библиотеке, а другой прислать Его Преосвященству, в котором отметить, которая книга откуда взята и хранить их в церкви Св. Софии на хорах, устроив для них безопасные шкафы из суммы Его Преосвященства дому, и определенную для них полату содержать за печатью Консistorскою. И по указу Ея Императорскаго Величества Духовскою Консistorиею определено: о непременно по оному Его Преосвященству определению исполнении Юрьева монастыря Архимандриту Иоанникию сообщением с показаннаго определения точной копии послать (и послан) указ Дому Его Преосвященства в Контору Казначейскую, Софийский собор, Семинарию и в ближние монастыри для ведома, а в отдаленные ко присылке в консistorию, в находящимся в каждом месте книгам, кроме употребляемых в церквях, и именных реестров в скорости послать указы, а Новгородской Его Преосвященства Конторе о вышеписанном ведать по сему Ея Императорскаго Величества указу, а в прочие, куда надлежало, указы посланы. Февраля 7-го дня 1775 г. Подлинное подписано: Макарием игуменом Духовским и Секретарем Лукою Ключаревым.

Иоанном и Софийскаго Собора Священником Иоанном Фоминым, находящимся в Софийском Соборе на хорах в особой палате книгам древлепечатным и древлеписьменным»¹). Неизвестно, был ли составлен каталог Юрьевским Архимандритом Иоанникием в следствие указа 1775 г., а из настоящего заглавия видно, что древнейший из ныне существующих в библиотеке каталогов

составлен по особому распоряжению 1784 г. В нем поименовано, но не описано, старопечатных книг 1247. Некоторые из них находились в значительном числе экземпляров, напр. Службников Никонской печати 1653 г. было 63 экземпляра, Иосифовского службника 1651 г. 44 экз. и мн. др. Рукописей озаглавлено в этом каталоге 1189, в числе коих 78 пергаменных. К каталогу приложена

¹ Список с этого каталога хранится в Румянцевском Музее а напечатан в Русском Вестнике. 1842 г. № 12.

ведомость, какие рукописи были требованы в Синод из Новгородской епархии. Из Софийского собора было выслано тогда 17 рукописей. Здесь же перечислено 216 рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. Кирилловским рукописям составлен был вскоре особый каталог на 150 листах. В нем довольно подробно описано 149 рукописей бумажных в 4-ку и 39 в 8-ку. Число рукописей Кирилловской книгохранительницы было весьма значительно, потому что в настоящем каталоге номера доходят до 1000. Но ни одним из этих каталогов пользоваться в настоящее время нельзя, потому что множество рукописей в разное время уже утрачено из библиотеки, ярлыки на многих из них уничтожились, и сами рукописи по полноте уже не в том виде, каковыми были при составлении описи. Так гр. Мусиным-Пушкиным были вытребованы рукописи и не возвращены в библиотеку: 1) Несторова летопись на пергамене, 2) Сборник Адриана Патриарха, писанный уставом, 3) Проскинитарий Арсения Суханова, 4) Письма Царя Алексея Михайловича к Патриарху Никону, 5) Степенная Книга о Царе Феодоре Иоанновиче, 6) Современная рукопись о смерти Государа Петра I и др. Известна печальная судьба Пушкинского книгохранилища; особенного сожаления заслуживает утрата харатейного списка Несторова временника.

Приращение библиотеки Софийской продолжалось и в позднейшее время: книги и рукописи от упраздняемых по епархии церковей и монастырей поступали и поступают в нее по прежнему, также как и отбираемые от старообрядцев. Общее число рукописей ее доходит до 2000, в числе коих 87 пергаминах. Особо составленная из лиц духовных комиссия занимается составлением полного и подробного каталога книг и рукописей библиотеки; но трудно определить, когда это многотрудное дело будет приведено к окончанию.

По времени письма Софийские пергаминах рукописи можно распределить следующим образом: XI в. одна, XII в. пять, XII—XIII в. три, XIII в. восемь, XIII—XIV в. пять, XIV в. тридцать семь, остальные за тем принадлежат к XV веку. По содержанию они относятся к следующим отделам: Миней — 29, Служебников — 10, Евангелий — 9, Триодей — 6, Канонников — 6, Октоихов — 4, Псалтирей — 3, в прочих разрядах придется по 2 и по 1 рукописи. Определение времени письма сделано было кем-то прежде; но большею частью совершенно произвольно и неверно, — так древнейшие Софийские рукописи XII в. отнесены почти все к XIV и даже к XVI в.; точно также определены наугад и прочие. Эти неверные приурочения вымечены на ярлыках на первом л[исте]. р[укописи].

*В публикации сохранена орфография и пунктуация автора.
Публикацию подготовили Э.Н. Белоножка и Т.А. Данько*

Продолжаем публикацию очерка С. Дубровина о новгородских позёрах, который был опубликован в седьмом номере журнала «Отечественные записки» в 1871 году. В «этнографических набросках» автор делится впечатлениями о хлебосольном и протом народе новгородского Поозерья. Он отмечает особенности их быта и семейных отношений, доброту и милосердие к странникам, славянизмы в разговорной речи и грустных песнях, страсть к кулачным боям и рыбной ловле — ведущем промысле поозёрров.

К тексту Дубровина прилагается небольшой словарь терминов и выражений, которые могут быть непонятны современному читателю. Определения почерпнуты из словарей: «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» под редакцией Н. Абрамова, «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, «Новгородский областной словарь» или добавлены редакторами.

С. Дубровин

ПОЗЁРЫ В НОВГОРОДЕ

Этнографическая наброска

Уживает да поживает Ионушка у дяди Прокофья и тетки Лукерьи, да и где Ионушке найти место лучше дяди Прокофья и тетки Лукерьи? Прокофей Панкратыч мужик зажиточный, в Позёрье слывет за богача-хлебосола; в деревне Прокофья Панкратыча уважает старый и малый, и со знатью знаком Прокофей Панкратыч. На что волостной писарь Еремеев гордый-прегордый, которого Позёрье все трепещет, и тот нередко гостил у Прокофья Панкратыча. Одним словом, Прокофей Панкратыч — мужик добряк, каких мало и земля родит. Жена Прокофья Панкратыча, Лукерья Пантелеевна, женщина недалёковидная, нехитрая,

а сколь добра Лукерья Пантелеевна, и сказать нельзя: не поспорь ей иногда Прокофей Панкратыч, Лукерья Пантелеевна и рубашку с плеч отдаст бедному. Единственная дочь их нравом вышла в отца и мать. Ксения Прокофьевна — красавица, румянец во всю щеку, губки маленькие, розовые, волоса и брови темнорусые, стройная, высокая, бери прямо хоть одалискою султанского гарема. Насчет приданого Ксении Прокофьевны и говорить нечего. Есть и шубки лисьи, и платья, и сарафанчики шелковые, и серьги, и подвески крупного жемчугу. С Ксенией Прокофьевной Ионушка ходит по богомолям. Был он о прихожденьи в Клопском и у Ефремыя

Поэзёрка из д. Завало Е.Г. Максимова.
Фото 1887—1917 гг. НГМ КП 38133/20

в Перекоме, сходил и в Менюши. Везде Ионушка с Ксеньей Прокофьевной, везде в глазах у Ионушки Ксенья Прокофьевна, выучил он Ксенью Прокофьевну и читать, и писать, и петь разные духовные псалмы. Райская жизнь Ионушке у дяди Прокофья и у тетки Лукерьи, а особенно Ксения, этот ангел воплощенный — всё его блаженство. Да и как Ионушке не полюбить такую красавицу, кого же и любить Ионушке, — Бога ли? Бога Ионушка не видал и не любил его. Ангела ли? — ангела Ионушка не видал и не любил его; но увидал Ионушка Ксению, этого земного ангела, и полюбил ее сердцем и душою и горячо и пламенно. Простительно Ионушке плениться Ксе-

нией Прокофьевной, когда случалось, что и великие святые подвижники соблазнялись и падали умом пред женщиной ослепительной красоты. Да и отчего же Ионушке не любить Ксению Прокофьевну? Кто ему запретит любить ее? Он волен вести Ксению Прокофьевну пред брачный налой, только бы было согласие на то со стороны ее родителей. Спрошу я, чего же более желать Ионушке в счастливой Аркадии: «молоком текут где реки, как агнцы кротки человеки».

И Ионушка живет себе, да поживает, с паспортом, данным ему еще при царе Горохе, который, в дорожной суме его в вояже, из белого сделался чубарым, так что при ясной погоде, надевши очки, можно разобрать только эти слова:

«Волосы и брови черные,
Лицо круглое,
Глаза голубые».

Все прочее канцелярское писание покрыто неопределяемой смесью жидкостей, как та рублевая ассигнация, которая прошла сквозь тысячи рук дегтярников и ветхая, истасканная, измученная, пропитанная дегтем, маслом и салом, сдобная, как баловень-сынок петербургского купчика, попала в карман штанов Фильки трубочиста или Федотки угольника. Да и на что паспорт Ионушке, когда он в доме дяди Прокофья и тетки Лукерьи защищен от всех придилок полиции? И нам дела нет до тебя, Ионушка, живи себе на здоровье у своих благодетелей, живи до блаженной кончины своей; когда она последует, то наверно тетка Лукерья и другие подобные ей сердобольные женщины запишут тебя в свои по-

минания: за упокой раба Божия новопреставленного монаха Ионы утопшего или убиенного. Маленькие грешки твои, слабости, от позёр все забудется. Твоя добрая благодетельница-старлица, тетка Лукерья, идя с кладбища и костлявой рукой протирая заплаканные глаза свои, сквозь зубы прошамстит куме своей Маланье Ми-

роновне: «А то уймись ты, греховодница старая, полно грешить-то нам с тобой на старости лет, подумай-ка о том, што скоро нам с тобой отправляться надеть на тот свет к "успенью под угол". Ужь коли на то пошло, испивал, говоришь ты, оче Иёна, водки, штош, и я не таю евтово, скажу — испивал, штош ты в ехтом находишь?» — «А плясал-то, кума, он голый, а срамник, бывало, песни-то какие пел, срам и слушать, и евто скажитко не грех, не срамота по твоему уму-разуму, кума Лукерья?» — «Ох-ох-ох, кума, согрешила я окаянная с тобой, да и только! Послухай, Маланья Мироновна!» — «Да што слушать!» — «Да послухай, што я те скажу, плясал ты сказала, да оче Иёна был юродливой, а юродливые, в книгах написано, што и плясали и песни разные пели. Мне ономясь мой внучек, Ленька, принес книжку от Егорья, от старого пономаря, и читал как в Киеве-то с чернецом Исаком черти плясали, а все же Исак-то, хошь плясали с им черти, а спас свою душиньку, в пещорах, говорили, и мощи ево опочивают не тленны. Плясал оче Иёна, сказала ты, Маланья Миро-

новна, плясал, ох, моя ронная кумушка, а как ево о зимнем Миколы озорники-то ребята изувечили, вздумаю, так ужась берет и местечка живово на нем не было. С Миколы-то вплоть до самой масленицы, Иёна пролежал без языка, без памяти. Ушь сколько я товды горюшка приняла, и вымолвить не умею, ушь чем-то чем, разными снадобьями поила ево, и молебны то я заказывала в Клопском, угоднику Христову Михаилу клопскому и святителю Николаю милостивому, да Ивану воину и просвирку-то кажино воскресенье подавала за здравье оче Иёнии, так не говори ты, кума, вперед мне никовды евтово што таперя сказала; не надрывай мово больного сердечушка, ходи-тко ты со мной почашше на кладбищо, да служи-тко ты почашше понахфиды над оче Иёной, проси, штоб оче Иёна простил тя за твое осуженье». Так будет увещевать кума Лукерья куму Маланью. И часто в летнее время, вечером позёр-мужик, проходя мимо кладбища, услышит неистовый вой, с разными причитаниями, двух деревенских женщин и остановится в ужасе и ленивою рукою, машинально

Поозёры П.В. и И.С. Максимовы.
Фото 1916 г. НГМ КП 39322

снявши шапку, перекрестится. И жил бы, да жил Ионушка у дяди Прокофия, да тетки Лукерьи, так нет, скучно стало Ионушке. Ксению Прокофьевну выдали замуж, и на богомолье сходить не с кем Ионушке. Выбрал Ионушка ночку потемнее, сходил в клеть и обокрал своих благодетелей и ушел с двора. На утро проснулись хозяева, нашли клеть и сундук разломанными, не досчитались ста целковых — и ахнули. Повыла голосом тетка Лукерья, поругался дядя Прокофий и помалу несчастье предано было забвению. Только иногда порою, когда взгрустнется им по очи Иёнии, дядя Прокофий, лежа на теплой печке, так скажет своей бабе: «Лукерья, а Лу-

керья!» — «Ну, што там?» спросит тетка Лукерья в свою очередь, а тот отвечает: «неланно! неланно!» — «А што у тя там неланно то?» — «Да так неланно, да и только, неланно». — «Зарубил ты одно, неланно, да неланно, как хошь ты пойми тут, да ты Прокофей, толком скажи мне, аль у тя язык, што-ль, в роте отсох? што тако неланно-то, аль то неланно, што ты во второй Спас преображенье не дал Яфимку Голопузому ржи в посев, и я таперя скажу эвто неланно, грешно так делать, в запрошлом году дал, а нонче не дал. У Голопузова семья большая — семеро ребят, матка больная, сам-девят; грех Прокофьюшко, так делать; я баба-дура деревенская, а скажу — грех!» — «Ну, пошла, Яфимку не дал ржи, а сама не видала, была в городе, как Яфимко брал рожь у меня. Не то у меня на уме». — «А што-шь? брысь! брысь, окаянная! во я тя сковородником хвачу! куды ты лезешь, Христос с тобой!» кричит тетка Лукерья, махая сковородником на кошку, которая, взгромоздясь на крынку, обнюхивала в ней приготовленный раствор для блинов. В избе молчание, только и слышится стук сковородника, бряцание сковороды, шипение масла, да кудахтанье наседки-курицы с цыплятами, любимицы тетки Лукерьи, из-за которой тетка Лукерья, отбивая ее от ястреба, упала с сарая, и после страдала болью в боку ровно полгода. Тетка Лукерья напекла овсяных блинов большой ворох, села на скамью за стол, утерлась рукавом рубахи, охает. «Ух, как я, матушки мои, употела, ажно рубаха вся смокла, хоть выжми; што эвто, Прокофей, аль в погоде так ты развалился? ушь кой таперя час, добры люди давным-давно овин обмолотили,

а ты все лежишь; слезай-ко с печи, сядь за стол, да съешь горячий блинок на здоровье, попробуй, не ведаю, каковы-то удались, Бог с им, блины, вчора поздно растворяла». Дядя Прокофий слез с печи, сел за стол, тетка Лукерья подвигает к дяде Прокофью черную латку с разогретым творогом и блины погорячее, говорит: «ешь поскорее, пока не остыли, да о чем ты так давеча ростосковался, да розохался, скажи-тко, поведай-ко ты мне-ка, аль уж не скажешь?» — «Ох-ох-ох, ох-ох-ох!» простонал дядя Прокофий: «согрешили мы пред Создателем; кабы мы, да Лукерьюшка, не бросали с тобой свово доброво назря, и греха бы не было, жил бы у нас по сю пору оче Иёна, не нами сказано, слышал я причета евтого: "не клади просто, не вводи вора во грех"» — «Да, Прокофьюшко, правда эвто твоя истинна, правда, справедливо ты эвто сказал, ешь эвот блинок погорячее, да дай-ко я те ево помаслю; каюсь я пред всем миром, окаянная, я и злу-то всему первая виновница стала, лукавый меня попутал, надоть было мне-ка, как на грех возьми, да вынь деньги из-под матицы я, да запрятала их в сундук, в сундуке денежки и с кисой слизнули, а под матицей-то и таперя бы целы, да целехоньки оны лежали, и не вдомек бы никому было, што тамочку е деньги у нас в клети. Да и то сказать те, не солгать, Прокофьюшко, можо стать, я думаю, и другой кто, а не оче Иёна походил у нас в клети, а люди наговорят, поди слухай их, да греши, принимай грех на душу.

Кабы да оче Иёния взял, да на што оче Иёния эвто сделает; попросил бы он у нас на нужду, мы-ка дали бы ему, ты бы очу Иёнию не отказал бы, а дал, дал

Поозёры Мокеевы.
Фото 1910-х гг. НГМ КП 39010/26

бы десяток-другой цалковиков, не так ли, Прокофьюшко, скажи-тко мне, дал бы ты?» — «Што жо и не дать, вестимо твое, дал бы!» — «Так во как оче Иёния эвто ночью проснулся, мы спали, вышел на двор надыть, да и увидел, што у нас были воры, клеть разломана, вообразил себе в уме: тапера на меня подумают, скажут — ты вор! Взял, да и ушел от нас со двора!» Дядя Прокофий ударил себя рукою по лбу и говорит: «И в ум мне эвто не пришло бы, коли ты бы не сказала, эвто, Луша, да и впрямь веть эвто може случиться. Кажется, эвто было в позапрошлом году, не помнишь ли, как на Покров Богородицы у Мирошки пропала корова ночью со двора, на ково товды

не клепали? Болтали и на Гришку Долбню, и на Ондрюшку Блоху, и на Сеньку Кривоногово, а на сущово-то вора, Степку Пузатово, и во всей деревни ниhto, и старый, ни малый, не отомяшто словом сказать, а и подумать не мог. Так во оно што, эвто искушенье Господь навел на нас за то, што я, помнишь ты, об зимнем Миколы странница-старуха, кожды она пришла к нам в избу голая и просила рубахи Христа-ради, а я сказал ей: ты «пропила рубаху». — «Так точно, Прокофеюшко, не надо бы те товды эвтого говорить, вот Бог и наказал...».

Так вот горовали об Ионушке позёрские старики. Прошло десять лет как его не стало в Позёрье. Тетка Лукерья думала: «уж жив ли он, если он, Христос с ним, на свете? Не убил ли кто где ево, голубчика оча Иёнию?» Однажды осенью, поздно ночью, когда в деревне все спали, дядя Прокофий уже храпел на печке, а тетка Лукерья, загасив огонь, помолилась в потьмах на божницу, прочла молитву «Отче наш», «Богородицу», «Да воскреснет Бог», перекрестила свое ложе, которое постлано было под окном на скамейке, и хотела уже лечь на него, как слышит стук в ворота и чейто тоненький голосок: «Пустите ночевать». — «Кто тамочку, хрещоный, кого Христос носит, што те надоть, мы-ка спать легли». Опять стучит кто-то под окном, слышно: «Тетка, а тетка Лукерья, отопри, эвто я!» Услыша знакомый голос, тетка Лукерья бросилась с печки, наткнулась на светец, охнула, почесала лоб, пощупала тут ли, на своем ли месте нос, достала из порска уголек, сдула теплинку, зажгла лучинку и в одной рубахе, вскрикнув: «Иёнушка!» выбежала на

двор, отворила ворота и ахнула. Увидела тетка Лукерья кого-то с котомкою за плечами, в черной одежде, исписанной белыми крестами, в железной шапке на голове и с железной цепью на груди и плечах. Тетка Лукерья от страха упала бы с ног, если бы дядя Прокофей не прибежал и сзади не поддержал ее. «Што ты, што ты, тетка Лукерья, иль ты не спознала, забыла меня Иёнушку.» — «Ах, эвто ты, Иёнушка! Што со мной делается? Не могу в ум взять, не верю своим глазушкам, слепая нонче стала; ну, подь-ко, подь со мной скорей, оче Иёна на избу, сядь-ко вот туточку под образа, дай сойму я с тя святую котомочку-то, ух какая она у тя грузимая; сядь-ко, да поведай мне, где тя Бог носил только времячка, а мы-то по тебе, жоланной мой, плакавши, все глазушки повыплакали». Тетка Лукерья всхлипывает: «Дай-ко мне, святой оче Иёние, недостойной глупой бабе, грешницы окаянной, приложиться к священной твоей ризы, поцаловать твои Божьи ручонки. Да не хош ли ты поесь с дорожки? Я и забыла, сейчас соберу на стол; ну, сядь за стол да поешь, не хош ли во перога? Мякушечки? Грибков? У меня соводни — не знала гостя, ничево нестряпано. Ешь оче, Иёнушка, я те принесу медку. Ах, совсем не в домек, из ума вон; Прокофеюшко, сбегай-ко в клеть, да принеси тамо на верхней полки красная бутылочка, калганом у меня настояна от живота». При слове «клеть» Иёнушку всего покоробило, но ни дядя Прокофей, ни тетка Лукерья того не заметили. Красная бутылочка стоит на столе; Иёнушка и дядя Прокофей раза по четыре приложились к ней, как к своей родной святыне; Иёнушка

закусил и начал рассказывать свое путешествие: «В ночи на Ждвиженье мне не поспалось, загог я эвто теплинку, вышел за дверь, глядь — вижу клеть разломана, я в клеть, — сундук разломан, подумал: были, знать, воры, обокрали и ушли. Што тут делать, ума не приложу: будить вас не смел, подумал своим худым умом, разумом: а как да скажут на меня, ты, мол, сходил в клеть? Вошел я в избу, ты дядя, Прокофей, спишь и храпишь; подошел я к тебе, тетка Лукерья, и ты, тетка Лукерья, спишь и храпишь; мне стало так вас жалко, ажно сердечушко бьется, ажно хоче выскочить из груди; сплакал я, помолился на образа и вышел из избы. Вышел, подумал: куды-ко мне итить? Подумал и задумал я : думаю: пойду-ко я во святой град Ерусалим, и пошел. Был я в Москвы, в Киеве, в Почаеве, опосля все вам расскажу я про свое странствие. В Ерусалиме был я эвто келейником у самово патреярха, келейничал семь лет, патреярх меня в схиму в евту постриг и евти вериги и шапку евту надел на меня, имя мое таперечку отец Иона. Привел меня Бог видеть, как в Хрѣстовску заутреню огонь сходит с небеси и зажигает свечки в руках патреярха. Во, тетка Лукерья, я и принес те евтакую свечку, зажигай ею пред образам, да молись телеси на здравие, души на спасение; во те на и частичка Животворящего Хреста Господня, набожно прехрестись да приложись к ей, да обмывай святой водой Богоявленской, а воду евту опосля давай всем женщинам, пой больных младенцев, положи таперя частичку на божницу, да зажги перед ей лампадку. Евто на те в скляночке слѣзки Пресвятой Богородицы Неутолимья Печали;

Странник.

Фото В.А. Каррика из серии:
Типы крестьян Симбирской, Новгородской,
Тульской и других губерний России. [1870-е]

а эвто на те — камень чуден с Синай горы; а эвто на те — камень чуден с Ёрдань реки, где хрестился Исус Христос, эвто на те — ветвья от дубу Марийского, по коим опочивала святая троица». И надет тут самозванец схимник тетке Лукерье столько святых вещей, что едва уместит их на свою маленькую божницу, и молится им, и прикладывается к ним, и обмывает их святою водою и ни за что не расстанется с этой иерусалимской святыней по гроб жизни своей.

А что Ионушка был в Иерусалиме, пострижен там в схимну и принес оттуда

эти святые вещи, — это невероятно. Скорее можно сказать, что в позёрской палестине для позёрских стариц, он может найти и более того вещей, а позёрские старицы, подобные тетке Лукерье, будут чтить эти вещи из рода в род, и перейдут эти вещи к внукам и правнукам их, и от вещей тех будут совершаться чудеса. Да справедливо-ль это? спросят меня. Как не справедливо. Слыхали вы, как русский паломник Палестины, подобный Ионушке, прийдя из Иерусалима, принес одной барынке, своей благодетельнице, обломок колеса от огненной колесницы, на которой пророк Илия живой был взят на небеса? Ведь были же чудеса от обломка колеса, от этой мнимой святыни; не обломок колеса, конечно, чудеса делал — производила их вера...

Слава о схимнике Иёнии прошла по всему Позёрью, и из дальних стран многие приходили, желая видеть святолепное лицо святого мужа, и слышать от него слово «на спасение души», привозили к очу Иёнию и больных-недужных для исцеления, и бесноватых для изгнания бесей. Женщины, молодые и старые, по вечерам скоплялись на богомолье в избу к дяде Прокофею и тетке Лукерье, и дом их превратился наконец в молельню, освещался лампадами, свечами, накуривался фимиамом-ладаном. Отчеь Иёна в схиме, в веригах, в железной шапке, во всеоружии духовного воина, становился пред божницею и читал акафисты, а девушки стройно распевали последние слова кондаков и икосов акафиста. «Такого чтенья и пенья никовды и слухом не слыхано было во всем Позёрье». Так говорили женщины: «как евто, бывало, начнет оче Иёна, святой

схимничек, читать акафист, таково-то жалобно, да хорошо, што так мы все и ударимся в слёзы, да рыдания, и как ни крепишься, бывало, а не в терпеж стане, всплачеш. Отродясь мы не слыхивали такого умильного чтенья, не чуяли мы в своих сердечушках такого умиленья, и товды, ковды о великом посту нам на погосте дьячек Кузьма Ермолаичь читает правило святому причасью». «Да што те, Окулина Ильинишна, дался Кузьма Ермолаичь, да Кузьма Ермолаичь! плюнь ты на его, бормотун твой Кузьма Ермолаичь, а читает-то Кузьма Ермолаичь как гнусит, торопится как на барщину, кричит на всех, ругается, ничего не слышать, не понять, што бормочет наш дьячек. А схимничек-то божий оче Иёния, кажиное-то словечушко в уши положит, слухаеш его да не наслухаешся, век бы, кажется, не вышла я из молельной, все бы его слухала. А хрестится-то как благовейно оче Иёния, ручку кладе со лба до пупа, а кланяется-то как оче Иёния все в землю да в землю, а железной-то шапкой в пол все тук да тук, а верижница-то на очи Иёнии — все бряк да бряк. А Кузьма Ермолаичь твой я не видывала, штоб он перехрестился да поклонился Богу, стоять как остолоп, да табачищом нос набивае. Неча сказать, святой муж у нас оче Иёния!»... И благословляет схимник отчеь Иёния простой позёрский люд, старых и малых, и наделяет всех и крестиками, и образками, и книжками «Сон пресвятой Богородицы», и камушками, и водицей святой, и слезками Богородицы, и маслицом от неугасаемой лампадки, которая и день и ночь горит на божнице пред частию животворящего креста Господня. Позёрские женщины,

убаюканные его мелодическим сладким голосом и притворным его благочестием, все свое богатство тащат к святому схимнику: и холста домотканного конечек, и из кубышек вынутые цалковики, и мучку, и крупку, и маслицо, и яички. Оче Иёна все от всех принимает, думает себе: «не мешает на черный день», проповедует «света преставленье», обирает дочиста все Позёрье, а оберет гладко, смотришь, исчез внезапно из Позёрья, как колдун какой, и появляется уже в Петербурге. В Петербурге схимник отец Иона хотя и продолжает так же обманывать столичных ханжей, богатых старух купчих, но схиму и вериги носит ненарушимо под платьем.

Из таких-то святых Ионушек, какими повсюду издревле изобилует наша Русь православная, случилось мне встретить одного в городе Курске. Было летом. Вечером иду я по Загородной улице, встречается со мною уже пожилых лет, довольно прилично одетый мужчина, при встрече со мною снимает шляпу и говорит: «Здравствуйте, Александра Осипыч! вы не узнаете меня?» «Позвольте вас спросить, кто вы такие, что-то знакомо мне ваше лицо, а не могу припомнить, где я имел счастье видать вас?» На сделанный мною вопрос он, улыбаясь, отвечал: «Как, Александра Осипыч, вы меня не узнали, забыли, знать, Прошиньку?» — «Ба! неужели это ты Прокофий?». «Я!» — «Скажи пожалуйста, не узнал я тебя, да ты вовсе преобразился; да где-ж у тебя котомка с камнями, которую таскал ты за плечами, приходя к службе в Невский монастырь?». «Котомка! потише говорите, народ не услышал бы; котомку я подарил набожной старуш-

Из акварелей Ф.Г. Солнцева
«Одежды русского государства». 1869

ке, вы ее знаете, Акулине Лаврентьевне Мясниковой; теперь, я думаю, Акулина Лаврентьевна камнями этими, принесенными мною с святой горы Афонской, наделила всех петербургских ханжей, а я по милости их, теперь в Курске живу да поживаю!» Тут он позвал меня в гостиницу, где за чашкою чая рассказал мне подробно всю свою биографию, как и сколько он в Петербурге накопил денег, как брата выкупил на волю, как женился на богатой купчихе-вдовушке и как торгует. Все эти Ионушки и Прошеньки начинают свою карьеру в Позёрьи, или

Вид на Отенский монастырь с прудом и садом.
Фотография нач. XX в.

в каком другом уголке нашей благословенной России, а кончают в Петербурге или в Москве. Но Позёрье — золотое руно для Ионушек и Прошинок, потому что в Позёрье, как я выше сказал, народ «хлебосолы» и простой. В Позёрье, если позёр пьяный нагрубит странничку и тот скажет ему: «выжгу!», то при этом одном магическом слове, произнесенном устами странника, с испуга теряется, начинает позёр кланяться в ноги странничку, просить прощения, ведет его в кабак, где закладывает кушак или шапку, а уж напоит обиженного водкою вплотную.

Позёры не любят старательно одеваться. Национальный костюм платья позёр одинакий, вечно неизменный. Мужчины носят домотканый, шерстяной, краснобурый кафтан, и хотя через зажиточных позёр, живавших по городам, мода и внесла в местное употребление черного сукна кафтаны, но все

же в торжественных случаях, при вступлении в брак или в великий пост, идя на погост в церковь для принятия святого причастия, по обыкновению дедов и прадедов своих, позёр надевает свой краснобурый кафтан. Женщины носят красные, и пестрые, и черные сарафаны, поверх их летнюю порою надевают шугаи, а зимою шубы, которые с верха до пояса из белых новых, а к низу из черных старых овчин.

Богачки-позёрки носят беличьи и лисьи салопы, на голове у них не редкость увидеть жемчужные подвязки ценою в пятьдесят и во сто рублей, в ушах жемчужные серьги. Но позёры как-то неприязненно смотрят на модные нововведения. Случается, если кто из позёр поживет в Петербурге или в другом каком городе и возвратится на родину в немецком костюме, с произношением в разговорах городских слов, то не только посторонние, но и свои родные будут смеяться над ним, и волей-неволей он должен будет оставить то и другое. В разговоре позёр иногда слышатся славянизмы. Иногда, работая в поле, позёр распевает церковные псалмы. Простонародные песни их какие-то скучные, заунывные, хватающие за самое сердце. Вот песня позёр:

Шла я Машинька девушка из долины,
Гнала Маша стадо лебедей,

Што на встречу едут душе Маши
 Два удалых молодца,
 Зовут Машиньку гулять с собой.
 Ты пойдешь-ко да душа, да Маша
 Во питейный дом гулять,
 Во питейном во дому, чем угодно,
 Да я Машу угощу,
 Чем угодно, да чово Маша хочет,
 Да чаем, водочкой Машиньку напою;
 После чаю, после сладкой водки
 И словечком улещу.
 Не лести да ты меня словечком,
 Не обманывай да ты меня в глаза,
 Я девчонка очунь молода,
 Близь да матушки выросла,
 Близь долины, близь большой дороги,
 Я без матушки росла, без отца,
 Сколько горюшка да девушка
 терпела,
 Все напасти я, да изнесла.

Главный промысел позёр — рыбная ловля на озере Ильмене. Хлебопашеством позёры не очень охотно занимаются, оттого ли, что рыбная ловля отвлекает их от работ на полях, или та причина, что в Позёрье недостаточно хлебопахатной земли, да и та даже в весеннее время покрывается разливами озера и рек и хлеб на полях вымокает — неизвестно. Только проходя Позёрьем, редко встретите вы мужчину, работающего на поле. Все работы на полях у позёр, кажется, возложены на женщин. В Позёрье женщина и орет, и косит, и хлеб и сено убирает с поля. В зимнее время женщина рубит и дрова, и возит их из леса. Рыбная ловля, промысел хотя и очень выгодный, денежный, но редким из позёр приносит пользу; причина та, что между позёрами-ловцами в выс-

Ильменская сойма.
 Фото 1941—1944 гг.

шей степени развито пьянство. Этот бич рабочего люда оставляет их иногда без куска хлеба. Позёр, что выработает за день, то вечером пропьет. Дети ловцов начинают пить водку с семи, восьми лет, как только отцы их начнут таскать с собою на озеро. Поступая при этом с малых лет в тяжелую работу, позёры преждевременно теряют силы и стареют, и редкий из ловцов доживает до глубокой старости. Молодого ловца-атлета, в двадцать, в тридцать лет, простуда, захваченная на озере Ильмене, сводит в могилу.

* * *

Настала осень, холодная осень, наша русская северная осень, с грязью, слякотью, с ветрами, проливными дождями и с мокрым первым снегом. Позёр начинает конопатить свою ветхую избушку, чтобы на зиму запасти теплеца, снизу избы до окон из костиги, или навоза наклал завалинку; воткнул в завалинку колышки и за колышки до самой крыши набил ржаной соломы, – и вот избушка позёра стоит как скирда ржи, только из этой скирды выглядывают на свет божий, как кротовы глазки, два окошечка. В этом фантастическом зимнем костюме, непривлекательна изба позёра; войдете в избу, — в избе темно, черно, но как тепло, как в бане, хоть парься, любо да и только. А это-то и надо для позёр-ловцов. Приехавши с озера вечером и целый день проведя на сорокаградусном морозе, позёру-ловцу нужна теплая изба, да горячая печка, на которой только он и отогреет околелые члены.

Мужчин днем вы не застанете в избе. На вопрос ваш: «где хозяин?» вам ответят: «мужики утрось выехали на озеро!»

Молодая женщина прядет пеньку для сетей, старуха разматывает на мотовиле нитки, старик и два мальчугана вяжут сетки, все это готовится для рыбной ловли и в этом проводит семейство рыболова-позёра большую часть года. Ловцы разделяются на четыре категории: на двойников, одиноков, сетников и мережников. Двойники ловят двумя неводами, одиноки одним неводом; сетники ловят сетями, мережники — мережами. Старшина ловцов называется ватаманом, а подручные его — работниками. Работники разделяются на два разряда: на пихарей и кажеуров. Пихари зимою делают для невода дыры во льду, а кажеуры вытаскивают невод. Число работников при каждом неводе, считая с ватаманом, шестнадцать человек и восемь лошадей, на которых перевозят невод и все рыболовные снаряды. Для невода кнея, матка и матня (конечная часть невода) покупается шестнадцатью человеками ловцов в Новгороде за 70–80 рублей, и каждый ловец, чтобы иметь право ловли неводом, обязан представить на крылья к неводу пятнадцать сажень сетей длиной, а шириною, глядя по глубине воды в озере, десять сажень и более. Когда бывает

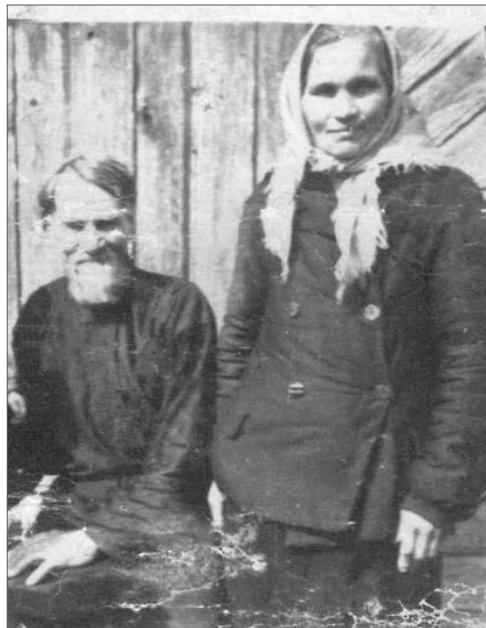

Саньки ловецкие. 1930-е гг. НГМ КП 32889/10 ДЭ-2746

все готово к рыбной ловле, куплена кнея, запасены сети, то ловцы или братия, из числа самих себя, из шестнадцати человек, выбирают человека благонадежного, хорошо знающего ловецкое дело, и ставят его ватаманом.

Ватаман в ловле всем распоряжается, и ватаману ловцы беспрекословно повинуются; когда ватаман заметит, что кто-нибудь из ловцов ленится на работе, то выговаривает ему, или сливалом, — которое на ловле в руках ватамана играет роль бунчука малороссийского гетмана, — наказывает лентяя тремя ударами по спине. Ватаман имеет полное право продавать рыбу покупателям. Деньги за проданную рыбу от покупателей получает мокряк, чередующийся из пихарей и кажеуров. Доколе не продается вся рыба, мокряк неотлучно при оной находится, и получив деньги, отдает их ватаману. Раздел денег бывает тогда, как за распроданную рыбу скопится денег от пятисот до тысячи рублей. При разделе денег, из общих сумм, с согласия ловцов, выделяется три и пять рублей, на пожертвование той церкви, которой прихожанин ватаман, потом деньги делятся по равной части, начиная с ватамана и кончая кажеуром.

Ловцы, опустивши в озеро два невода, на расстоянии один от другого в полверсты, начинают стягивать невода в одно место воротами. Когда невода близко подтянут к дыре, из которой их нужно вынимать на лед, то будь хоть сорокаградусный мороз, ловцы сбрасывают с себя лишнюю одежду, как-то: кафтаны, шапки и рукавицы, и невод тянут руками. Тяга невода руками считается самую тяжелую работу в ловле рыбы, а осо-

Молчанов И.И. — крестьянин д. Козынево Новгородского уезда, ватаман (старший) рыболовецкой артели с дочерью А.И. Пакулевой. 1930-е гг. НГМ КП 37883/43

бенно когда со дна озера невод захватит много грязи, тогда ловцы напрягают все свои силы, и чтобы дружнее тащить невод, поют «дубинушку». Один поет:

Вы ребята собирайтесь,
За веревочку хватайтесь.
Все.
Ой, дубинушка гукнет,
Вот зеленая сама пойдет,
Идет!
Вот, ребята, не робейте,
Своей силы не жалейте!
Все.
Ой, дубинушка гукнет,
Вот зеленая сама пойдет,
Идет!

Сапоги рыбаковские. 1947—1948 гг.
д. Завал. НГМ КП 37883/10

Нас ватаман-то ведь любит,
Полведра нам водки купит.
Все.
Ой, дубинушка гукнет,
Вот зеленая сама пойдет,
Идет!

Когда для ловцов уж очень тяжела бывает тяга невода, невод захватит много грязи, и когда много наедет к ним покупателей и просителей пожертвования рыбы, тогда ловцы, чтоб показать свое удальство, поют такие скандальные песни, которые не могут быть приводимы в печати. Невод, как ни упирался, но уступил силе ловцов; ловцы крестятся: «Слава Богу, рыбы много, соводни ватаман купит нам ведерко!» И сливалами выбрасывают рыбу из кнеи на лед. Тут

к ватаману с низким поклоном подходит монах, подает ватаману просфору и говорит: «отец игумен велел звать вас, Петр Фролович, к нему на водку; приходи, Петр Фролович, о Крещенье к нам, отыщи меня, ты знаешь мою келью, войдешь в Святые ворота так на лево, а теперь, Петр Фролович выпей-ко стаканчик с холодку после праведных трудов». Ватаман молча вымывает руки в проруби, вытирает полою кафтана, берет от монаха просфору, оборотясь к Новгороду и снявши шапку перекрестится, чмокнет просфору, завернет ее в платок, отвязанный с шеи, и положит за пазуху, выпьет стакан водки, кашляет, закусит коркой мерзлого хлеба и проговорит: «благодарствуйте, оче Пахнутие! человек о двух ногах; штоб не хромать, оче Пахнутие, налей-ко ешшо стаканчик». И другой стакан налит, и другой стакан выпит. «Што, оче Пахнутие, жаль мне-ка ты, старика, я вижу – иззяб ты старец Божий, соводни на озере очунно холодно, ловцы далеко, под Коростынь уехали ловить, ехать те туды-ка не след, позно буде, во Святой вашей обители угодничку Христову Ефремыю Преподобному, давай куль, клади, на Хрещенье буде, во лещей, во судаков, во окуней, а эту щуку, Слава Господу, Бог за молитвы угодничка Христова послал нам соводни, продадим буде сот на пять! ну уж тащи и щуку в сани, оче Пахнутие». Монастырский работник обирает рыбу в куль и при помощи ловцов куль с рыбою вваливает в сани. Отец Пафнутий, раскланявшись с ватаманом, уезжает в свою обитель. Тут к ватаману подходит сельский поп или дьячок, или пономарь или просвирня, и бывает та же процедура

ра. Иногда просят у ловцов рыбы и нищие.

Наконец ловцы, сложивши на лошадей невод и все его принадлежности и рыбу, съезжают на берег в село Спас-Епископец или в пристань село Ямок. На берегу при рыбе оставивши мокряка, идут греться в кабак. «Што-жо большак!» ловцы говорят ватаману: — «давайте с холоду четвертушку выпьем» — «Да што-жь, Семен Семеныч, четвертушку мало, давайте полведра, и останется — так не беда». Ватаман отвечает: «што-жь ребята, пойдете, выпьете полведра так полведра». Ловцы вошли в кабак. «Иван Еремеич, а Иван Еремеич!» кричит подручный ватамана цаловальнику, «налей нам полведра». Полведерная на столе. Подручный ватамана наливает стаканы. Первый стакан водки выпивает ватаман, после его пьют ловцы по старшинству. Полведерная высохла, как высыхает в июльские жары Ильменское озеро; хмелевая шишка забродила в голове у ловцов, ловец кричит: «Што-жь, ребята, еще выпьем: "волен Бог в добыче, а тело не рони"». И другая полведерная выпита. Ловцы из кабака идут в курень пить чай и из куреня посылают за третьей полведерной, потом за четвертой. После питья иные из ловцов едут по

Орудие лова — «сливало». Первая половина XX в. НГМ КП 39572/3 МЭ-933

домам, другие остаются в курене. Отъезд ловцов из села Спас-Епископец или с пристани села Ямок — всегда представляет картину довольно оригинальную; бесчувственные, произнося ругательства, валяются ловцы в розвальни. Иной упал навзничь, другой вниз носом, у третьего только туловище в зимнем экипаже, а головою он тормозит по дороге, считая носом камни и глыски, и далеко слышна ругань пьяной ловецкой ватаги. Бедные, измученные, голодные, иззябшие на морозе, лошадки, получая от хозяев удары кнута, со всех ног бегут к дому. «Окулина! а Окулина! не слышала ты, аль слышалось мнека, как быт-то лошадь ржет у нас под окном, выдь-ко на двор, глян, не приехал-ли твой Кондратей с озера!» говорит старуха толстой бабе, качающей плачущего ребенка в зыбке. «Где мому пьянице так рано... уймись ты постреленок, ишь глотку распустил, бесенок эхтакой, в батьку уродился горлан, и смередушки-то те Бог не пошлет, на! на! на! вот-на те!» Баба бьет ребенка ладонью по чем ни попало; ребенок пуще кричит, баба взяла ребенка на руки, сунула в рот ему грудь; обезоруженный ребенок, захватив ее ручонками, замолчал. «А я, матынька, не

Львов И.М. Внушение.
Почтовая открытка нач. XX в.

слыхала, да не мимо-ль нас эвто ехал кто, не Ванька-ли Трошкин?» — «Эво девка, што ты сказала, Ванька Трошкин ехал, дитятко ты мое, да Ванька Трошкин, аль ты не видала, ешшо засветло домой приехал с Сенькой Онучой». Лошадь опять заржала под окном. «Так и е, эвто мой пьяница, матынька; на, возьми ребенка, я выйду, отопру ворота». Баба сунула ребенка старухе на руки, зажгла лучину, вышла и отворила ворота на двор. Лошадь, увидавши ту, которая одна только и кормит и голубит ее, опять заржала и подвинулась к бабе. «Што, Карюшко, хлеба хош? не взяла я с собой; дам, дам, дам овсеца, погоди, я те дам, иш как ты разбойник-то вспарил; што-жь, дрыхнешь пьяница, опять натрескался, аль околел, оглох, штоль, ты Конрашка!..». В розвальнях молчание. Баба толкнула мужика ногой в бок — молчание; баба по чем попало начала его хвостать кнутом — молчание; баба сорвала с мужи-

ка шапку и надавала ему полновесных оплеух — молчание; баба в сердцаххватила колом его вдоль спины — молчание; баба, выведенная молчанием мужа из терпения, пустила обе свои мясистые руки в дело, — дело перешло в волосяное правление. Кондратий, посредством мясистых рук своей бабы приведенный в волосяное правление, открыл свои мутные глаза и сжавши свой толстый кулак закричал: «Гришка,

ведро ставлю — давай ешшо, за любовь "вы-хо-оо-ди!"» Окулина, в десять лет замужества своего хорошо изучившая науку своего мужа Кондрата, схватила его за ворот кафтана и поволокла на двор.

Кулачные бои позёр происходят обыкновенно таким образом. Они для этого массаами выходят на берег озера Ильменя. Едва все соберутся, как смотришь, один из них уже отделился от толпы и правую руку с сжатым кулаком поднял вверх и закричал: «ребята! кто хоче со мной побиться? за любовь выходи!» На предложение ловца становится другой напротив его и говорит: «Давай, Гришка, побьемся!» — «Расходись!» — «чур лежачего не бить.» — «Ланно!» Противники расходятся один от другого на пять, на шесть сажен. Гришка спрашивает: «идешь, Ванька?» Ванька отвечает: «Иду, Гришка!» — «Давай!» Противники с сжатыми и поднятыми вверх кулаками, наступая,

бьют один другого по чем попало — по голове, лицу, по бокам, по рукам и ногам. Когда Гришка с разбитым носом падает к ногам Ваньки и Ванька бьет его по голове, то ловцы-товарищи кричат: «за што? а уговор?...» Тут Ванька, еще в голову ударивши Гришку, скажет: «Ешшо казенный раз!» Секунданты вступают иные за Гришку, другие за Ваньку, и разделясь на две партии, завязывают между собою драку, из которой редкий ловец выходит без увечья. Позёры дерутся не по ненависти друг на друга, но по позёрскому обычаю, дерутся «за любовь!» Сенька, искалеченный, облитый кровью, говорит своему противнику: «славно, братан Мишка, дерешься ты, право слово славно! просто дерешься ты эвто по медвежачьи, меня отродясь нехто так ешшо не дубасил, как эхто отдубасил тапера меня ты, Михайло Вуколыч, славно так славно. На што Ленька Варухин драчлив, а супротив ты, Михайло, в главы и заглазы скажу, Ленька онуча судротив ты, Михайло Вуколыч. Подь же Михайло со мной в кабак, я тя угощу братана, полштоф, мало — штоф куплю!» Идут в кабак, пьют водку, обнимаются, целуются и Сенька Мишку опять вызывает биться «за любовь», — дерутся до тех пор, пока Бахус не свалит обоих с ног, но и теперь, герои наши, лежа на земле и барахтаясь, царапаются, кусаются и, запустивши друг другу руки в волосы, на берегу своего кормильца Ильменя-озера засыпают до утра.

Нередко бывают такие случаи между ловцами, что иной ловец, с кровавого побоища привезенный домой, пролежит в постели два, три месяца и если благодаря крепкой натуре не отправит-

Из акварелей Ф.Г. Солнцева

ся в Елисейские поля, то навек остается калекою: с выбитым глазом, с свороченным на сторону носом, без нескольких зубов, с переломанными ребрами. Он уже с этих пор не работник в доме, не кормилец своего несчастного семейства. Но, несмотря на эти чувствительные лишения, страсть к драке «за любовь» и до преклонных лет бывает верна героизму своих отцов, дедов и прадедов.

Страсть к кулачным боям у позёр есть, кажется, страсть врожденная. Позёр любит подраться «за любовь» при каждом удобном случае: дерется на свадьбах, на похоронах, на барышах, на помочах, на празднических, на ярмарках и в кабаках. Где только есть водка, там у позёр не обойдется без драки. Один

даже так рассказывал мне: «где двое дерутся "за любовь", глядишь на их драку, и у самого тя так руки и зудят, сжимаешь кулаки и поджилки на ногах дрожат, всего тя изобье лихоманка проклятая — во так бы и подрался».

В Позёрье в деревнях на праздничках и ярмарках, где скопляется много народа, сельским обществом для водворения порядка и уничтожения драк выбираются люди вроде полицейских, называемые ходаки. Ходаки по-видимому не считают себя ответственными пред судом общества, набравшего их на эту службу, когда допустят бьющихся «за любовь»

до увечья. Ходаки разнимают дерущихся только тогда, когда они начнут кусаться, царапаться, рвать друг другу волосы и платья, — тогда ходаки спешат к дерущимся и пускают в ход по их спинам свои полновесные дубинки, чем скоро и усмиряют нарушителей правил позёрского кулачного боя «за любовь». Я удивляюсь, что в наше время никто не обращает внимания на эти кулачные бои, от которых столько людей, приносящих пользу государству, гибнет, умирает, столько семейств разоряется и страждет. Пора бы подобному препровождению времени и выводиться из обычаев...

Ильменские соймы. Фото 1941—1944 гг.

Словарь терминов и выражений

«Молоком текут где реки, как агнцы кротки человеки» — искажённая цитата из басни И.А. Крылова «Волк и кукушка» (Как агнцы, кротки человеки, / И молоком текут там реки)

«успенью под угол» — на тот свет (*ред.*)

Аркадия — место беспечной, счастливой жизни, идиллического счастья. От древне-греческой области Аркадия, которая в поэзии изображалась, как страна блаженного пастушеского существования (*Ушаков*)

глыски, глиба — ком твёрдой земли, дёрна или снега с грязью (*Даль*)

Ждвигеньё — Воздвиженьё Креста Господня, церковный праздник (*ред.*)

киса — кошель или мешок, затягиваемый шнурком (*Ушаков*)

кнея — средняя часть невода в виде узкого, длинного мешка, куда попадает рыба при ловле; мотня (*НОС*)

костига, костыга — галечная слёжка, свалка, конгломерат (*Даль*)

курень — временное помещение для рабочих, барак (*Ушаков*)

латка — глиняная сковорода, плошка и др. с прямыми, крутыми боками (*Даль*)

матица — балка, поддерживающая потолок (*Ушаков*)

матка — часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба; мотня (*НОС*)

мокрык — сторож при добыче на озере Ильмень, ночующий в лодке (*Даль*)

мякушечка (ум.-ласк. мякушка) — небольшой круглый хлебец или круглые небольшие пышные булочки из белого теста (*НОС*)

на барышах — видимо, будучи при деньгах (*ред.*)

на помочах — помогать кому-либо в каком-либо деле (*Большой словарь русских поговорок*)

на празднических — видимо, на праздниках, гуляньях (*ред.*)

надыть — нужно, надо (*НОС*)

налой — то же, что аналой (*Ушаков*)

ономнясь — намеренно, на днях (*Даль*)

орать — пахать (*Ушаков*)

отокмяшито (отокмя) — лишь только (*Даль*)

отправиться в Елисейские поля — умереть. В греко-римской мифологии Елисейские поля — часть загробного мира, где обитают праведники (*Большой словарь русских поговорок*)

понахфиды — панихиды (*ред.*)

порск, порсок — печурка (*Даль*)

причет — поговорка (*Словарь синонимов*)

прошамстить, шамать — по-стариковски пришепётовать, говорить, как беззубый (*Даль*)

сам-девят — сам — первая часть неизменяемого прилагательного с порядковым числительным, т.е. говорящий + 9 человек (*Ушаков, ред.*)

сковородник — насаженная на рукоять железная лопаточка с плоским крюком над нею, служащая для захватывания и поднимания горячей сковороды (*Ушаков*)

сливало — рыбачий сак (*Даль*)

Спас-Епископец — деревня в Поозерье, в настоящее время — Песчаное (*ред.*)

теплинка (ум.-ласк. от теплина) — огонь или охапка дров (*НОС*), *теплить* — жечь, топить, нагревать

цаловальник, целовальник — продавец вина в питейных домах, кабаках (*Ушаков*)

чубарый — с тёмными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти (о масти лошадей) (*Ушаков*)

шугай — род женской короткополой кофты (*Ушаков*)

В публикации сохранена орфография и пунктуация автора.

Публикацию подготовили Э.Н. Белоножка и Т.А. Данько

Николай Салоников

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАПИСИ НА КНИГАХ ИЗ БИБЛИОТЕКИ АРХИЕПИСКОПА ФЕОФАНА (ПРОКОПОВИЧА)

Бiblioteca архиепископа Новгородского и Великолуцкого Феофана (Прокоповича) занимает особое место в истории отечественных библиотек, будучи уникальным частным книжным собранием России первой половины XVIII века как по числу книг, так и по своему составу [4, с. 265]. Книжное собрание владыки в 1742 году вошло в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии и, разделив её судьбу, в 1925 году было вывезено в Государственную Публичную библиотеку в Ленинграде (ныне — Российская национальная библиотека, далее — РНБ) [2]. В настоящее время библиотека семинарии как единый книжный фонд не сохранилась, и книги его размещены в разных хранилищах РНБ.

Ознакомление с владельческими записями на книгах из библиотеки архие-

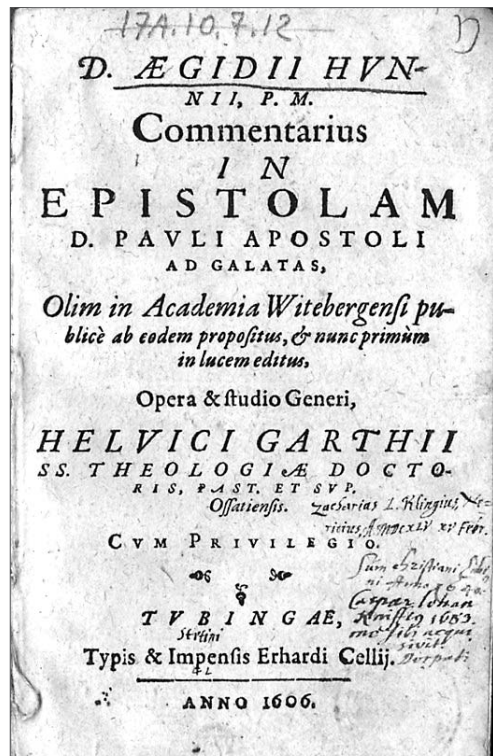
Феофан Прокопович. Гравюра XVIII в.

пископа Феофана (Прокоповича) имеет большое значение, прежде всего, для изучения истории её формирования, а также для реконструкции бытования

P. Terentii Afri Comoediae sex ... Francofurti, apud Ioan. Wecheli Viduam sumtibus Petri Kopffij. 1594.

Титульный лист с дарственной надписью Иоганна Граака. РНБ 7.9.3.41

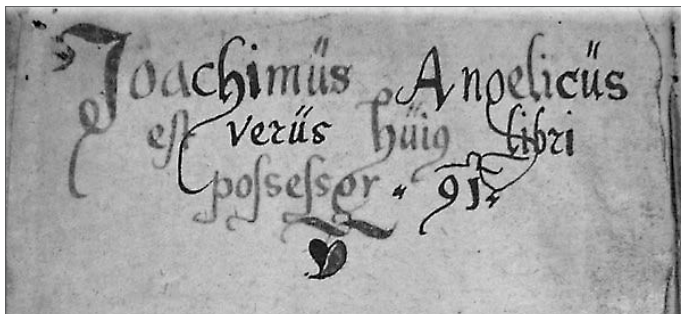
D. Aegidii Hunnii, P.M. Commentarius in Epistolam D. Pauli Apostoli ad Galatas ... Tubingae, Typis & Impensis Erhardi Cellij. 1606.
Титульный лист с владельческими записями Захария Клинга и Каспара Иоганна Книффия. РНБ 16.189.7.99-100

отдельных книг. В последние десятилетия исследователям оказались доступны для изучения новые источники — это книги из библиотеки Феофана, выявленные в фондах РНБ, а также Инвентарь библиотеки Новгородской духовной семинарии за 1929/1930 год, составленный В.В. Майковым после поступления книг в Ленинград [6]. Именно эти источники обладают значительными информационными возможностями [8].

Как известно, большую часть библиотеки Феофана составляют книги

немецко-прибалтийских библиофилов XVII — начала XVIII века. В основном, это жители Дерпта и Нарвы, а также студенты и профессора Дерптского университета. На сегодняшний день нам известны как отдельные издания, принадлежавшие им, так и целые книжные собрания [7]. Владельческие записи на этих книгах содержат разную информацию: чаще только имя владельца, иногда сведения биографического характера, место и время приобретения книги,

её стоимость. Особый интерес представляют сочинения, на которых сохранилось несколько владельческих записей, позволяющих реконструировать судьбу книги. Наиболее информативными в этом плане являются издания XVI столетия, которые несколько раз меняли

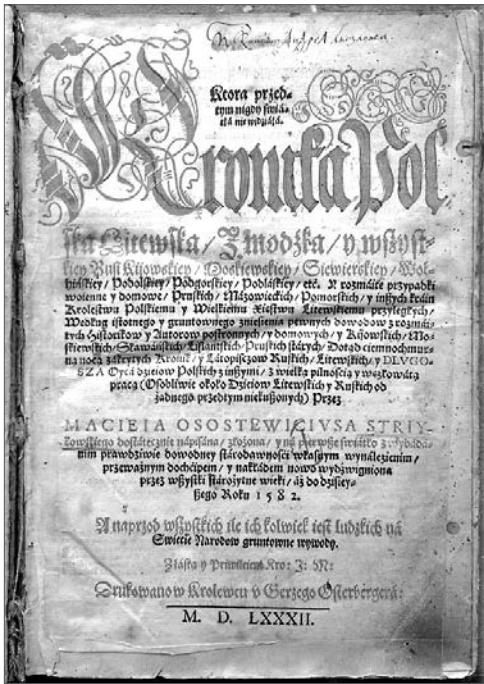
Владельческая запись Иоахима Ангеликуса. РНБ 7.43.8.33

своих владельцев. Не все владельческие записи, к сожалению, сохранились до наших дней полностью. Не редки случаи, когда новый владелец книги уничтожал информацию о предыдущем. Встречаются книги, на которых записи вырезаны, зачёркнуто или затёрто имя, а то и владельческая запись целиком.

С точки зрения содержания владельческих записей наиболее интересными в библиотеке Феофана (Прокоповича), являются книги, принадлежавшие жителю Дерпта Каспару Иоганну Книфффию (Книфф) (Kniffius, Kniff) (?—?). Сегодня исследователям известно 168 книг с владельческими записями Книфффия [1]. Наиболее ранняя датированная запись относится к 1646 году, а наиболее поздняя — к 1704 году. К сожалению, сохранились только отрывочные данные о биографии Книфффия. Из текста его владельческих записей видно, что родился он в графстве Вальбек, находившемся под юрисдикцией Хальберштадтского епископа. Книфффий учился в Хельмштедтском университете. После переезда в Ливонию занимал должность нотариуса Дерптского земельного суда, а затем стал секретарем суда (Hofgericht)

в Дерпте. Кроме того, Книфффий был избран в 1682 году олдермэном Большой гильдии [1].

Большую часть изданий Книфффия приобрёл в Дерпте, Риге и Ревеле. Владельческие записи, сделанные им, очень подробны. В них указаны место, дата, а иногда даже стоимость приобретённой книги. Не редко встречаются записи о том, что книга подарена Книфффию другими людьми. Например, на франкфуртском издании 1594 года «Комедий» Теренция есть дарственная надпись Иоганна Граака (Graak). На этом издании, как и на многих других книгах Книфффия, кроме рукописного экслибриса, стоит его красная сургучная печать, в верхней части которой изображён круг с перекрещенными мечами и инициалами владельца — С. I. К., в нижней — якорь. Читательские интересы Книфффия были разнообразны. Большую часть его библиотеки составляли издания юридической литературы, что, очевидно, объясняется его профессиональной деятельностью, встречаются также произведения протестантских теологов, труды по медицине, астрономии, сочинения античных авторов, лексиконы и другие.

Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi ... Macieia Osostewiciusia Striowskiiego ... Drukowano v Krolewcu u Gerzego Osterbergera. 1582. Титульный лист с владельческой записью — «Из книг Андрея Лызова»

Большую часть книг Каспар Иоганн Книффий приобрёл в 90-е годы XVII века. Так, в июле 1694 года на аукционе в Риге он купил четыре книги: двухтомник речей Цицерона, изданный базельским типографом Иоганном Оporином в 1553 году, а также труды юристов Арнольда де Рейгера, Марка Антония Бланка и Якоба Борниция. На всех этих изданиях примерно одинаковая владельческая запись Книффия: *Caspar Johan Kniffij acquisivit me sibi Riga A 1694 mens. Julio in auctione Runiana*. [6, л. 37 об., 60 об., 90–90 об.]. Интересно, что многие владельческие записи состав-

лены от имени книги: «Каспар Иоганн Книффий приобрел меня себе...» или «Я из книг Каспара Иоганна Книффия...».

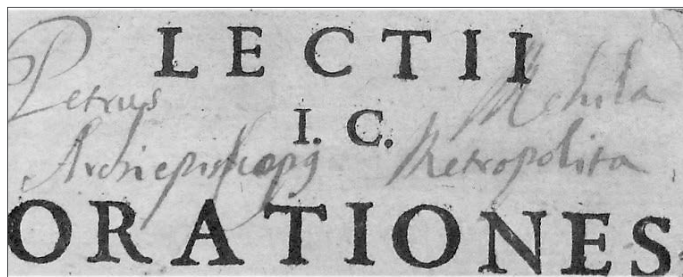
Владельческие записи на книгах Книффия позволяют реконструировать историю книгообмена среди интеллектуалов Восточной Прибалтики XVII века и связанных с ней городов Балтийского региона. На книгах Книффия сохранились владельческие записи преподавателей, сотрудников и студентов Дерптского университета: проканцлера университета и суперинтенданта Лифляндии Захария Клинга (Kling, Klingius) (1603—1671), профессора истории и древностей Фридриха Мения (Menius) († 1659), Людвига Хинтельмана (Hintelman) (1578—1643), завещавшего свою библиотеку университету, студентов Эразма Ланденберга (Landenberg) и Иоганна Крюгера (Krüger) [6, л. 8 об., 38, 90, 91; 7, с. 186–187].

Владельцем другого книжного собрания, вошедшего в состав библиотеки Феофана (Прокоповича), был дерптский пастор Генрих Иоганн Гроциан (1659—1723). В Инвентаре В.В. Майкова выявлено 75 изданий, принадлежавших Гроциану, и репертуар их разнообразен: это издания по филологии и философии, юриспруденции, медицине и богословию. Большое место в библиотеке немецкого пастора занимают грамматики латинского языка, пособия по поэтике и риторике.

Владельческие записи Гроциана малоинформативны и не дают возможности судить о времени и месте приобретения книг. Они выглядят следующим образом: «*кτῆμα Joh. Henr. Grotjan*» (имущество Иоганна Генриха Гроциана).

На большинстве книг его собрания записи предыдущих владельцев книг замараны или вырезаны. Редкое исключение представляет издание 1586 года «Evangelia et epistolae...» профессора университета в Ростоке Иоганна Посселия (Johannes Posselius), где сохранились имена трёх владельцев, начиная с конца XVI века, — Иоахима Ангеликуса (Joachimus Angelicus), Георга Леонарда Эдера (Georg Leonhard Eder) и Генриха Гроциана.

Владельческие записи на книгах архиепископа Феофана имеют не только дерптское происхождение. В составе его библиотеки встречаются книги, принадлежавшие известным деятелям русской истории. Например, на издании «Selecta Numismata antiqua ex Musaeo Jacobi de Wilde. Amstelodami. Sumptibus Authoris. 1692» сохранилась такая владельческая запись: «Книга Прокофья Возницина. Поднесв Амстердаме Дивилдя». Известно, что Прокопий Богданович Возницин — известный деятель петровского времени, дипломат, принимавший участие в Великом посольстве [5]. Среди владельцев первого издания хроники польского историка Матвея Стрыйковского — «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси» («Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi... Macieia Osostewiciusa Striykowskiego... Drukowano w Krolewcu...») был известный русский историк и переводчик XVII века Андрей Иванович Лызлов [3].

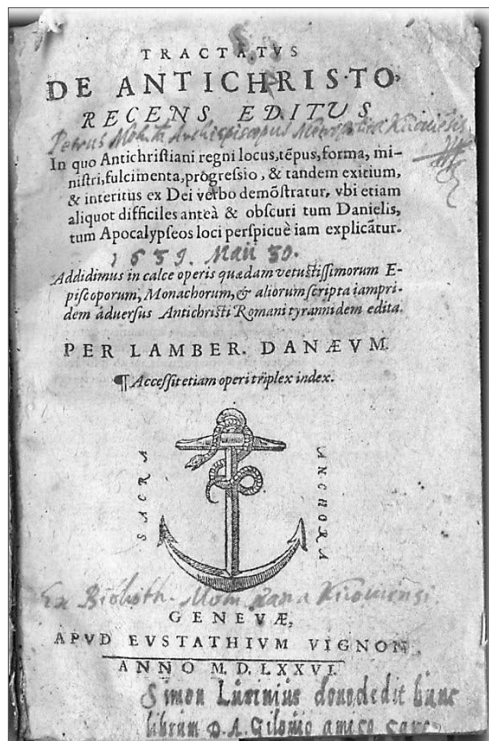

Владельческая запись митрополита Петра Могилы.

РНБ 16.76.8.110

В фондах РНБ хранятся два издания с рукописным экслибрисом митрополита Киевского Петра Могилы (1597—1647) и записью о принадлежности книг библиотеке Киево-Могилянской академии. Оба издания входили в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии. Одно из них — «Речи» Якоба Лектия, изданные в Женеве в 1615 году, принадлежало Феофану (Прокоповичу). На титульном листе этой книги две записи: «*Petrus Mohila Archiepiscopus Metropolitae; Ex Bibliotheca Collegii Mohileani Kiioviensi*». Второе женеvское издание 1576 года — «Трактат об антихристе» Ламберта Данея также имеет владельческую запись: «*Petrus Mohila Archiepiscopus Metropolitae Kiioviensis 1639 Maii 30*». Но в той части реестра библиотеки Новгородской духовной семинарии 1779 года, где описана библиотека Феофана (Прокоповича), это издание выявить не удалось. Вероятно, оно было привезено в Новгород кем-то из первых преподавателей Новгородской духовной семинарии — выпускников Киево-Могилянской академии.

Атрибуцию книг из библиотеки Феофана (Прокоповича) затрудняет отсутствие его собственной владельческой

Tractatus de antichristo recens editus ... per Lamber. Danaeum ... Genevae, apud Eustathium Vignon. 1576.

Титульный лист с владельческой записью — «Petrus Mohila Archiepiscopus Metropolitae Kiioviensis 1639 Maii 30».
РНБ: 16.96.7.32

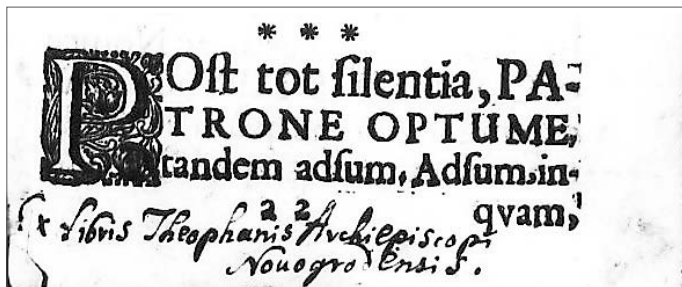
записи на большинстве изданий. Свой рукописный экслибрис владыка оставлял далеко не на всех принадлежавших ему книгах. Делал он это в разные периоды своей жизни, пребывая сначала архиепископом Псковским, а затем и Новгородским. Его владельческие записи однотипны, например: «*Ex libris Theophanis Archiepiscopi Plescoviensis; Ex libris Theophanis Archiepiscopi Novogrodensis; Ex Bibliotheca Theophanis Archiepiscopi*

Plescoviensis; Ex Bibliotheca Theophanis Archiepiscopi Novogrodensis».

Можно выдвинуть разные предположения, почему владыка выборочно подписывал свои книги. Одна из версий состоит в том, что он оставлял свой экслибрис только на дорогих фолиантах. Действительно, на многих известных нам дорогих старинных книгах из библиотеки архиепископа Феофана есть его владельческая запись. В Отделе редких книг РНБ также есть фолианты из библиотеки Новгородской духовной семинарии. Это три книги из двенадцатитомного собрания сочинений блаженного Августина, изданных в Антверпене в 1700—1703 годах, и два тома сочинений блаженного Иеронима Стридонского, вышедших в свет в Париже в 1623 году. На всех томах сохранился рукописный автограф — «*Ex libris Theophanis Archiepiscopi Novogrodensis*». Однако изучение выявленных книги экслибрисов, описанных В.В. Майковым в Инвентаре 1929/1930 года, опровергают это предположение, поскольку и на книгах «карманного» формата также встречаются владельческие записи Феофана (Прокоповича). Имеет место предположение о том, что владыка оставлял свой рукописный экслибрис только на тех книгах, которые приобрёл сам. Подтверждением этому могут быть издания отцов Церкви, которые, как известно, он купил в Голландии. Но и эта гипотеза не точна, поскольку и на «трофейных дерптских» книгах встречаются владельческие записи архиепископа Феофана. Наиболее достоверным в настоящее время является мнение о том, что Феофан (Прокопович) оставлял автограф на тех

книгах из своей библиотеки, которые давал читать другим людям. Но проверить это предположение трудно, поскольку читатели книг не оставили на них своих владельческих записей.

На сегодняшний день

Рукописные экслибрисы архиепископа Феофана (Прокоповича)

реконструкция библиотеки Феофана (Прокоповича) и выявление книг в фондах РНБ не закончены. Очевидно, что исследователей ещё ждут новые интересные находки и открытия.

1. Вебер Д.И., Салоников Н.В. Книги с владельческими записями Каспара Иоганна Книффия в составе библиотеки архиепископа Феофана (Прокоповича) // *Saurus*. 2023. Т. 2. No 1. С. 100–140.

2. Градова Б.А. Из истории поступления библиотеки Новгородской духовной семинарии в Государственную Публичную библиотеку // *Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения»*. Великий Новгород, 11–14 мая 1998 года / отв. ред. В.Л. Янин, Б.Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 187–191.

3. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. «Хроника» Матвея Стрыйковского из библиотеки А.И. Лызлова // *Старая Европа: очерки истории общества и культуры: сборник научных статей, посвященный памяти А.Н. Немилова (1923–2002)* / под общ. ред. А.Ю. Прокопьева. Санкт-Петербург, 2007. С. 250–257.

4. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Ленинград, 1976. С. 265.

5. Майков В.В. Заметка о трех изданиях голландского археолога Якова де Вильде (Материалы для истории русских библиотек) / публ. подг. И.Л. Григорьевой и Н.В. Салониковым // *Сообщения Российско-Нидерландского научного общества* / под ред. Г.В. Вилинбахова, Н.П. Копаневой. Санкт-Петербург, 2003. Вып. 1. С. 312–319.

6. Майков В.В. 1929 г. Новгородская духовная семинария (библиотека Ф. Прокоповича) // *ОР РНБ*. Ф. 522. Ед. хр. 238. Л. 1–167.

7. Салоников Н.В. Библиотека архиепископа Феофана (Прокоповича) как источник по интеллектуальной культуре и книгофильству в Восточной Прибалтике XVII — начала XVIII века // Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия: материалы междунар. науч.-практ. конф., Великий Новгород, 30 ноября — 1 декабря 2017 г. / сост. и отв. ред. М.Б. Бессуднова. Великий Новгород, 2018. С. 174–192.

8. Салоников Н.В. Издания XVI века в библиотеке архиепископа Феофана (Прокоповича): источники изучения // Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность: материалы науч.-практ. конф. 24–26 сентября 2019 г. Великий Новгород, 2021. Вып. 1. С. 164–173.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

В эпоху Средневековья Новгород становится одним из ведущих центров русского книгописания. Здесь в конце XI века появляются первые переписчики книг, при монастырях и храмах открываются рукописные книжные мастерские. Именно в Новгороде в 1499 году был закончен грандиозный труд по переводу на славянский язык Библии, получившей название Геннадиевской, которая по своему исполнению представляет собой настоящий шедевр рукописной книги. Имя ещё одного новгородца самым тесным образом связано с историей книгопечатания на Руси — это протопоп Сильвестр, создавший в 1540-х годах в Москве на подворье Благовещенского собора, где он служил священником, первую на Руси анонимную типографию.

Виктор Смирнов

НОВГОРОДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Открывая древний манускрипт, всякий раз испытываешь особое, непередаваемое чувство соприкосновения с чем-то подлинным и вечным. Это как Второй концерт Рахманинова или картины старых мастеров, от которых мурашки бегут по коже. Подобно старинной намоленной иконе, рукописная книга хранит тепло души наших далёких предков. Как говорил знаток древних рукописей Иван Забелин, «она изобразительно рассказывает о чувствах и мыслях народности, о направлении её умственных интересов».

Сегодня в главных библиотеках страны бережно хранятся сотни новгородских рукописных книг. Но есть среди них подлинные шедевры, отнесённые к сокровищам мировой культуры. Эти великие книги не только осеняли духовную жизнь наших предков, но и служили образцом и источником вдохновения для нескольких поколений русских книгоиздателей.

Рукописные книжные мастерские и кто такой Упырь Лихой

Книги в древности стоили очень дорого. И хотя новгородские владыки не жалели денег на их приобретение, стремительно растущей епархии остро не хватало богослужбной литературы, ведь даже минимально необходимый для любого храма набор книг включал в себя до десятка наименований. Выход был один — начать переписывать книги собственными силами.

Церковь Св. Праведного Лазаря
в упраздненном женском Лазареве монастыре.
Основана в конце XIII века.
Рис. из альбома Д.М. Струкова
«Виды новгородских церквей». 1862 г.
[https://alexander2.rsl.ru/
novgorod#!/tab/63695237-2](https://alexander2.rsl.ru/novgorod#!/tab/63695237-2)

Одним из древнейших новгородских скрипториев обычно называют рукописную мастерскую монастыря святого Лазаря в Неревском конце, возникшую в конце XI — начале XII века. Но на самом деле книги в Новгороде начали переписывать значительно раньше. Так, по заказу князя Владимира Ярославича для библиотеки строящегося Софийского собора была переписана библейская Книга пророков. В её завершении содержались такие слова: *«Здоров же княже будь в век живи... но писавшего не забывай»*, — и подпись: *«Аз поп Оупир Лихый»*, что читается как *«я поп Упырь Лихой»*. Датой окончания работы отмечен 6555 год от сотворения мира, то есть 1047 год от Рождества Христова.

Что мы знаем про этого человека, носившего столь странное имя?

Возможно, это один из первых известных нам русских переписчиков книг. Причём он был не просто переписчиком, а в известном смысле и переводчиком, ибо он перекодировал библейские тексты с глаголического оригинала на кириллицу. Работа продолжалась семь месяцев.

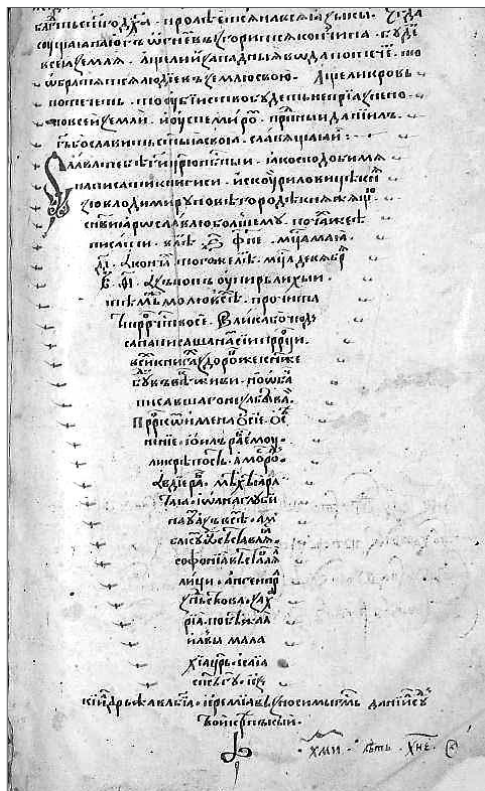
И тут возникает естественный вопрос: как мог священник заполучить такое жуткое имечко? Ведь упырями на Руси называли вампиров, оживших покойников и прочую нечисть. Слово «лихой» означало «злой» или «дурной»,

то есть в буквальном переводе этого человека звали «злбный кровосос».

Интересную гипотезу выдвинул шведский учёный-славист Андерс Шеберг. Он сопоставил имя русского писца Упыря Лихого с именем его современника — знаменитого шведского рунорезца Эпира по прозвищу Отважный и пришёл к выводу, что это один и тот же человек.

Развивая эту гипотезу, можно предположить следующее. В начале XI века в Новгород вместе с невестой князя Ярослава Мудрого, шведской принцессой Ингигерд, прибыло немало её соотечественников. Один из них мог жениться на местной уроженке и родить сына, которому он дал имя Эпир и прозвище Отважный. На русском это имя звучало как Упырь Лихой. По мнению другого известного учёного Алексея Алексеевича Гиппиуса, Упырь Лихой учился в новгородской школе, основанной Ярославом Мудрым вместе с писцом Остромирова Евангелия диаконом Григорием. Закончив учёбу, Упырь Лихой мог стать священником в церкви святого Олафа в Новгороде, прихожанами которой были иностранные купцы. А поскольку он был человеком талантливым и весьма образованным, то стал переписывать книги по заказу знатных особ.

После смерти княгини Ингигерд и её сына Владимира положение шведов в Новгороде пошатнулось, а затем посадник Остромир и вовсе отказался от услуг варяжской дружины. Вместе с соотечественниками покинул Новгород и Эпир Отважный. Он поселился в городе Уппланде и вскоре прославился как выдающийся рунорезец.

Колофон Упыря Лихого.
Копия с рукописи 1047 г.
Книги 16 Пророков толковые. XVI в.
РГБ. Ф. 304/1 №89. Л. 244

Те, кто бывал в Швеции, вероятно, видели на её полях рунические камни — большие валуны, на которых вырублены буквенные символы древнегерманского алфавита. В каждую руну вкладывался некий божественный смысл.

Остаётся предположить, что, не имея в тогдaшней малограмотной Швеции заказов на переписывание книг, Эпир Отважный открыл в себе ещё один дар — дар камнерезца. Вот так в судьбе одного человека сплелись судьбы двух народов — русских и шведов.

Несчастливая звезда Бартоломея Готана

Весной 1494 года у Новгорода появился реальный шанс стать родиной русского книгопечатания. В разгар работы над первым полным переводом на русский язык Библии архиепископ Геннадий Гонзов пригласил сюда немецкого печатника из города Любек по имени Бартоломей Готан. Судьба этого человека складывалась непросто. Надо сказать, что тогдашний полиграфический бизнес был рискованным предприятием, поскольку требовал больших материальных расходов и вовсе не гарантировал стабильный доход. Многие печатники быстро разорялись, влачили жалкое существование, зачастую превращались в бродяг, перемещаясь из города в город со своей походной типографией.

Готан начал печатать книги сначала в Магдебурге, затем в Любеке, потом переехал в Швецию, а оттуда — в Финляндию, создав первую печатную книгу Финляндии. Всего он успел напечатать не менее 30 изданий на латыни и немецком языке. Однако по каким-то несчастливым свойствам своего характера Готан часто попадал в сложные ситуации, выбираясь из которых, запутывался ещё больше. Из Швеции ему пришлось унести ноги после какой-то тёмной истории с избиением помощника. В Любеке городской магистрат объявил Готана несостоятельным должником, что по немецким законам означало крах предпринимательской деятельности.

В это тяжёлое для любекского печатника время судьба свела его с русским дипломатом Иваном Волком Курицыным, который завербовал его в качестве тайного агента Москвы. О степени доверия к немцу можно судить по тому, что ему поручалось переводить русскую секретную дипломатическую документацию. Сотрудничество было закреплено письменным документом, в котором Готан поклялся верой и правдой служить Ивану Васильевичу, и целовал на этом крест.

Случилось так, что в это же самое время Готан повстречал в Любеке своего старинного приятеля, профессора медицины и астрологии Николая Бюлова, недавно вернувшегося из Новгорода. Бюлов выступил посредником в переговорах между владыкой Геннадием и немецким печатником о переезде того в Новгород. Для Готана в его ситуации такое приглашение было как нельзя более кстати, и весной 1494 года он отправился в Новгород. С собой печатник вёз типографию, а также многочисленные книги, им же напечатанные.

Первые впечатления Готана от России были самыми радужными. Ещё бы, перед ним открывалось широкое поле деятельности, ему покровительствуют сам московский государь и могущественный новгородский архиепископ! При дворе Геннадия он обнаружил кружок высокообразованных людей, готовых трудить-

ся на ниве просвещения. Немец с воодушевлением берётся за дело. Он занимается переводами и готовится открыть первую на русской земле типографию. У него уже был опыт печатания книг на иностранных языках, поэтому изготовление славянского шрифта не представлялось серьёзной проблемой. Начать печатник предполагал с небольших книг, но венцом его трудов могла стать первая славянская Библия.

Но, видимо, Готан всё-таки родился под несчастливой звездой. Поздней осенью 1494 года в Новгороде разыгрались драматические события вокруг Ганзейского двора, где остановился Готан. Купцы, населявшие немецкий двор в Новгороде, по приказу великого князя были схвачены, силой доставлены в Москву, их товары на огромную сумму в сто тысяч гривен конфискованы, привилегии Ганзы отменены, а сам двор наглухо заколочен.

При разгроме Ганзейского двора погиб Бартоломей Готан. Немецкий источник сообщает, что *«московиты утопили любекского печатника вместе с его типографией»*. Книги, привезённые Готаном, впоследствии оказались в библиотеке Ивана Грозного и пропали вместе со знаменитой Либерией.

Чем объяснить такую жестокую расправу именно с Готаном, тогда как прочих немцев только ограбили и посади-

Средневековая типография

ли под замок? Дело в том, что печатник угодил между двух огней. Братья Курицыны и архиепископ Геннадий Гонзов оказались злейшими врагами. Курицыны фактически возглавляли так называемую ересь жидовствующих, против которой яростно боролся новгородский владыка. Став перед выбором, Готан предпочёл взять сторону архиепископа, с которым были связаны все его профессиональные интересы. Московские информаторы, которыми был на шпигован Новгород, тут же донесли в Москву, что немец слишком тесно сблизился с Геннадием. Разгром Ганзейского двора стал удобным поводом для мести московских резидентов изменившему им агенту.

Так оборвалась жизнь человека, который мог положить начало книгопечатанию в России за семьдесят лет до Ивана Фёдорова. Следующая попытка основать русскую типографию состоялась только полвека спустя.

Трудный выбор владыки Геннадия

До своего появления в Новгороде Геннадий Гонзов был архимандритом московского Чудова монастыря. В конфликте между великим князем Иваном III и московским митрополитом Геронтием Геннадий принял сторону государя и был вознаграждён

им новгородской кафедрой. Приехав в Новгород, Геннадий нашёл здешнюю епархию в удручающем состоянии. Разорительная война с Москвой, массовые выселения лучших людей отразились и на положении Церкви, особенно остро не хватало образованных священников. Настоящим потрясением для владыки стала открывшаяся в Новгороде ересь жидовствующих, последователи которой многое позаимствовали в иудаизме.

В Москве у еретиков нашлись могущественные покровители, среди которых были думный дьяк Курицын, невестка государя Елена Волошанка, а впоследствии даже сам московский митрополит Зосима.

Владыка Геннадий оказался перед трудным выбором. Здравый смысл подсказывал ему, что лучше не поднимать лишнего шума, ограничившись расправой с рядовыми еретиками. К тому же новгородский архиепископ считался одним из главных кандидатов на митрополичий престол, а это решение во многом зависело от великого князя.

И всё же Геннадий сделал свой выбор, оценив масштаб угрозы, надвигающейся на Русскую Православную Церковь. Эта угроза исходила не только от еретиков, но и от самого великого князя, который задумал с их помощью полностью подмять под себя Церковь, забрать её земли, упразднить монашество, поколебав сами устои православия. С этим Геннадий

Посвящение Геннадия
в епископы новгородские.
Миниатюра Лицевого летописного свода

смириться не смог, он был человеком Церкви и превыше всего ставил её интересы. Так вполне расчётливый и осторожный новгородский архиепископ в одночасье превратился в непримиримого борца с еретиками и их высокими покровителями.

Владыка понимал, что с ересью нельзя бороться только мерами устрашения. Поэтому он приступил к решению грандиозной задачи — переводу Библии на славянский язык. До той поры полного перевода Ветхого Завета на Руси не существовало. Пользуясь этим, еретики, владеющие латынью, греческим или еврейским языками, по-своему толковали священные тексты. Нужно было выбить из их рук главное оружие.

Владыка собрал при Софийском соборе группу учёных-переводчиков, в которую вошли софийский протопоп Герасим Поповка, его брат Дмитрий Герасимов, а также несколько иностранцев, среди которых был даже католический монах.

В 1499 году гигантский труд был завершён. Перевод одной из величайших книг человечества явился событием национального масштаба. Отныне Библия становилась доступной грамотным русским людям.

По своему исполнению Геннадиевская Библия представляла собой настоящий шедевр рукописной книги. Она написана полууставом на 1002 листах высококачественной бумаги и украшена искуснейшими художниками. 80 лет спустя Геннадиевская Библия будет напечатана в Остроге Иваном Фёдоровым, опередив своим появлением весь православный Восток.

Геннадиевская Библия. 1499 г.
ГИМ. Син. № 915. Л. 1

Великий князь Иван III решил примерно наказать строптивого архиепископа Геннадия, мешавшего ему в осуществлении планов подчинения Церкви светской власти. Геннадий был обвинён в злоупотреблениях и отправлен в заточение в тот самый Чудов монастырь, откуда он когда-то приехал в Новгород. Здесь он вскоре и скончался. Борьбу с ересью жидовствующих после смерти Геннадия возглавил другой выдающийся деятель русской Церкви Иосиф Волоцкий, который сумел перетянуть на свою сторону великого князя, признав божественное происхождение светской власти, что фактически означало полную неподконтрольность монарха собственному народу.

Тайна анонимной типографии

Общеизвестно, что первым русским печатником является Иван Фёдоров: весной 1563 года повелением царя Ивана Грозного в Москве была основана первая русская типография, а год спустя Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец выпустили в свет первую отечественную печатную книгу под названием «Апостол».

На самом деле типография Ивана Фёдорова не была первой — как минимум, за десять лет до выхода в свет «Апосто-

ла» в России уже действовала типография, успевшая выпустить несколько изданий. Одна из таких редчайших книг хранится в Научной библиотеке Новгородского музея-заповедника.

Кто же печатал эти книги?

Ответить на этот вопрос помогла сенсационная находка.

В новгородских писцовых книгах была обнаружена грамота, написанная 9 февраля 1556 года в Москве со слов царя Ивана Грозного дьяком Андреем Васильевым. Смысл её таков. Царю Ивану Васильевичу, затеявшему строительство нового московского храма, понадобился строительный камень. С этой целью он направил в Новгород умельца по имени Маруша Нефедьев. Вроде бы ничего особенного, но учёных поразило то обстоятельство, что Маруша Нефедьев назван в письме «*мастером печатных книг*»! Напомню, что дело происходит за семь лет до открытия московской типографии Ивана Фёдорова!

Здесь надо сделать небольшое отступление. Книгопечатание в России началось на сто лет позже, чем в Европе, и этот упущенный век стал причиной нарастающего отставания нашей страны от передовых европейских стран. Это тем более обидно, что история отечественного книгопечатания могла начаться, как минимум, на полвека раньше, и не где-нибудь, а именно в Великом Новгороде. По уровню грамотности

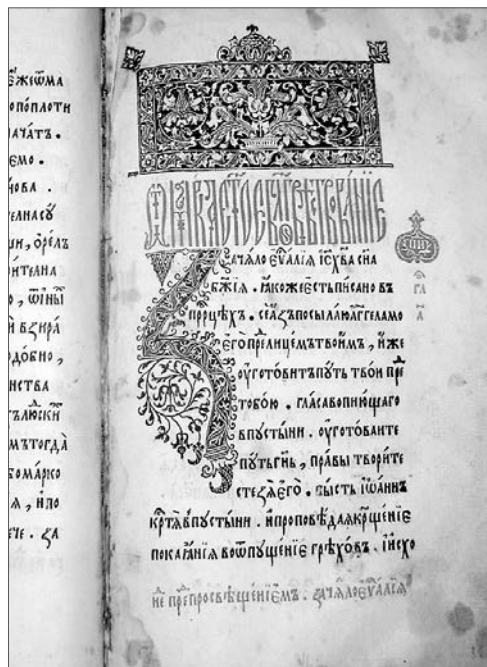

Евангелие. Б./в. [около 1564 г., 1563/1564 гг.].
[Анонимная типография].
НГМ КП 30226/44 КК-322

населения город едва ли не лидировал в Европе. Благодаря тесным торговым связям с Ганзой происходил свободный обмен не только товарами, но и последними достижениями цивилизации. Здесь имелось развитое ремесленное производство, действовали лучшие на Руси книжные мастерские, в которых трудилось множество профессиональных книжников. Да и печатные книги в Новгороде давно уже не были в диковину. Особенно много их появилось здесь в конце XV века, когда владыка Геннадий и его учёная дружина трудились над созданием первой славянской Библии.

Но тогда возникает резонный вопрос: в какой типографии работал «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев, и кто был её владельцем? Ответ на него дал один из самых авторитетных исследователей истории книги Евгений Немировской, по мнению которого этим владельцем был священник церкви Благовещения и автор «Домостроя» Сильвестр.

Большую часть своей жизни Сильвестр прожил в Новгороде, где имел книгописную мастерскую. После того, как новгородскую епархию возглавил Макарий, Сильвестр становится одним из самых приближённых к нему людей, и, возможно, уже тогда они предпринимали первые попытки наладить в Новгороде книгопечатание. Но затем Макария возвели в сан митрополита Московского и всяя Руси. Вслед за ним в Москву отправляется Сильвестр. Он берёт с собой сына Анфима, который управлял книгописной мастерской, и нескольких мастеров, включая Марушу Нефедьева.

Евангелие. Москва, Анонимная типография. (ок. 1553/1554), в издании принимал участие Маруша Нефедьев

В Москве Сильвестр становится одним из самых приближённых к царю людей, вместе с Макарием, князем Курбским и Адашевым он входит в Избранную Раду — негласное правительство при молодом царе. Столь высокое положение, а также покровительство Макария, помогли Сильвестру реализовать его давнюю мечту — создать на подворье Благовещенского собора, где он служил священником, первую на Руси типографию.

Поскольку официального разрешения Сильвестр не получил, книги печатали без выходных данных, то есть анонимно. За полтора десятка лет в анонимной типографии Сильвестра вышли

Сильвестр.
Памятник «Тысячелетие России»

в свет не менее семи изданий: Четвероевангелия, Триоди и Псалтырь. Кроме Маруши Нефедьева и Васюка Никифорова, здесь работали сам Иван Фёдоров и его будущие сподвижники Пётр и Невежа Тимофеевы.

Однако в конце 1550-х годов влияние Сильвестра резко ослабевает. Всё, что с ним связано, теперь вызывает у царя раздражение, и вскоре подворье собора Благовещения, где жил опальный священник и работала первая русская типография, было превращено в пустырь. Самого Сильвестра сослали в Кирилло-Белозерский монастырь.

Вот тут на авансцену снова выступает митрополит Макарий, единственный уцелевший член Избранной Рады. Незадолго до своей кончины он убеждает царя в необходимости книгопечатания, собирает под своё крыло бывших сотрудников Анонимной типографии, включая Марушу Нефедьева, и ставит во главе предприятия самого талантливого из них — Ивана Фёдорова.

Начинается официальная история русского книгопечатания. И хотя имя Великого Новгорода в ней не упоминается, есть все основания считать, что своими глубинными корнями эта история уходит в Новгородскую землю, а новгородца Марушу Нефедьева можно наряду с Иваном Фёдоровым с полным правом называть первым русским печатником.

Дарья Пикалёва

КНИГИ С ИСТОРИЕЙ

*Собрание редких изданий на иностранных языках
Новгородской областной универсальной
научной библиотеки*

Около двух тысяч зарубежных изданий XVIII — начала XX века на английском, немецком, французском и итальянском языках составляют фонд редкой книги на иностранных языках областной библиотеки. Именно здесь хранится самое раннее сочинение из собрания библиотеки — книга «Гидравлическая архитектура» 1750 года — прижизненное издание французского бригадного генерала и изобретателя Бернара Фореста де Белидора (1698—1761). Кстати, самое раннее издание на русском языке в фонде библиотеки — журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» — датируется 1761 годом.

Фонд редких изданий на иностранных языках формировался на протяжении десятилетий, и попадали они в библиотеку различными путями. Так, восстанавливая утраченный в годы Великой Отечественной войны книжный фонд, библиотека покупала книги у букинистов. Часть изданий поступила из библиотек Новгородской области, не пострадавших во время гитлеровской оккупации, часть — из обменных фондов библиотек Ленинграда и Москвы.

В собрании редких зарубежных изданий есть книги по истории, философии, праву, естественным наукам, медицине, зарубежной литературе. Здесь представлены произведения Жан-Жака Руссо, Астольфа де Кюстина, прижизненные издания Чарльза Диккенса, Иоганна Вольфганга фон Гёте, Виктора Гюго, Альфонса де Ламартина, Мориса Метерлинка, Джордж Элиот и других

Бернар Форест де Белидор

известных представителей литературы XVIII и XIX веков. Для исследователей и библиофилов безусловный интерес представляют издания с экслибрисами библиотек Царскосельского Императорского лицея, Императорского училища правоведения, книги со штампами библиотек полков, квартировавших на территории Новгородской губернии.

В ряду редких книг на иностранных языках имеют место уникальные издания из библиотек дворянских усадеб Новгородской губернии с экслибрисами Алексея Алексеевича и Софьи Александровны Кованько, Ивана Петровича Дарагана и других представителей новгородского и петербургского дворянства. Книжные собрания усадебных библиотек позволяли не только занять

свободное время чтением, но и отвечать профессиональным, хозяйственным и образовательным запросам их владельцев. Беллетристика, сочинения военно-исторические, естественнонаучные, географические, словари и энциклопедии на европейских языках — вот круг чтения дворян того времени.

В фонде хранятся не только книги, но и популярные в России европейские периодические издания XIX века. Среди них четыре выпуска иллюстрированного французского литературного журнала «Musée des familles», который издавался в Париже с 1833 до 1900 года. На его страницах публиковались произведения Александра Дюма, Теофиля Готье, Жюль Верна, Оноре де Бальзака и других французских и зарубежных писателей и поэтов. Журнал предназначался для семейного чтения и был своего рода путеводителем по французской и мировой литературе¹.

В числе редких журналов — несколько экземпляров ещё одного не менее известного в России периодического издания «Le Magasin pittoresque» за 1840, 1850 и 1861 годы. Журнал впервые вышел в свет в Париже в 1833 году и являлся своего рода популярной энциклопедией о прошлом и настоящем, в нём публиковались сочинения по истории, археологии и искусству, статьи о естественных науках, промышленности, путешествиях и другие. Он пользовался большим успехом не только у французской публики, его выписывали и в России. В журнале публиковались статьи о русской исто-

Журнал «Musée des familles». 1844 г.

¹ В фонде имеется четыре экземпляра этого журнала: за 1843/44 гг.; 1844/45 гг.; 1851/52 гг.; 1856 г.

рии, культуре, литературе. Известно, что многие знаменитые писатели и поэты того времени дебютировали в журнале «Le Magasin pittoresque» — например, Жорж Санд. С 1851 до 1870 года журнал выходил ежегодно, а в 1921 году перестал издаваться².

Новгородика на страницах зарубежных изданий XIX века

Особое место в ряду редких иностранных изданий библиотеки занимают сочинения писателей и публицистов, историков и путешественников XVIII—XX веков, оставивших свои исторические записки и воспоминания о Великом Новгороде, других городах и селениях Новгородской земли, их достопримечательностях.

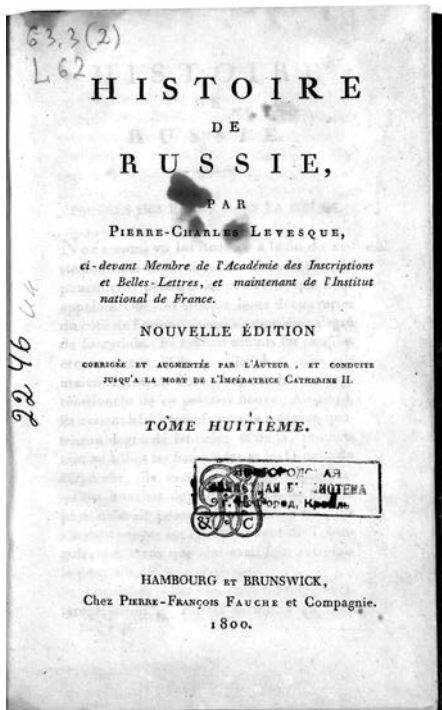
Один из таких авторов — признанный французский историк Пьер-Шарль Левек (Pierre-Charles Levesque) (1736—1812), перу которого принадлежат содержательные труды по истории древнего мира и средневековой Европы. Опубликовав несколько статей по философии, он привлёк к себе внимание Дени Дидро. Последний рекомендовал Левека Екатерине Великой, после чего он был приглашён преподавать в Императорском сухопутном шляхетском кадетском корпусе Санкт-Петербурга. За время пребывания в России Левек собрал обширный материал по истории нашей страны. По возвращении в Париж он его обработал, и в конце 1781 года вышла в свет пятитомная «История России» Левека (фр. «Histoire

Журнал «Le Magasin pittoresque». 1861 г.

de Russie»), которая охватывала все периоды истории страны. До выхода в свет «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина в русских дворянских семьях именно эта французская книга представляла собой основной источник знаний по истории Отечества. По мнению русского историка Элеоноры Васильевны Ильченко, «особую привлекательность для читателей труд Левека имел ещё и потому, что автор семь лет провёл в России, довольно основательно овладел русским и славянским языками, что давало ему возможность расшифровывать

² В фонде библиотеки хранятся три экземпляра журнала: за 1840, 1850, 1861 годы.

Levesque, Pierre-Charles. Histoire de Russie / P.-Ch. Levesque. Nouvelle ed. Hambourg et Brunswick: Pierre-Francois Fauche et Compagnie, 1800

древние хроники и читать современные произведения на русском языке»³.

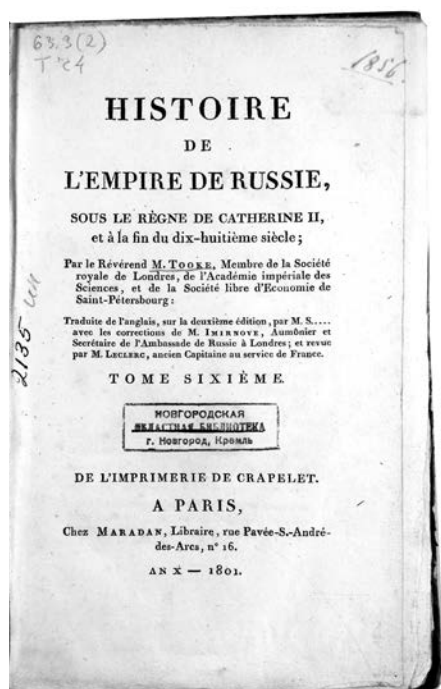
В фонде библиотеки хранятся пять из предположительно восьми томов издания 1800 года. Опираясь на первоисточники, Левек рассматривал вопросы из истории древней Руси, в том числе истории Великого Новгорода: о происхождении славян, формировании государственности на Руси, присоединении

Новгорода к Москве в XV веке и создании единого русского государства. «В "Истории" Левека читателям представлены интереснейшие страницы повествования о свободолюбивом граде, умело вплетённые в историю древнерусского государства»⁴. В труде Пьера Левека не раз упоминается Великий Новгород — древний, средневековый, губернский. Есть и исторические, и географические сведения. В восьмом томе «Истории России» Левек кратко описывает некоторые города, входившие в Новгородскую губернию и провинцию — Старую Ладугу, Новую Ладугу, Белозерск, Олонец, Каргополь.

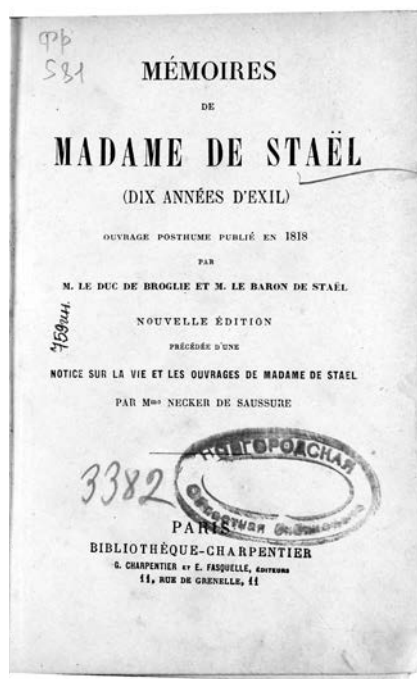
Английский писатель и историк Уильям Тук (William Tooke, 1744—1820) опубликовал в 1799 году «Обозрение Российской империи во время правления Екатерины II и до окончания нашего века» в трёх томах. Спустя несколько лет, в 1801 году книга в шести томах вышла в свет на французском языке. Один из томов этого издания, посвящённый торговым связям России, где упоминаются Новгород и Псков, находится в редком фонде библиотеки. Уильям Тук обладал большой эрудицией, прекрасно знал древние языки и русскую историю, состоял членом Лондонского королевского общества и с 1792 года членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Некоторое время по приглашению английских купцов он служил пастором в Кронштадте и в Санкт-Петербурге

³ Подробнее о Левеке и его исторических исследованиях в статье Ильченко Э.В. Пьер-Шарль Левек о средневековом Новгороде // Новгородика-2008. Ч. 2. Великий Новгород, 2009. С. 48–57.

⁴ Там же.

Tooke W. Histoire de l'Empire de Russie, sous le règne de Catherine II, et à la fin du dix-huitième siècle / W. Tooke; trad. (corrections) M. Imirnov; critique M. Leclerc. Paris: Maradan, Libraire, 1801

Staël, Anne-Louise Germaine de. Mémoires de Madame de Staël (Dix Années d'Exil): Ouvrage Posthume Publié en 1818. Nouvelle édition. Paris: La Bibliothèque Charpentier, [18--]

в англиканской церкви. Пребывание в Петербурге дало ему возможность глубокого изучения русской истории. По возвращении в Англию в 1794 году Уильям Тук полностью посвятил себя написанию книг, в том числе по русской истории.

Воспоминания о пребывании в России, где сохранились записи и о Новгороде, оставила мадам де Сталь. Её книга также хранится в редком фонде иностранной литературы библиотеки. Французская писательница Баронесса

Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (фр. Anne-Louise Germaine de Staël-Holstein, 1766—1817) — теоретик литературы и публицист — имела большое влияние на литературную жизнь Европы начала XIX века, пользовалась авторитетом в политических кругах и публично оппонировала Наполеону, за что была выслана из Франции. В Россию она прибыла 14 июля 1812 года. Здесь ей было оказано самое широкое гостеприимство. Свои впечатления о России мадам де Сталь описала во второй части книги «Десять лет в изгнании» (1821),

Seume, Johann Gottfried. Prosaische und poetische Werke / J. G. Seume. Berlin: Gustav Hempel. Teil 4: Mein Sommer 1805

где собрано много метких замечаний о характере русского народа, общественном укладе того времени, жизни и нравах разных социальных слоёв. Высоко ценил её работы А.С. Пушкин. Мадам де Сталь посетила Новгород по пути из Москвы в Санкт-Петербург. Она пишет о его истории и торговле с ганзейскими городами, о духе республиканской независимости, присоединении к Москве и современном положении.

Ещё одно издание из редкого фонда библиотеки, в котором отражены достопримечательности Новгорода, — это книга немецкого публициста, поэта и просветителя Иоганна Готфрида Зей-

ме (1763—1810). Он служил офицером в русской армии и описал своё путешествие в Москву, Санкт-Петербург и Новгород, случившееся в 1805 году. В Германии Зейме с лёгкой руки Гёте был известен, прежде всего, как «прославленный путешественник». Свой титул Зейме получил благодаря публикации путевых заметок «Прогулка в Сиракузы в 1802 году» и «Моё лето 1805 года».

Задолго до путешествия в Россию и выхода в свет в 1806 году «Моего лета» Зейме фактически считался одним из специалистов по России. Будучи секретарём главнокомандующего русской армией в Польше, он стал непосредственным свидетелем восстания в Варшаве в 1794 году и описал эти события в работе «Некоторые известия о событиях в Польше в 1794 году». Перу Зейме принадлежат также политико-публицистические трактаты о российских самодержцах и «Анекдоты к изображению характера Суворова».

В книге «Моё лето 1805 года» интересны путевые заметки о Новгороде. В них Зейме восхищается Софийским собором, пишет об улицах и храмах, о селении Бронница близ Новгорода.

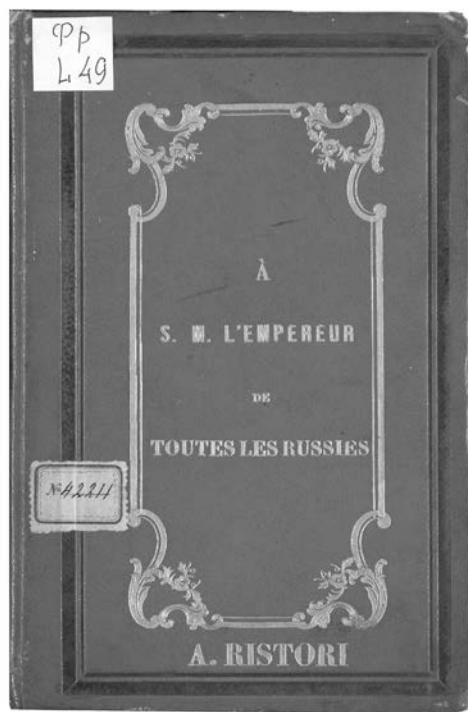
В фонде библиотеки представлены издания по истории образования во Франции — письма и наставления Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон, воспитательницы детей Людовика XIV, которая стала его второй женой. Маркиза де Ментенон является основательницей первой в Европе школы для дочерей бедных дворян в Сен-Сире. В письмах и наставлениях Ментенон рекомендует наставницам школы уделять больше

внимания воспитанию, а не обучению, советует приучать воспитанниц к труду, живыми беседами развивать и обогащать их ум. Это заведение послужило отчасти образцом для Екатерины II при основании ею Смольного института.

**«Медea» Эрнеста Легуве
и почти детективное
библиотечное расследование**

Книгу, которую, возможно, держал в руках российский император Александр II, обнаружили в библиотеке при создании электронного каталога. Это трагедия «Медea» французского автора Эрнеста Легуве (Ernest Legouvé), изданная в Париже в 1860 году на французском и итальянском языках. Книга хорошо сохранилась: кожаный переплёт, золотое тиснение на обложке. Библиотекарей заинтересовал текст надписи на обложке: «A S. M. [Sa Majesté] l'Empereur de Toutes Russies. A. Ristori», то есть — «Его Величеству Императору Всея России. А. Ристори». Какому российскому императору посвящена эта дарственная надпись и кто такая А. Ристори?

При дальнейшем «расследовании» оказалось, что А. Ристори — это Аделаида Ристори — известная в XIX веке итальянская актриса. Она выступала на лучших сценах Берлина, Лондона, Парижа, много гастролировала по Европе. В 1861 году её выступления с успехом прошли в России. В 1888 году в США были опубликованы мемуары⁵ актрисы, где она вспоминает о своих гастролях в России. Она писала: «Я никогда не забу-

Legouvé, Ernest. Médée: tragédie en trois actes et en vers / E. Legouvé; trad. italienne J. Montanelli. Paris: Chez Michel Lévy Frères, Éditeurs, 1860

ду прием, устроенный мне публикой <...> члены императорской семьи не смогли посетить спектакль <...> поэтому я была приглашена на вечер в Зимний Дворец. Я исполнила третий акт из "Марии Стюарт". Не могу выразить любезность и радушие, которое было оказано мне...». А что может подарить актриса за радужный прием императору, чем может удивить? Своей актёрской игрой и... книгой с дарственной надписью на обложке.

Эта книга попала в фонд Новгородской областной библиотеки после

⁵ Adelaide Ristori «Studies and Memoirs: an autobiography». Boston: Roberts Brothers, 1888.

Аделаида Ристори

Великой Отечественной войны, когда столичные библиотеки помогали восстанавливать утраченные книжные фонды. Поиски подобных экземпляров в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга не увенчались успехом: книги есть, но такой дарственной надписи нет ни на одной. К сожалению, на экземпляре Новгородской областной библиотеки отсутствует экслибрис личной библиотеки Александра II. Возможно, он не посчитал нужным книгу, подаренную актрисой, оставить в своей библиотеке. Может быть, у него уже было похожее издание?

И всё же книга есть, дарственная надпись есть, Аделаида встречалась с Александром II. И вероятность того, что она подарила эту книгу императору и он всё же держал её в руках, весьма и весьма велика.

Александр II — российский император с 1855 года, при котором, среди многого иного, были проведены земская, судебная, городская, военная и другие реформы, отменено крепостное право, ослаблен цензурный гнёт, амнистированы декабристы. Известно, что обширная библиотека императора располагалась в Зимнем и Царскосельском дворцах. Библиотека Зимнего дворца содержала рукописи, литературу по военному искусству XVIII—XIX веков, по истории российской и иностранной одежды; отчёты, обзоры министерств, альбомы гравюр, портретов и многое другое. В библиотеке Царскосельского дворца находилась литература по истории и географии, беллетристика, французские романы, а также издания, принадлежавшие ранее Павлу I, Александру I, Елизавете Александровне, Александре Фёдоровне. Почему книга, которая, по всей вероятности, была подарена императору, не попала в эти библиотеки, остаётся загадкой.

Усадебные библиотеки и их владельцы

Важно отметить и книги на иностранных языках, относящиеся к редкому фонду, из усадебных дворянских библиотек Новгородской губернии. Таковой является библиотека боровичского имения «Устье», принадлежавшая семье петербургских дворян Озерских — Кованько — Родионовых. В Новгородской областной библиотеке среди книг с экслибрисами библиотеки дворян Кованько есть «The dramatic works. Vol. I. Richelieu. Money» (E.G. Bulwer-

Lytton, 1860), «The professor, a tale» (С. Bell, 1857), «The poetical works of Robert Browning» (1884) и другие. Библиотека имения в целом насчитывала свыше тысячи пятисот томов. Часть книжного собрания Кованько находится в настоящий момент в Научной библиотеке Новгородского музея-заповедника, книги из этого собрания выявлены в Российской Государственной библиотеке и в Библиотеке Академии наук. Несколько книг с экслибрисами Кованько сохранились также в фонде Боровичского музея.

По словам одного из членов семьи, Святослава Родионова, «Кованько и Озерские, принадлежавшие к петербургскому "свету", были люди, делавшие значительные карьеры и иногда занимавшие придворные должности». Небольшое имение «Устье» в 117 десятин земли супруги приобрели его в 1888 году. Алексей Алексеевич Кованько служил почётным мировым судьёй по Санкт-Петербургскому уезду и членом от Петербургского земства в Петербургском отделении Крестьянского поземельного банка. Он унаследовал от своего отца химический сернокислотный завод на берегу реки Мсты, в имении «Устье» написал несколько основополагающих трудов по химическим и геологоразведывательным дисциплинам. Его супруга Софья Александровна Кованько (Озерская) — совладелица усадьбы и сернокислотного завода, держательница библиотеки имения. Софья Александровна активно занималась благотворительной деятельностью, была также председателем Боровичского общества трезвости.

В редком фонде имеются книги из библиотеки статского советника Ивана Петровича Дарагана, усадьба которого располагалась в Боровичском уезде. Известно, что он жил на рубеже XIX—XX веков, неоднократно избирался почётным мировым судьёй, о чём есть сведения в Памятных книжках Новгородской губернии за 1906 и 1910 годы. Боровичские имения были для него источником дохода от продажи льна, не более; основные его владения находились в Черниговской губернии. В своём новгородском имении он бывал один-два раза в год, зато его сестра Татьяна отдыхала в Боровичах каждое лето, врачевала людей, за что её очень любили. Среди книг с экслибрисом И.П. Дарагана, ныне принадлежащих библиотеке, например, такие: «Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne» (Jean-Francois de La Harpe, 1826), «Mémoires sur

l'impératrice Joséphine, ses contemporains, (1829), «Jérusalem délivrée. Poème, traduit la cour de Navarre et de la Malmaison» de l'italien» (Torquato Tasso, 1803)

Игнатъев А.А. Из истории усадьбы Устье Боровичского уезда // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2010. Великий Новгород, 2011. С. 156–164.

Ильченко Э.В. Пьер-Шарль Левек о средневековом Новгороде // Новгородика-2008. Ч. 2. Великий Новгород, 2009. С. 48–57.

Кустова Е.Н. Книжное собрание дворян Кованько из Боровичской усадьбы «Устье» // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2011. Великий Новгород, 2013. С. 128–139.

Петрова Л.А. Сквозь века и судьбы. Библиотеки Новгородского края XI—XX вв. Великий Новгород, 2002.

Борис Зорин

ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

На протяжении столетий Великий Новгород был известен как центр просвещения и образования. Здесь создавались рукописные и старопечатные книги, хранились собрания документов, рукописей, учебных книг. Подтверждение тому находим в главе 25 постановлений Стоглавого собора 1551 года при митрополите Макарии: *«А прежде сего училища бывали в российском царствии на Москве и в Великом Новеграде и по иным градом, многие грамоте писати и пети и чести учили, потому тогда и грамоте гораздых было много...»*. Эти слова — свидетельство сохранения традиций грамотности и книжности в средневековой Руси. Несмотря на драматические события, связанные с утратой богатейших библиотек, у Великого Новгорода особое отношение к до-

кументам и памятникам книжности как к культурным и общественным явлениям.

Не одно десятилетие, со времени создания Новгородского губернского архивного фонда, документальное наследие Новгородской земли хранится в Государственном архиве Новгородской области. Размещался он в бывшем Свято-Духовом монастыре. История архива нераз-

Здание Государственного архива Новгородской области. 1961 г.
ГАНО. П-2272

Новое здание Государственного архива Новгородской области

ривно связана с историей страны, в том числе с её трагическими страницами: в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов при налёте вражеской авиации 14 августа 1941 года сгорели два хранилища архива и было уничтожено свыше 150 тысяч дел. В послевоенные годы архивисты работали с возвращёнными из эвакуации документами, разбирая россыпи документов по фондам в соответствии с довоенными описями или вновь описывая их. В 1960-х годах было начато плановое пополнение архива документами организаций — источ-

Читальный зал в новом здании архива

ников комплектования, в том числе органов государственной власти и управления, общественных организаций, предприятий, негосударственных структур. Большое внимание в последующие годы уделялось обеспечению сохранности документов: ремонтировались приспособленные для хранения документов

помещения архива, заменялись деревянные стеллажи на металлические, обновлялась охранная и пожарная сигнализация. Одновременно с решением задач по учёту и описанию документов сотрудники ГАНО вели большую работу по использованию документов, приёму дел на хранение из ведомственных архивов. Из года в год увеличивалось количество архивных фондов и дел: так, например, по данным на начало 2009 года в более чем пяти тысячах фондах архива насчитывалось 1 309 136 дел. Однако условия хранения документов не всегда соответ-

ствовали установленным требованиям. Именно поэтому было принято решение о строительстве нового здания архива в Великом Новгороде.

Только в 2023 году учреждение обрело собственное специальное здание — настоящий Дом для хранения архивных документов. Началось перемещение

фондов в новые, оборудованные современной техникой архивохранилища. Общая площадь нового здания превышает одиннадцать тысяч квадратных метров. Исследователи и архивисты получили новые возможности для изучения архивных документов в просторном читальном зале. В архиве имеется собрание редких и особо ценных книг рукописной, кириллической и гражданской печати, старопечатных книг XVIII—XIX веков. В Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Новгородской области включены 24 документа архива и четыре — в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. Состав документов ГАНО весьма разнообразен — это документы органов государственной власти и местного самоуправления, суда, прокуратуры, военных, финансовых, налоговых и статистических учреждений, организаций землеустройства, сельского и лесного хозяйства, образования, культуры, здравоохранения, общественных и религиозных объединений, промышленных предприятий, личных фондов и других.

Хранение документов

Официальное открытие нового здания Государственного архива Новгородской области состоялось 29 августа 2023 года. К этому событию была подготовлена выставка документов «Свидетели столетий. Архивные документы в тысячелетней истории Новгородской земли», которая экспонировалась в выставочном зале архива площадью 73,88 квадратных метров.

Торжественное открытие. Фото с сайта <https://archives.gov.ru/>

Великий Новгород и Новгородская земля представляют особый исторический и культурный пласт, процессы развития которого существенно повлияли на развитие российского государства. Исследование этого явления через документальные источники позволяет раскрыть феномен Новгорода в истории России. Вместе с тем в фондах архива отложилось большое количество архивных документов, которые можно назвать «типичными», отражающими время создания, эпоху, историю и жизнь их создателей. Уникальные и особо ценные документы, редкие издания, представленные на выставке, — это не только важные свидетельства событий новгородской истории, но и образцы письменных исторических источников своего времени. В создании экспозиции был использован не традиционный историко-хронологический принцип формирования выставки, когда представленные документы точно транслируют этапы исторического развития, а тематический принцип, отражающий особенности об-

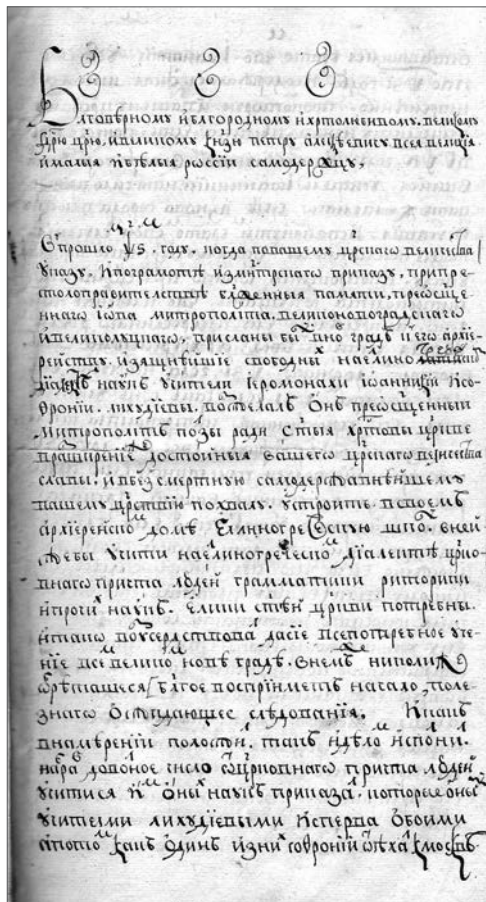
щественно-политического и культурного развития Новгородской земли на протяжении её тысячелетней истории.

Архивные документы как оригинальные или типичные письменные артефакты прошлых столетий представлены на выставке «Свидетели столетий. Архивные документы в тысячелетней истории Новгородской земли» наряду с современными, созданными на основе исторически сложившихся образцов. Отбор документов для экспонирования на выставке осуществлялся на основе комплексного подхода с учётом типов и видов, особенностей формирования и хранения письменных источников в архивных фондах с учётом лингвистического анализа, а также палеографических, филигранологических, кодикологических характеристик документов. Впрочем, при проведении экскурсий по выставке все эти «мудрёные» термины преобразовались в понятный современному посетителю язык: как архивный документ выражает содержание через слово, почерк, стиль, форму, характер-

ные особенности времени и личности автора.

В экспозиции представлены оригинальные документы, копии и муляжи не только из фондов Государственного архива Новгородской области, но и Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Архангельской области, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, музея-заповедника «Усадьба С.В. Рахманинова "Ивановка"», из частных собраний коллекционеров А.В. Финикова, С.Б. Богданова, а также книжные раритеты Новгородской областной универсальной научной библиотеки и фотографии И.И. Люсова.

Выставка открывается разделом «Новгородская грамотность», в котором представлены берестяные грамоты, летописи, старопечатные и рукописные книги, а также документы по делопроизводству, раскрывающие историю становления регулярного образования в первой половине XVIII века на Новгородской земле. Среди документов — грамоты из раскопок 2019—2022 годов Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета — первые русские «документы» средневековых новгородцев разных возрастов и социального статуса. Документы раздела — рукописи, книги и летописи, созданные в средневековом

Отписка епископа Корельского и Ладожского Аарона (Еропкина) царю Петру I о состоянии греко-славянской школы в Новгороде.

29 января 1720 г.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 57. Л. 3-4

Новгороде, в очередной раз подтвержда-ют его огромное значение для мировой науки и культуры. Особо отмечена роль Библиотеки Софийского собора в новгородской книжности как хранилища и мастерской рукописных книг.

В разделе «Новгородское право» экспонируются документы, раскрывающие

Соборное уложение 1649 г. Список XVII в.
 ГАНО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 63. Л. 1

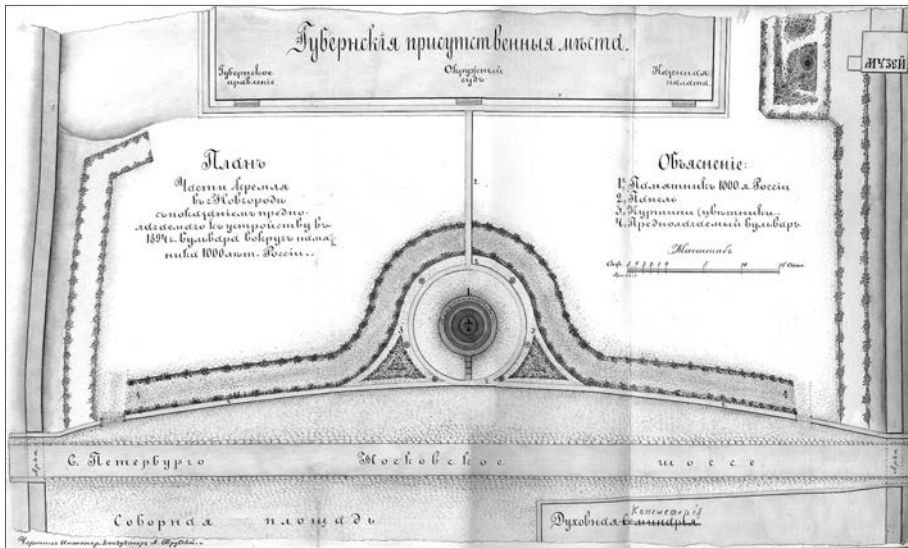

«Новъградъ съ ситуаціею». [1740 г.]
РГВИА. Ф. 349. Оп. 20. Д. 2

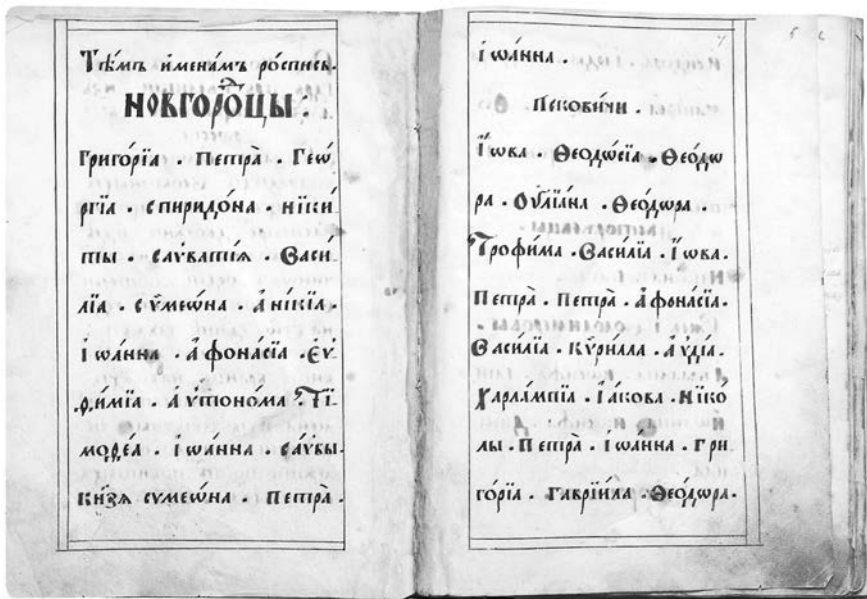
роль Новгорода в формировании российской государственности: договорная грамота литовского князя Казимира с Новгородом, царские и патриаршие грамоты новгородским воеводам и монастырям, Соборное уложение 1649 года, планы и чертежи Новгорода. Комплекс картографических материалов Новгородской губернии позволяет документально обозначить роль Новгородской земли и Новгорода как «северного стража Руси». Укрепленное военное сооружение — Новгородский кремль с Софийским собором, икона Божией Матери «Знамение», столетиями воспринимались авторами документов как образы оплота веры и традиций — «Где София,

тут и Новгород», хранителями очага знаний, веры, силы духа.

Тему государственности продолжает раздел «Губернский Новгород». Преемственность традиций российской государственности раскрывается на примере архивных документов, в том числе Новгородского губернского правления и Канцелярии Новгородского губернатора, карт и чертежей. В Новгородской губернии, расположенной на пути из Санкт-Петербурга в Москву, часто бывали лица царской фамилии, путешествуя по России, а также при посещении подшефных полков, квартировавших на Новгородской земле. Архивные документы, представленные на выставке

План части кремля в г. Новгороде с указанием предполагаемого к устройству в 1894 г. бульвара вокруг памятника «Тысячелетие России». ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 206. Л. 44

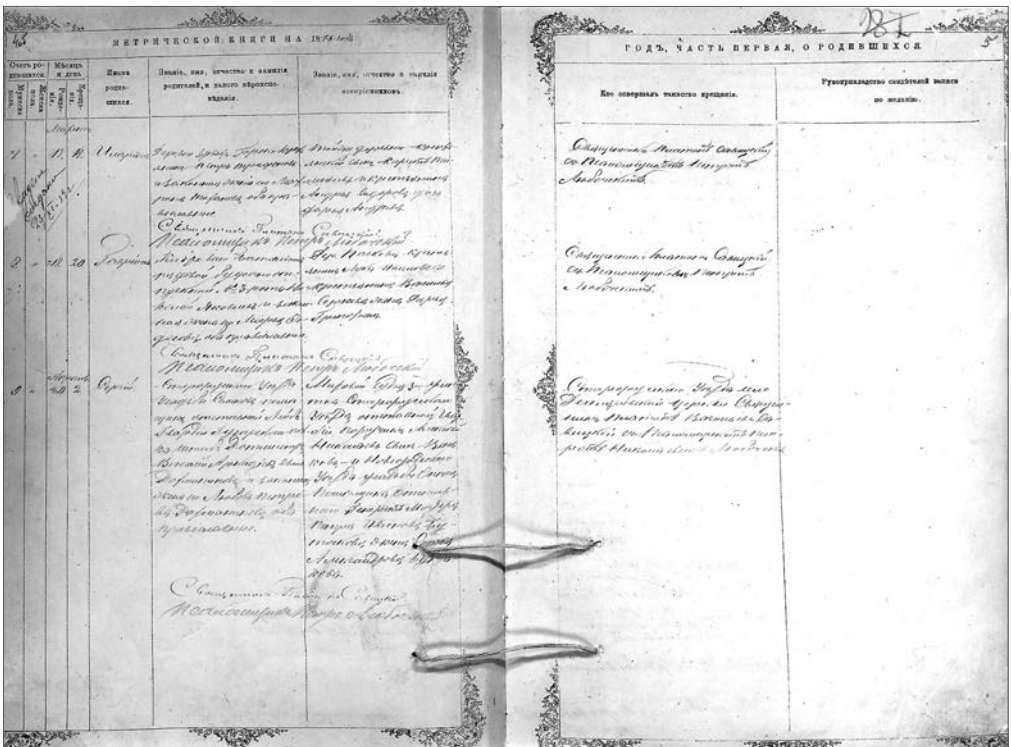
Синодик Новгородского Сковородского монастыря. XVIII в. — 1850 г. ГАНО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.-5

в этом разделе, позволяют обратиться и к истории создания памятника «Тысячелетие России» как символу православия, самодержавия и народности, на торжественном открытии которого в 1862 году присутствовали члены императорской семьи со свитой.

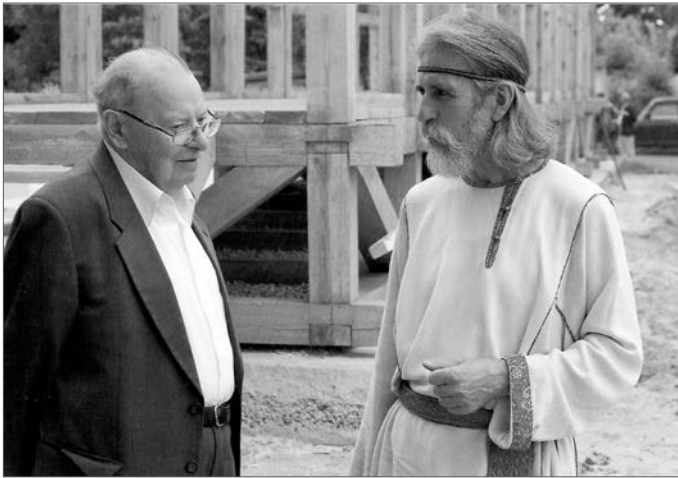
Раздел «Новгородская вера. Духовные святыни Новгородской земли» показывает значимость становления и развития Русской Православной Церкви, духовного образования, иконописи и архитектуры. Среди архивных документов — проекты постройки храмов и монастырей, грамоты по истории

вотчины Вяжицкого монастыря, проекты иконостаса и перестройки Георгиевского собора Юрьева монастыря и другие свидетельства церковной, монастырской жизни и быта XVI—XX веков, подтверждающие основы духовной силы новгородцев.

В заключительном разделе выставки — «Великие имена Новгородской земли» — представлены документы о выдающихся личностях, оставивших глубокий след в истории России, в истории Новгорода. Это документы о памятных местах, связанных с именами Гавриила Романовича Державина, Александра

Метрическая книга Космодемьянской церкви села Дегтяри Старорусского уезда Новгородской губернии. 1873 г. ГАНО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.—5

В.Л. Янин и В.И. Поветкин. Великий Новгород. 2008 г.
ГАНО. Ф. Р-4614. Сд. оп. 2. Д. 64

Васильевича Суворова, метрическая книга церкви Космы и Дамиана села Дегтяри Старорусского уезда 1873 года с записью о рождении Сергея Васильевича Рахманинова, документы о выдаче зарубежного паспорта Фёдору Михайловичу Достоевскому, датированные 1872—1876 годами, его автограф и другие. Наряду с этим в экспозиции представлены документальные материалы известных современников: литературоведа, филолога, писателя, академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, археолога, историка, академика Валентина Лаврентьевича Янина, музыковеда, реставратора Владимира Ивановича По-

веткина. Эти авторитетные учёные всесторонне исследовали новгородский «культурный слой» и подтвердили его уникальность, а документы раздела возвращают к началу экспозиции.

Миссия выставки состояла в том, чтобы донести идею вдумчивого и ответственного отношения к нашей истории и традициям, открыть новые знания молодому поколению, познакомив с наиболее важными источниками историче-

ских знаний — архивными документами.

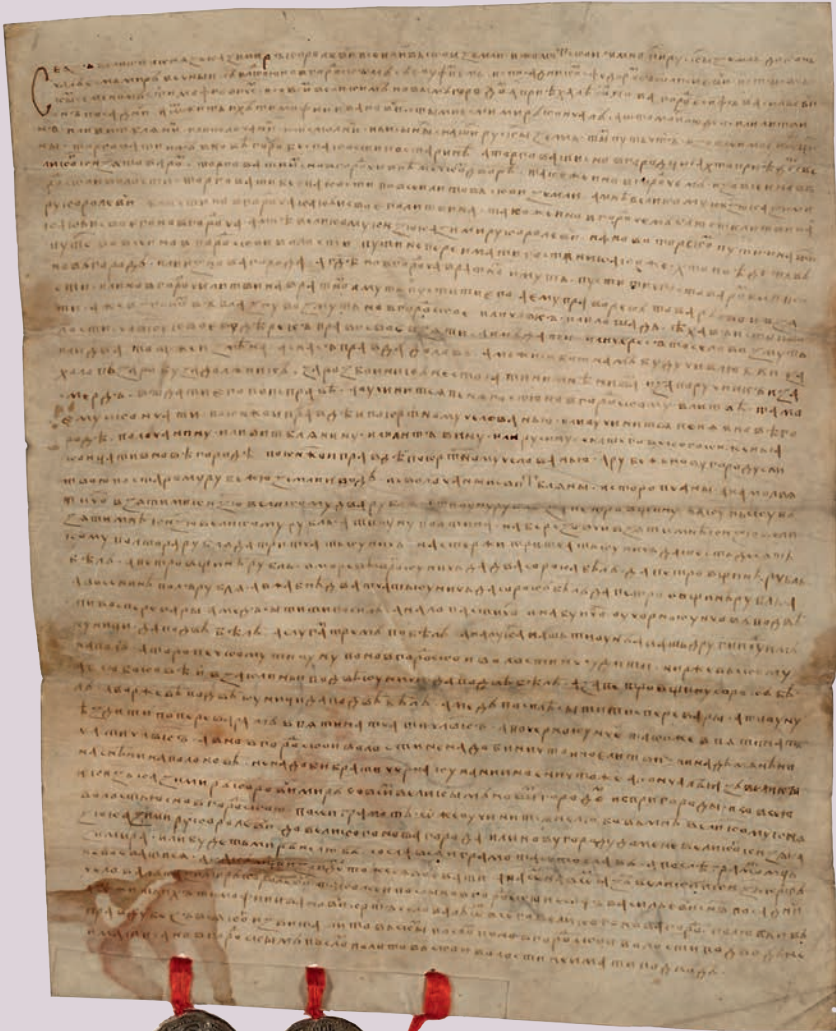
В перспективе актуальная задача архивистов — организация выставок с демонстрацией архивных документов, их научной и археографической ценности и создание в новом здании архива просветительской и образовательной среды, начало которой положила выставка «Свидетели столетий. Архивные документы в тысячелетней истории Новгородской земли».

Современные средства связи позволяют в любое удобное время познакомиться с материалами выставки, используя QR-код.

ВЫСТАВКА
«СВИДЕТЕЛИ СТОЛЕТИЙ.
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ
ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ»

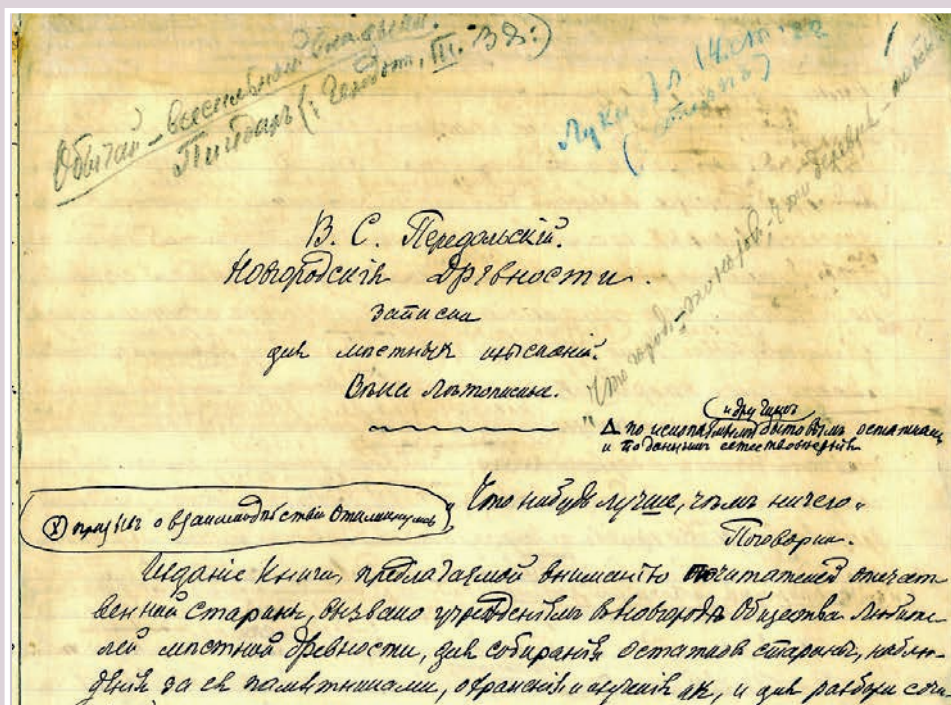

Договорная грамота литовского князя Казимира
с Новгородом Великим о мире. 1440—1447 гг.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Свинцовые печати посадника Новгорода Великого
и архиепископа на красных шёлковых шнурах

Рукопись Василия Степановича Передельского
ГАНУ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 9. Л. 1

НОВГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

Сидоров Владимир. 16 лет. НАТЮРМОРТ СО СКРИПКОЙ.
1977 г. Бумага, гуашь

Сидоров Владимир. 15 лет.
НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ.
СТРОИТЕЛЬСТВО СОФИЙСКОГО СОБОРА.
1976 г. Картон, гуашь

Лозина Анастасия 15 лет. ДОСТОЕВСКИЙ В СТАРОЙ РУССЕ.
2021 г. Бумага, гуашь

Шлыкova Екатерина 15 лет.
СЕМЬЯ ДОСТОЕВСКИХ НА ПРОГУЛКЕ.
2021 г. Линогравюра

Дымская Полина 15 лет. БОЛЬШАЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ.
2019 г. Бумага, акварель

Жукова Юлия 11 лет. У ВЕЧНОГО ОГНЯ.
2019 г. Бумага, гуашь

**Клюкина Ксения. 14 лет.
УВОЗ ВЕЧЕВОГО КОЛОКОЛА.
2016 г. Бумага, гуашь**

**Филиппова Полина. 13 лет.
ПОРТРЕТ ПОДРУГИ.
1994 г. Бумага, гуашь**

**Морозова Наталья. 15 лет. ПРАЗДНИК РУССКОЙ ПЕСНИ
В ВИТОСЛАВЛИЦАХ. 1987 г. Бумага, гуашь**

«ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА»

Новгородская детская художественная школа ведёт свою историю с 1973 года и уже на протяжении пятидесяти лет является центром притяжения для начинающих художников. Все эти годы она располагается, пожалуй, в самом привлекательном месте города, связанном с его многовековой историей — в Новгородском кремле, в одном из зданий комплекса Судейского городка, постройки которого относятся к 1780-м годам.

Создавалась школа благодаря стараниям художников Александра Алексеевича Варенцова — первого её директора, и Владимира Викторовича Журавлёва. И начиналась она буквально «с нуля». Точнее, с двух классных комнат, куда после конкурсных экзаменов пришли дети — шести-семиклассники новгородских школ, чтобы научиться рисовать, и, как оказалось впоследствии, чтобы глубоко познать новое — изобразительное искусство.

Преподаватели, прививая своим подопечным творческие способности и профессиональные навыки, учили ребят пониманию прекрасного в природе и окружающей жизни, умению видеть гармонию мира глазами художника.

Александр Алексеевич Варенцов

В Ы С Т А В К А

Р
О
С
Т

50
новгородской
детской художественной школе

17.11
17.12

Невозраст

6+

11:00–19:00
ПН, ВТ – выходные дни

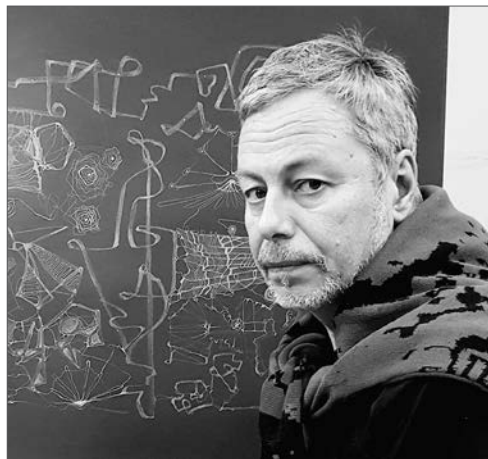
946-079, 946-077
ул. Б.Московская, 37/9

Учебный центр «Диалог»

Сейчас детскую художественную школу возглавляет один из первых её выпускников — художник и педагог Олег Анатольевич Васильев. В одном из интервью накануне юбилея школы, рассказывая о сложившихся традициях школы, её нынешних талантливых учениках и выпускниках, известных далеко за пределами региона, о пленэрах, выставках и творческих проектах, он назвал школу явлением в культурной жизни Великого Новгорода. И, очень ценно, что сегодня, следуя классическим традициям в образовании, школа остаётся молодой и развивается вместе со своими учениками.

Школа воспитывала людей, знающих и понимающих искусство. Юные художники участвовали в выставках, и не только в Новгороде. Вернисажи с успехом проходили в европейских странах, а например, выставка 1975 года в Академии художеств в Москве произвела, по мнению специалистов, настоящий фурор, и работы юных новгородских художников были высоко оценены в Союзе художников России.

Выпускники «художки» выбирали самые разные специальности — архитектор, дизайнер, реставратор. Число желающих поступить в школу росло из года в год: самый большой конкурс в учебные заведения города в 1991 году был именно в художественную школу — 150 заявлений на 30 мест!

Олег Анатольевич Васильев

Татьяна Маркова

УМЕЮЩИЕ ТВОРИТЬ И СОЗИДАТЬ!

Александра Алексеевича Варенцова, первого директора детской художественной школы и моего учителя, я случайно встретила 20 сентября, и он радостно спросил: «*А ты помнишь, Таня, что нам 50? И 19 сентября у вас был первый урок в художественной школе?*».

Помню. И тот урок помню.

Мы в кремле, в старинном здании XVIII века, большая комната-класс на первом этаже. Классов пока всего два. Бородатый мужчина, директор школы, рассказывает про искусство, сидя на крепком табурете. На таких же сидим и мы. Полукругом к нему. Перед ним очень большая книга с репродукциями. Он листает её, повернув к нам. Показывал непонятное, говорил новое, странное. Он сразу начал с Матисса и Пикассо!!! Голова кругом. Мы начинали погружаться в творческие миры.

Мне было 11 лет. И очень хотелось рисовать! Мама увидела в газете объявление о том, что начинается набор в первую в городе художественную школу, и я сделала выбор: ради художественной школы

отказалась от художественной гимнастики. Я сама сходила к врачам, добыла все справки, сделала фото, написала заявление.

Запомнилось, как проходили вступительные экзамены. На экзамене по живописи высокий худой учитель подошёл ко мне и спросил: «*Хватит ли мне моей кисти для работы?*» Я не поняла вопрос: как хватит? Разве она может кончиться? Не конфета ведь. Кстати, кисть была №2, очень тоненькая, а формат листа большой — А3. И этой, с позволения сказать, кисти было явно мало, чтобы прокрасить весь лист краской. Но я тогда этого не знала и не понимала, а учитель мне посочувствовал и хотел помочь.

На экзамене по рисунку карандашную штриховку в натюрморте я растирала

В.В. Журавлёв с учениками школы

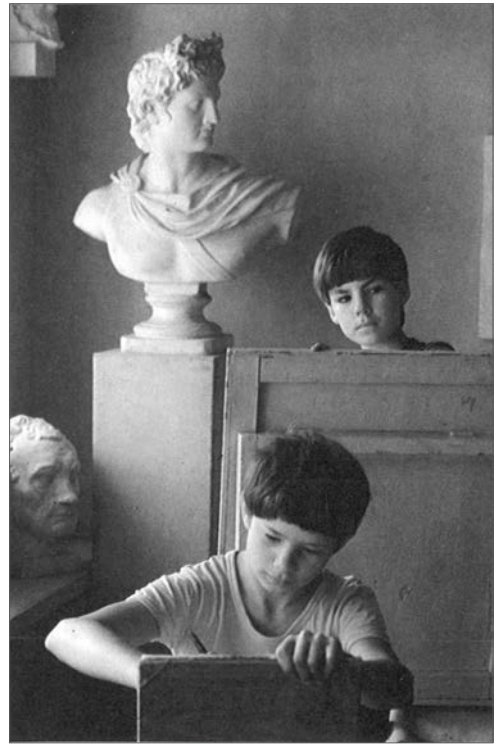
скомканной бумажкой, поскольку, как говорила мама: «*Пальцем тереть неприлично*». Это чтобы предметы, их форма вышли глаже и ровнее, а вся работа красивее. Нам так казалось. Но ведь взяли же нас, таких «умельцев»! И толк из нас вышел!

Разве я могла тогда предположить, что через 10 лет в этом же классе я буду преподавать уже своим ученикам курс истории искусства!

В школе это был любимый предмет. Началось всё с Египта: Людмила Владимировна Паршина так вдохновенно и эмоционально рассказывала об этой мистической стране, что осталось полное осознание того, что мы были там реально. Видели, трогали, осязали! В этом кабинете были шкафы с толстыми книгами — двенадцатитомной «Всемирной истории искусства», и все остальные книги и журналы тоже были по искусству, все про художников. И дома такого не было, и Интернета, конечно, не было... В классе гасился свет, в темноте включался проектор, и на стене отпечатыва-

лись изображения с диапозитивов. А там Египет! Каноны! В изображении фигур: «*Глаз и плечи — в фас, а голова и ноги в — профиль*». Красота! Это запомнилось навсегда! Мы изучали историю по книгам. Это занимало много времени, но оседало навсегда в наших сердцах и умах.

Рядом с кабинетом истории искусств со временем появился кабинет скульптуры. Погружение в материал! У нас была настоящая глина, голубая. Целая ванна! Её надо было размочить, размять руками, почувствовать её упругость, вязкость, податливость. Не свистульки мы лепили, не «сувенирки», а натюрморты. Грушу, яблоко надо было вылепить так,

Из фотоальбома «Новгород» (1981 г.)

чтобы было похоже. Пальцы должны почувствовать форму этих предметов и потом уже эту форму легко рисовать, штриховать, писать любыми красками, потому что ты это уже ощутил руками, прикоснулся пальцами. У нас были настоящие станки для скульптуры на металлической ножке, которую можно было подогнать под свой рост. Верхняя подставка крутилась, удобно было видеть со всех сторон, что ты делаешь. Были и проволочные каркасы для лепки фигур. Модель — кто-то из одногруппников — стоит, сидит, а ты на проволоку крупными кусками лепишь глину, потом тоньше, ещё тоньше, и фигура становится узнаваемой, появляется поза сидящего, а то и характер получится выразить.

Превращение куска глины в образ — это и есть Чудо! А лепить портреты?! Это так сложно и так интересно. Наш преподаватель был мастером портрета, его работы мы видели на выставках. Нам нравилось! Он учился в Академии художеств в Ленинграде, и мы очень им гордились.

Владимир Викторович Журавлёв — наш скульптор и преподаватель рисунка. Теперь коллекция его интересной масляной живописи хранится в Государственном музее художественной культуры Новгородской земли.

У нас тоже были выставки. Нам их устраивали в хороших залах — маленьким таким художникам. Помню нашу первую выставку в Лихудовом корпусе в Кремле. В старинном помещении отвели большую залу! Туда надо было взбираться по крутой лестнице в узком простенке. Это добавляло значимости и торжественности! Моя работа там

Владимир Викторович Журавлёв

была тоже! Чёрной пастой я нарисовала вид из окна нашей комнаты в коммуналке на Десятинной улице. Кактус в горшке на подоконнике, за окном двор, мини-стадион, детвора бегают. Сбоку — горка. Хоть и осень, на ней полно фигур. Берёза у окна мешает видимости, теснит композицию... Сейчас смешно смотреть на эту картинку. Тогда я страшно гордилась, что моя работа и работы моих подруг-одногруппниц — на выставке. Наша дружба продолжается и сейчас.

Постепенно мы узнавали, что такое композиция. Это был самый «нелюбимый» предмет, так как очень сложно всё уравновесить на листе, соединить все планы, расставить фигуры, не «замельчить» деталями. Помню, было задание: создать эскиз фрески на новгородскую

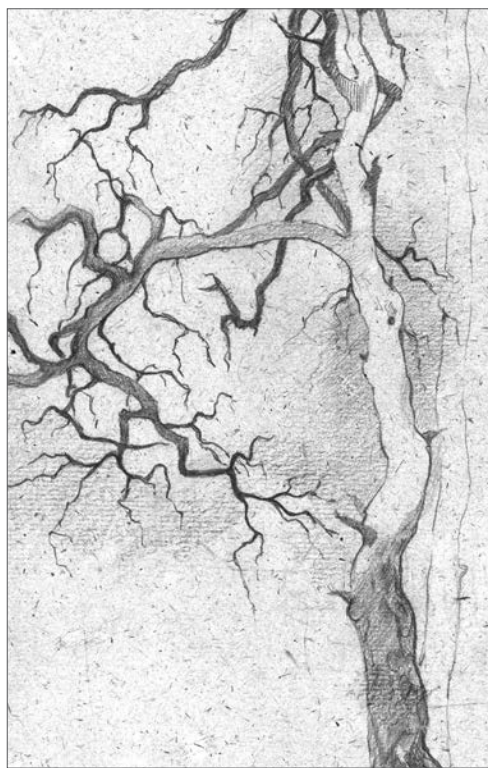

Пьеро делла Франческа.
Встреча царя Соломона с царицей Савской.
1455—1468 гг.

историческую тематику. Я взяла тему «Встреча заморских купцов в Новгороде» и подглядела композицию времён эпохи Возрождения у художника XV века Пьеро делла Франческа и очень удивилась, что Александр Алексеевич догадался о моём плагиате, узнав в ней картину «Встреча царя Соломона с царицей Савской». Ему ли было не знать! Потом я замахнулась на композицию «Казнь Степана Разина». Нашла недавно скрученный рулон с этой школьной работой: и многофигурно, и смело, и он такой Герой, такой могучий! Но не осилила замысла, не довела... Но было главное: пробудилась ни с чем не сравнимая Жажда Творчества, поиска, созидания, сотворения своего произведения. И это на всю жизнь. То состояние дрожи, волнения внутри, когда пошло, уловил, получается, выразил! Счастье!

Мы пробовали себя в разных техниках; вернее, нам их предлагали. Какое

было узнавание красок, материалов! Акварель, кстати, нам каждому просто выдавали в начале учебного года, целую коробку фирмы «Ленинград» и две прекрасные акварельные кисти! Одна из таких коробок с красками тех лет хранится «в арсенале» до сих пор. В композициях мы использовали гуашь, пробовали пастель, сангину, соус, уголь. Мы даже делали витражи! Огромные, размер школьных окон, как и положено витражу: быть окном и пропускать свет. Основной композиции был плотный картон, где мы вырезали изображения и использовали цветную прозрачную плёнку вместо стекла, подклеивая её детали в вырезанные пространства. Такой витраж до сих пор оформляет двери на

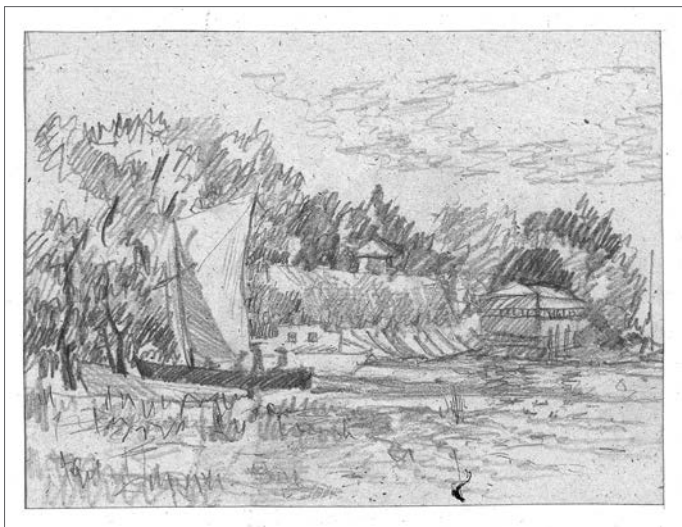
третьем этаже школы. Автор его — нынешний директор школы Олег Анатольевич Васильев. Потом была организована шикарная выставка из наших витражей. Получается, что мы были с детства востребованы и ощущали себя художниками! Многие из нас таковыми и стали.

Нас постоянно вели на открытия художественных выставок в музей, в галерею, в выставочный зал, в театр, филармонию.

К восприятию музыки мы тоже общались в школе. На втором этаже нашего здания находилась музыкальная школа. И звуки музыки сопровождали наш рисовальный процесс. Нас приглашали и на концерты слушать настоящих пианистов! Большой рояль стоял на возвышении на маленькой сцене, а мы сидели на последних рядах зала. Ещё не умея вникнуть в серьёзную музыку, часто тихонько смеялись над сильно импульсивными испол-

нителями... и успевали сделать наброски характерных жестов и движений фигуры. Это стало привычкой навсегда! Делать наброски и зарисовки в пути, на вокзале, в электричке, зале ожидания, на пляже. В любом путешествии всегда с собой — маленький альбомчик и карандаш, гелевая или шариковая ручка. Теперь, спустя годы, оказалось, что

целая история жизни в картинках хранится в этих альбомчиках!

Водили нас и в драматический театр в кремле. Храм искусства! Бывали мы и на спектаклях, и на генеральных репетициях, что нравилось больше — можно пошептаться, подвигаться. Здесь тоже делали наброски фигур, зарисовки сцены с её декорациями. Это было задание по

композиции. Мы создавали настоящую афишу к спектаклю «Женитьба». Надо было ещё понять, что такое «Афиша» и каковы законы её создания. Ох, и помучились мы! И в то же время помню удовольствие от того, как «громоздились» мои персонажи вокруг крупных букв названия. Вокруг них разворачивалось действие пьесы. Трудным был композиционный поиск, а в цвете,

гуашью было очень интересно работать.

И опять была выставка в самом театре, в просторном зале фойе. Наши афиши! Ярко. Красочно. Памятное событие!

К выставкам своих работ мы привыкли, вернее, к их выставлению для просмотров. Этим волнительным действием завершалась каждая учебная четверть. В классе ровными рядами расставлялись мольберты,

и на них мы крепили все выполненные задания. Всем на показ — такая ответственность! Идёт комиссия из преподавателей. Мы выходим в коридор ждать результат. Они совещаются в классе, выставляют оценки. Распахивают двери — приглашают заходить. Бегом к своим работам — что там? Пять? Четыре? Объясняют, почему. Смотришь результаты других, анализируешь.

Кажется, к третьему году обучения появился и третий этаж! Вот это было событие! Не сам собой появился, никто его школе не давал, не подарил. Лишь невероятными усилиями и «пробивными» способностями А.А. Варенцова это стало возможно. Перед нами распахнулась огромная аудитория. Это уже был не детский маленький класс, а просторная, огромная мастерская с большим количеством окон и потоком дневного света, с новыми мольбертами, за которыми можно было работать стоя, как взрослые художники. Зал с очень высоким потолком, и мы сразу стали внутренне выше, и взрослее! В этом классе мы выполняли и выпускные дипломные работы. Чистое творчество! Каждый выбирал свою технику, свой материал, формат, размер. Парни уже писали маслом на холсте. Несколько девочек делали батик. Тогда был возможен только «горячий», технологически очень сложный в исполнении. Кто-то увлёкся книжной иллюстрацией, кто-то печатной графикой (в школе был печатный станок). Я сделала серию графических пейзажных листов в любимой технике — перо, тушь. Кого-то завлекла скульптура.

По завершении учебного года в классах особо долгожданным и интересным был летний пленэр. Рисовали на улице. Все уголки в Кремле были «обрисованы» и «обсижены», поскольку мы бродили с раскладными стульчиками.

Александр Алексеевич не ленился и не боялся возить эту «ораву» детей и в Витославлицы в музей деревянного зодчества и в Юрьев монастырь. Преподаватели тоже писали рядом с нами. У них этюдники, холсты, масляные краски! Наносят их густо-густо и кистью, и упругой узкой лопаткой — мастихином. А запах от этих красок и от растворителя! Они пишут ярко, быстро, сочно.

Низкий поклон школе! Сколько счастья она подарила детям за полвека существования! Сколько судеб нашли свой жизненный путь, и хороших людей вышло из её стен, людей со светлыми душами, светящимися глазами, готовых радоваться каждому дню и дарить радость другим, людей, умеющих творить и созидать!

У нас восторг! А мы рисуем травки, листики, цветочки — познаём их разнообразие. Такая красота во всём: и деревья все разные, и облака бегут все разные, и вода переменчива, и тени, и свет. Из этих мелочей заложились основы мировосприятия, а у многих — и профессии! В моей жизни сложилось именно так.

В оформлении статьи использованы в том числе рисунки и фотографии из личного архива автора.

Указ Александра I о назначении А.А. Аракчеева на должность инспектора артиллерии датирован 14 мая 1803 года, и время управления им русской артиллерией, по мнению современников и историков, «составляет одну из блестящих страниц её истории». Вся дальнейшая служба графа была связана с преобразованиями русской армии. Сначала последовало назначение на должность военного министра, затем — главного начальника военных поселений. Важным источником по истории военных поселений являются приказы А.А. Аракчеева, где всесторонне отражены их организация и назначение.

Валентин Папешин

**«ОН БЫЛ ИДЕАЛЬНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ,
СПОСОБНЫМ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ
ГРАНДИОЗНЫЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ»***

Эпизоды биографии графа А.А. Аракчеева

Продолжение

Унспектор артиллерии Аракчев за несколько лет коренным образом преобразовал русскую артиллерию: выделил артиллерийские части в самостоятельные воинские соединения и инициировал формирование бригад,

унифицировал калибры орудий, лафеты, учредил Учёный комитет по артиллерийской части, а также школы и классы для офицеров и нижних чинов, организовал подготовку артиллерийской прислуги, составил инструкции и наставления

* Фёдоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. Москва, 1997.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев.
С гравированного портрета Уткина.
Из книги: Шильдер Н.К. Император
Александр Первый. Его жизнь
и царствование. Т. II. С.-Петербург, 1897

«Журнал артиллерийский по высочайшему
повелению под руководством генерал-
инспектора всей артиллерии, издаваемый
ученым комитетом по артиллерийской
части». 1809. № 11. МЗКК КП-1384

по стрельбе, основал издание нового «Артиллерийского журнала» и многое другое. И если под Аустерлицем русская артиллерия действовала ещё слабо, то уже в сражении при Прейсиш-Эйлау Наполеон увидел перед собой мощную артиллерию, с которой ему пришлось считаться уже всерьёз, а действия русской артиллерии в Отечественную войну 1812 года были выше всех похвал. Высоко оценивая заслуги Аракчеева по усовершенствованию артиллерии, Александр I уже 27 июля 1807 года присвоил ему звание генерала от артиллерии.

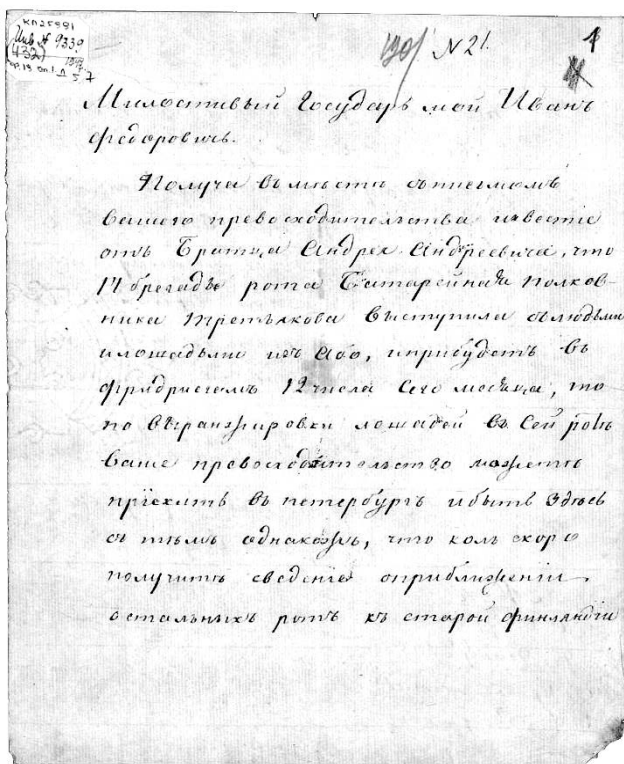
13 января 1808 года император назначил А.А. Аракчеева военным министром

и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. Спустя полгода, 30 августа, «в доказание признательности Его Императорского Величества к ревностной службе и неусыпной деятельности военного министра графа Аракчеева» император повелел переименовать Ростовский мушкетёрский полк в полк имени графа Аракчеева.

В 1808 году началась война со Швецией. Александр I, воспользовавшись тем, что суровой зимой 1808—1809 года Ботнический залив был полностью скован льдом, решил ввести русские войска на территорию Швеции. Главнокомандующий русскими войсками генерал

Кнорринг получил приказ совершить бросок через самое узкое место Ботнического залива — пролив Кваркен. Однако ни он, ни другие командующие — генералы Барклай-де-Толли и П.А. Шувалов — не решались на это, выдвигая различные, в том числе и обоснованные, доводы. Тогда для проведения операции Александр I назначил своего военного министра графа Аракчеева, который в своей обычной энергичной манере уже через неделю устранил все препятствия и заставил Кнорринга начать наступление.

Одну из трёх колонн войск, которые должны были пересечь Кваркен, возглавлял Барклай-де-Толли. Ему же впоследствии и приписали все заслуги. Но подлинным организатором этого беспримерного перехода, который современники справедливо сравнивали со знаменитым переходом Суворова через Альпы, являлся, бесспорно, граф Аракчеев. Ошеломлённые появлением русских войск на побережье шведы запросили перемирия, но А.А. Аракчеев отверг их предложение, заявив, что «цель императора Александра состоит... в принуждении Швеции подписать мир в Стокгольме»¹. Вскоре

Письмо [военного министра графа А.А. Аракчеева командиру Лейб-гвардии артиллерийского батальона генерал-майору артиллерии] Касперскому И.Ф. о кампании в Финляндии в ходе русско-шведской войны. 09.12.1808 г. НГМ КП 25991/432 Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 57

был заключён Фридрихсгамский мирный договор на выгодных для России условиях. Под юрисдикцию России отошло великое княжество Финляндское. Александр I, высоко оценивая заслуги Аракчеева-военачальника, 7 сентября 1809 года повелел: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа А.А. Аракчеева войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»².

Рис. из книги: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по высочайшему повелению. Санкт-Петербург, 1841

Военный министр Аракчеев провёл важные и эффективные преобразования в русской армии. По его проектам были заведены рекрутские депо, в которых рекруты, ещё до поступления в полки, получали основы воинской науки. Им учреждены учебные гренадерские батальоны, был сформирован понтонный полк, произведено переформирование артиллерии, заведены в арсеналах и оружейных заводах новые машины и ещё много другое.

В период Отечественной войны 1812 года А.А. Аракчеев состоял в свите Александра I, который назначил его на-

чальником своей военно-походной канцелярии. С этого момента, вспоминал граф Аракчеев, «вся война с французами прошла через мои руки; все секретные отчеты императора и собственноручные его инструкции». Он собственноручно вёл «Журнал, писанный во время войны в 1812—14 гг. с означением всех мест, где были ночлеги»³. Вот некоторые выдержки из него:

«1812 года, 6 декабря; выехали из С-Петербурха и прибыли 11 декабря в Вильну. 26. выехали из Вильны и прибыли к ночи в дерев: Гудакумла. 27. в Ораны ночевали.

<...>

1813 году. Генваря 1 дня. Выехали из Мерга и переехав через реку Мемель в ступили в Герцогство варшавское где ночевали в Лейпину. 2. Местечко бертозники. 3. Краснополь. Апреля. 20 Пегау. Воной дал первое сражение с французами.

<...>

Август. 15. были на сражении у Дрездена, где оторвало обе ноги у Генерала Моро, а к ночи приехали в рейхштедт. 17. Лаусин где послушаю болезни пробыл до 24 числа.

<...>

Октября 4. Из Пегау на лейбцигское сражение, а к ночи приехали в рету».

Последняя запись относится к 19 марта 1814 года: «Вступление в Париж где Государь и приобщился св. тайн равномерно и Г[раф] Аракчеев. Здесь праздновали в самой Христов день торжество на площади, молебствие при собрании войск и всего Генералитета и множества народа».

Заграничный поход был нелёгкой прогулкой. В своём письме к секретарю Синода И.А. Пукалову граф жаловался: *«Какое ужасное место эта Франция, — писал он из Бар-сюр-Сена. — Последнюю зиму у нас были очень плохие квартиры в Польше, но здесь они в сто раз хуже. Комнаты холодные, везде одни двери и один большой камин, который непрерывно дымит. Возле огня жарко, но в остальных частях комнаты температура бывает лишь восемь градусов. Со всех сторон дует пронизывающий ветер и чертовски холодно. Каждый день меня мучает насморк, зубная боль и боль в ушах».*

Вскоре после Парижа А.А. Аракчеев уехал лечиться в Олю-ле-Бен. *«Завтра я начну принимать ванны, — писал он Пукалову. — Слава Богу, что они направляют мое здоровье, так как я стал очень слаб. У меня часто появляются жестокие спазмы желудка. Здесь все очень дорого... Но эти расходы ничто по сравнению с моим желанием как можно быстрее возвратиться в мое дорогое отечество».*

В ходе своего путешествия по Европе граф приобрёл некоторые предметы искусства, описание которых сохранилось в фонде Н. Богословского под названием «Реэстр эстампам, полученным в село Грузино в отсутствие Его Сиятельства с Армиею с 6-го

Декабря 1812 года по 1 Января 1814 г.»⁴. В основном это были небольшие эстампы и картины на исторические и бытовые сюжеты. Кроме того, он купил в Германии и Франции столовое серебро.

Летом 1814 года Александр I решил Аракчееву уехать на отдых в Грузино, но уже 6 августа вызвал его в Санкт-Петербург: *«Я надеюсь, что ты будешь доволен мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлял наслаждаться любезным твоим Грузином. Пора, кажется, нам за дело приниматься, и я жду тебя с нетерпением»*, — писал император своему военному министру.

Александр I предполагал организацию военных поселений — части войск в России, сочетавшей военную службу с крестьянским трудом. Преследовалась цель подготовить обученный резерв войск без увеличения расходов на армию и комплектование армии из военных

Добужинский М.В. Военные поселения
[Александровской эпохи]. 1913 г.
ГИМ 81758/4698

ОГЛАВЛЕНИЕ ПРИКАЗОВЪ,

ОТДАННЫХЪ ПО КОРПУСУ ПОСЕЛЕННЫХЪ
ВОЙСКЪ ВЪ 1820 ГОДУ.

No.

1. О измѣнѣ въ Военно-рабочихъ баталіонахъ Корпуса поселенныхъ войскъ по мѣрѣ надобности и болѣе 10 Оберъ-Офицеровъ по Штану положенныхъ.
2. Подтвержденіе Отдѣльнымъ Начальникамъ о представленіи въ случаѣ какихъ либо надобностей заблаговременно.
3. О предписаніи Командирамъ всѣхъ отдѣльныхъ командъ, при отправленіи нижнихъ чиновъ за болѣзнію въ Голштинландію, означать въ билетахъ ихъ льва отъ роду, и съ котораго года въ службу.
4. Объявленіе, чтобы подъемныя лошади баталіоновъ 1, 2 и 3 Гренадерскихъ Дивизій поступили въ учрежденныя Конно-рабочія команды.
5. О переводѣ Конно-рабочаго баталіона No 5-го Подпоручика Абиркова въ таковой же No 7-го.

(4)

No.

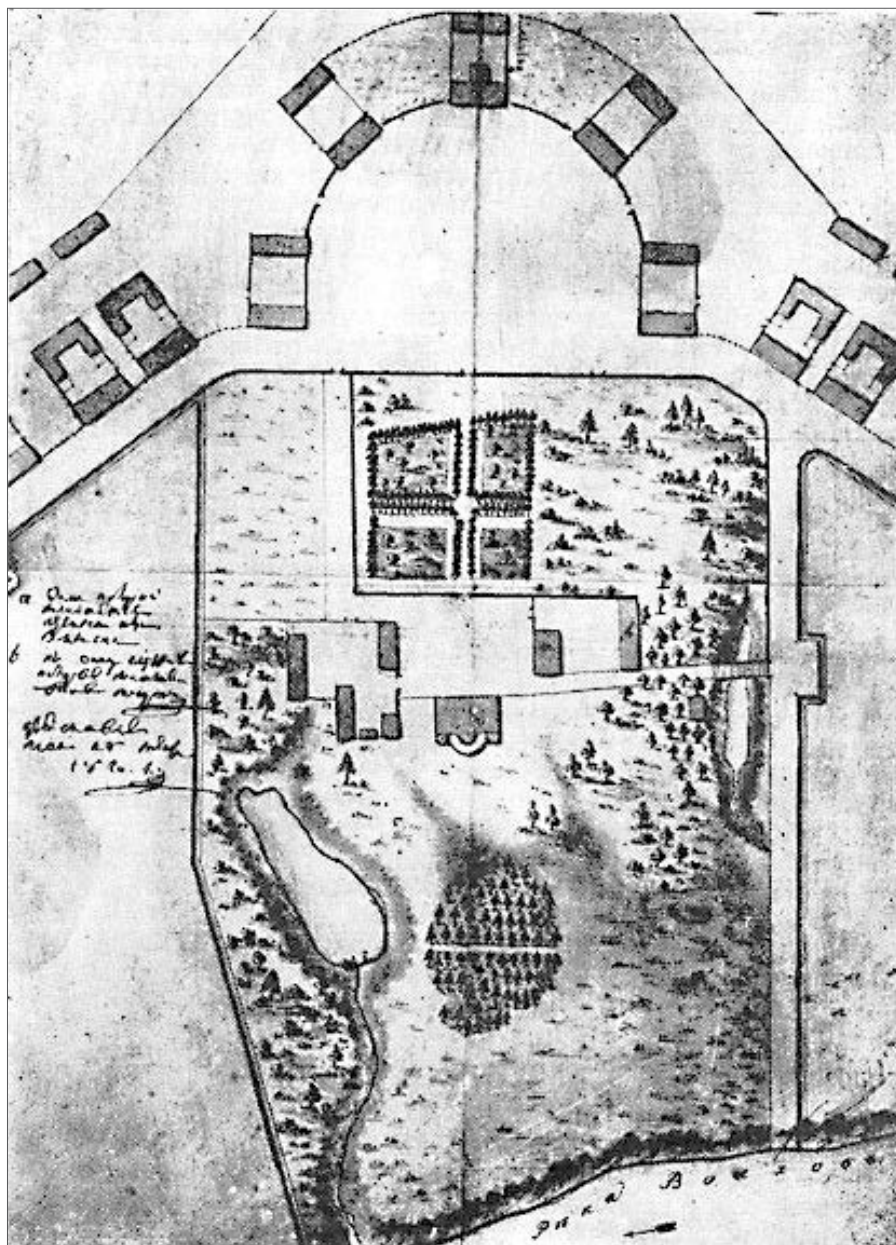
16. О назначеніи дачи провіанта дочерямъ военныхъ поселенъ до 16 лѣтъ ихъ возраста.
17. О разрѣшеніи Отрядныхъ Командировъ перечислить Капитановъ поселенныхъ баталіоновъ, достигшихъ узаконенныхъ лѣтъ въ действительную службу, и прежде окончанія трехъ-лѣтняго срока водворенія баталіоновъ.
18. О утвержденіи Военно-рабочаго баталіона No 6-го Штабсъ-Капитана Трусова Помощникомъ Начальника Работъ въ Округахъ военного поселенія Елецкаго и Полоцкаго пѣхотныхъ полковъ.
19. О учрежденіи Говпитала 1-го класса въ селѣ Медведь въ Округѣ поселеній 1-го Карabinернаго полка.
20. О непредставленіи въ Адъютанты къ Генераламъ Офицеровъ, имѣющихъ однакія съ ними фамиліи.
21. О подтвержденіи Бригаднымъ и баталіоннымъ Командирамъ поселенныхъ бата-

«Приказы главнаго над военными поселеніями начальника генерала графа Аракчеева по Корпусу поселенныхъ войскъ: 1820-го года».
[Санкт-Петербург, 1820]. РНБ В40 А-3/1

Отслужившие свой срок солдаты и инвалиды могли оставаться на своей родине. Правительство помогало коренным жителям и поселенным солдатам обзавестись жильём, имуществом и скотом за казённый счёт и многое другое. Оценивая все эти преобразования, историк и публицист XIX века Пётр Карлович Щербальский писал: *«Предупреждая социалистические теории нашего времени, Аракчеев сделал все человчески возможное для удовлетворения материальным потребностям людей и для благоустройства поселенной общины: отличные дороги, чисто содержимые дома, многочисленные школы с направлением вполне «реальным», ссудные банки,*

*заводы, большое развитие ремесленного производства, почты, пожарные команды, больницы, даже особые дома для инвалидов, все это было устроено нашим сановным коммунистом»*⁵.

Особенный интерес представляют приказы А.А. Аракчеева в первые годы устройства военных поселений. Некоторые историки, говоря о периоде становления военных поселений, основной упор делают на примеры активного или пассивного сопротивления коренных жителей, не желавших становиться военными поселенцами. Но из приказов видны и другие примеры. *«По засвидетельствованию командира 3-й Уланской дивизии господин генерал-лейтенанта*

План центра городка военных поселений на Волхове (село Пристань).

Чертил архитекторский помощник Крылов, 1820 г. (ЦГВИА).

Из ст.: Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959

Лисаневича, что военные поселяне первого поселенного эскадрона Таганрогского уланского полка, в селении Кицовки живущие, отличили себя примерным повиновением к начальству и охотным исполнением новых своих обязанностей, Государь Император в знак монаршего благоволения к ним за таковое достойное подражания поведение их всемиловейшее пожаловать им соизволил на каждый дом по 50 рублей, а на 53 дома 2650 рублей ассигнациями, надеясь, что коренные жители сего селения, получив монаршую милость, не только усугубят свое старание в отправлении возложенной на них службы, но своим примером и советами поощрят к тому коренных жителей и прочих селений»⁶.

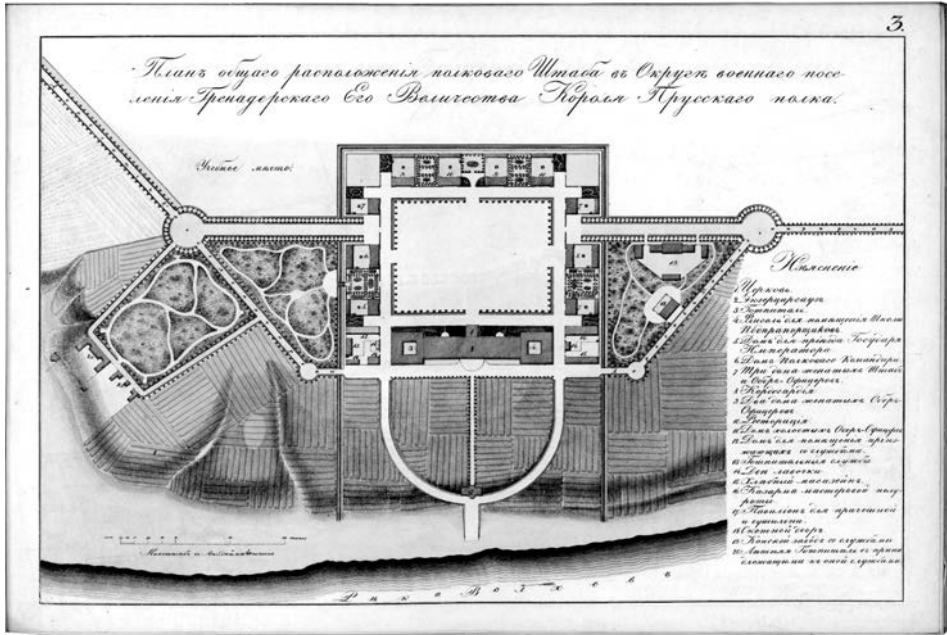
Спокойно проходило устройство поселения в округе Борисоглебского уланского полка, о чём А.А. Аракчеев сообщил Александру I и «Его Величество повелеть соизволил полковому командиру полковнику Абаmeliку 2-му объявить монаршее благоволение в высочайшем приказе»⁷. Ещё один пример: «Командир 2-й Уланской дивизии генерал-лейтенант Лисаневич донес мне, что жители селения Новой Водолаги и Караванской волости села Нового, в коих расположена конно-артиллерийская рота № 13, в знак благодарности за спокойное квартирование и дружелюбное обращение воинских чинов сей роты с обывателями, пожертвовали в пользу нижних чинов оной муки 94 четверти и 4 четверика и крупы 8½ четверти. Мне весьма приятно объявить сие донесение в пример по корпусу поселенных войск командиру той роты подполковнику Щепотьеву и гг. офицерам засвидетельствовать мою признатель-

ность, а нижним чинам мою похвалу»⁸. В другом приказе за № 144 он объявил благодарность майору Романовичу — командиру второго батальона 4-го Карабинерного полка»⁹.

Обучение коренных жителей воинской службе начиналось также спокойно, о чём говорится в документе: «По окончании всех полевых работ в округе поселения 2-й Уланской дивизии, предписывается в поселенных и резервных эскадронах полков... начать обучение людей экзерциции и прочему, и производить оное в первых по одному дню, а во вторых по два дни в неделю»¹⁰.

Проявляя заботу о людях, граф Аракчеев приказывал не отправлять в сильные морозы солдат «по разным надобностям»¹¹, чтобы в зимнее время часовые были одеты на посту в шубы. Для улучшения питания солдат он предписал Экономическому комитету выдавать ежемесячно деньги командам в округе поселения: команде поручика Сбитнева — по 239 рублей 20 копеек, подпоручика Калединского — по 249 рублей 60 копеек¹². Узнав из рапортов, что в госпитале умерли семь солдат, доставленных слишком поздно, Аракчеев приказал «батальонным командирам ежедневно наблюдать, дабы люди при малейшем сомнении были отправляемы в Госпиталь... Лучше иметь лишнюю предосторожность и более людей отправлять в Госпиталь, коих легко и удобно из оной возвратить в батальоны, нежели запускать болезнь без всякого в оных пособиях»¹³.

Встречается утверждение, что в военных поселениях была запрещена торговля. Но вот что говорится в приказе

«Атлас строений в полковом штабе и в поселенных ротах гренадерскаго его величества короля прусскаго полка с приложением карты всего округа и планов расположений полковаго штаба и поселенных рот. Санкт-Петербург, 1828».

<https://kp.rusneb.ru/item/material/atlas-stroeniyam-v-polkovom-shtabe-i-v-poselennyh-rotah-grenaderskago-ego-velichstva-korolya-prusskago-polka>

Аракчеева по отряду поселенных войск под командованием генерал-майора Княжнина 2-го: «Промышленность, доставляющая военному поселеннику выгоду и обогащение его домоводства, сходно с целью поселения и начальству приятно, но приобретение сей выгоды не должно нарушать порядка службы и унижать звание солдата, в которое коренной житель переходя получает, конечно, выгоды и преимущества гораздо предпочтительнее тех, кои промышленностью иногда лишь приобрести может, и потому... нахожу нужным предписать следующее: на счет обмундированных: 1) ездить в извоз и ходить на барках возпретить,

2) торговать рогатым скотом, телятами и птицами дозволить только тем, кои будут оказывать успехи во фронтовой службе, 3) торг съестными припасами и горшками дозволить и всякую ту торговлю начальству одобрять, которая не будет сопряжена с выездом поселенина из своего уезда, 4) необмундированные коренные жители изъемятся от сего запрещения, коим и дозволяется промышленяты и вне своих уездов, увольняя их для того во всякое время в отпуск с билетами»¹⁴.

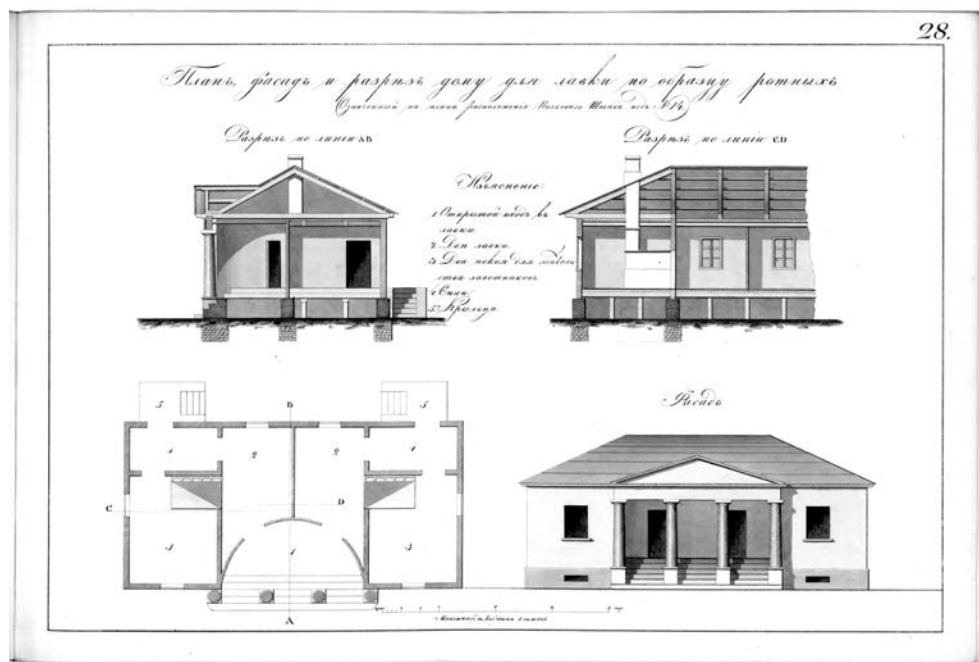
Узнав о том, что в некоторых поселённых полках производится принудительное сочетание браком, Алексей Андре-

евич отметил в приказе: «Принимая сие с неудовольствием, как деяние, несоответствующее брачному таинству, подтверждаю строго по корпусу поселенных войск сочетать браком не иначе как по обоюдному жениха и невесты»¹⁵. Приказ подкреплялся порядком оформления брака, исключавшим насилие над женихом и невестой. Вместе с тем он позже пишет приказ, по которому запрещает дочерям военных поселян выходить замуж за людей, «не принадлежащих военному поселению»¹⁶.

Согласно Ведомости о числе умерших, бежавших и пойманных в бегах нижних

чинов корпуса военных поселений в течение 1820 года смертность по отдельному корпусу поселенных войск в целом составила 1784 человека, в т.ч. в военных поселениях Новгородской губернии — 854 человека, Могилёвской — 130, и Слободско-Украинской — 800. Количество бежавших в общем насчитывало 722 человека и пойманных — 292.

Обращая внимание дивизионных и бригадных командиров на большую убыль людей в войсках, Аракчеев предписывал употреблять «все средства к открытию истинных причин непомерной убыли и возьмут надлежащие

«Атлас строениям в полковом штабе и в поселенных ротах гренадерскаго его величества короля прусскаго полка с приложением карты всего округа и планов расположений полковаго штаба и поселенных рот. Санкт-Петербург, 1828».

<https://kp.rusneb.ru/item/material/atlas-stroeniyam-v-polkovom-shtabe-i-v-poselennyh-rotah-grenaderskago-ego-velichestva-korolya-prusskago-polka>

Село Медведь. Аракчеевские казармы.
Открытка. Издание А. Таль и М. Коган, 1905

меры к прекращению того на будущее время, а вместе с тем, если бы обнаружилось, что излишняя смертность или побег нижних чинов произошел от упущения своей обязанности частных начальников, о таковых не медля доносят мне для предания их Военному суду». Численность поселённых батальонов 1-й Гренадерской дивизии, располагавшейся в Новгородской губернии, на 1818 год — 5642 человека¹⁷, при этом уровень смертности среди поселённых войск составлял 2,95%, и этот процент, вероятно, несколько завышен. Данные опровергают эмоциональное высказывание одного из современников о том, что «смертность среди военных поселян была изумительно высокой и доходила до одной десятой».

Ещё одно обвинение в адрес А.А. Аракчеева — плохое питание военных поселян, которое способствовало высокой смертности. Но вот что вспоминает один из офицеров, служивших

в новгородском военном поселении: «*Материальные потребности поселенного солдата вполне удовлетворялись хорошей свежей пищей и одеждой*». Далее он поясняет, что солдаты, кроме обыкновенных щей и каши, три раза в неделю получали мясную порцию и столько же раз вино¹⁸. Это же подтверждает и лекарь Новгородских военных поселений Иван Исаакович Европеус, который

также отмечал «*сытную пищу и графскую чарку водки*»¹⁹.

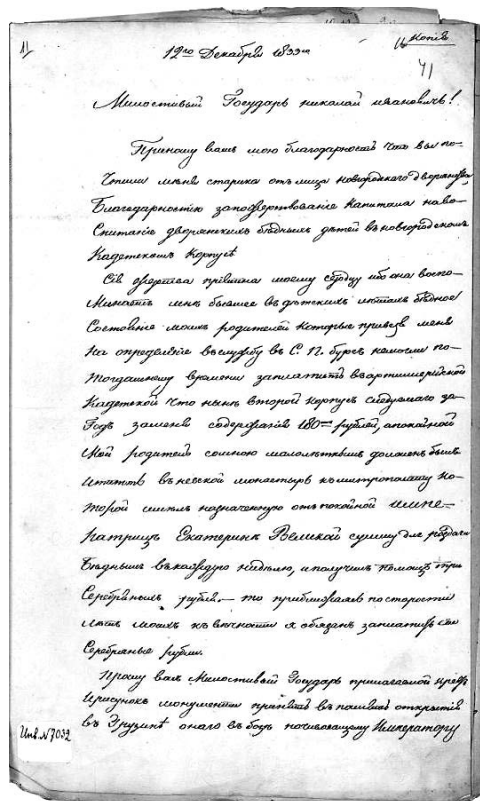
Существует расхожее мнение о том, что у коренных жителей и солдат не было времени заниматься хозяйственными делами, оттого они были в запустении. Но вот приказ графа от 29 июня 1821 года: «*По наступлении рабочего времени, в которое хозяева более прочаго должны заниматься своим хозяйством, а постояльцы им в оном помогать, назначаю всему гренадерскому имени моего полку каникулы по 1-е августа сего года и предписываю в течение всего июля месяца производить людям учение только в день самого вступления их в караул, пред разводом, не делая отнюдь никаких накануне того дня репетиций*»²⁰.

Никто из исследователей не обращал внимания на перевод крестьян в военных поселян по собственной просьбе, зачастую целыми семьями, причём не только из близлежащих уездов Новгородской губернии, но и Ярославской,

Тамбовской и других губерний. Количество поступавших в поселяне крестьян достигало иногда более двухсот человек сразу. Очевидно, крестьяне каким-то образом узнавали о весьма больших выгодах, установленных военным поселянам.

В заключение, говоря об А.А. Аракчеве как начальнике военных поселений, можно привести такую его характеристику, на наш взгляд, вполне объективную: «Я остановлюсь на том, чтобы сказать несколько слов о тех отношениях, в каких стоял Аракчев к поселянам, как начальник. Принадлежа к числу личностей, которые вместе с необычайной строгостью соединяют в себе в то же время и какую-то заботливость о подчиненных, он не держал себя относительно солдат на недосягаемой высоте. В закаленном дисциплиной и строгостью солдате он видел идеал: только в человеке, прошедшем по такому пути, можно было, как казалось ему, по-видимому, искать залог верного и честного защитника своего отечества. Последствия показали, насколько он ошибался в этом. С высшими чинами Аракчев был строже и недоступнее, может быть потому, что встречал здесь часто и лесть, и обман. Часто по ночам он заходил к солдатам смотреть, как они спят, все ли исправно у них, и тут его внимание обращалось на самые мелкие предметы. И солдаты любили его на столько, на сколько не любили большинство им же поставленных над ними начальников»²¹.

Лекарь И.И. Европеус, близко знавший графа, писал: «Что касается до характера графа, то он был непостоянен, зависел от его занятий, окружающих его людей, других обстоятельств, которые

Отношение № 391 от 12 декабря 1833 г. графа А.А. Аракчеева из усадьбы Грузино новгородскому губернскому предводителю дворянства Н.И. Белавину с просьбой определить в Новгородский кадетский корпус шесть детей из бедных дворянских семейств Новгородской губернии, с воспоминаниями о своём поступлении в Артиллерийский кадетский корпус. 1833 г. НГМ КП 25990/2060 Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 298

влияли на расположение его духа, так что с точностью определить свойство его характера трудно, тем более, что он всегда был озабочен государственными делами, да, сверх того, страдал расстройством всей нервной системы, застоём печени и рефлективным страданием сердца.

Доска мемориальная.
НГМ КП 4699 МБ-4108

От этого происходили его мнительность, недоверчивость, бессонные ночи, тоска и биение сердца. Хотя вспыльчивость иногда и доводила графа до испуга, но злопамятным и мстительным к людям, ниже его стоя»²².

Наступивший 1825 год стал для Аракчеева роковым: 10 сентября 1825 года была дворовыми жестоко убита любовница графа Настасья Минкина. Печальное известие настолько поразило графа, что он отказывался от пищи и не мог исполнять служебные дела. Настасью Минкину похоронили в соборе Андрея Первозванного.

Императору Александру I граф Аракчеев написал письмо следующего содержания: «Случившееся со мною несчастье потеряннем верного друга, жившего у меня в доме 25 лет, здоровье и рассудок мой так разстроился и ослаб, что я одной смерти себе желаю и ищущу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься; прощай, батюшка, вспомни бывшего тебе слугу — друга мое-

го зарезали ночью дворовые люди — я не знаю еще куда осиротевшую свою голову приклоню, но отсюда уеду. Верный слуга Г. А.». Но из Грузии Аракчеев не уехал.

Впоследствии граф заказал в Москве два больших колокола, один назван Алексеевским в честь своего небесного покровителя, второй — Анастасиевским. Оба колокола были подвешены на колокольне Грузинского собора. Колокола уцелели и в настоящее время служат в Мариинском театре Санкт-Петербурга. Как они туда попали, пока остаётся загадкой. Возможно, они были эвакуированы в июле 1941 года вместе с музейными коллекциями имения в Ленинград.

С этого времени политическая карьера Аракчеева заканчивается. В письме Николаю I от 9 апреля 1826 года он просит отпустить его на лечение за границу и сообщает: «... Что касается до денежных способов военных поселений, то я оставляю наличных денег более 32 млн. рублей. Кажется, я могу открыто <...> сказать, что сия часть в таком положении, какое, конечно, не всем другим известно и в каком, может быть, никто не воображает себе военных поселений. Ежели мои труды и усердие в скоплении и приобретении сих значительных сумм удостоятся обратить на себя хотя несколько внимания вашего императорского величества, то в награду оных я прошу <...> пользоваться во время отпуска ныне получаемым мною содержанием. Оно не огромно и менее получаемого не только моими сотоварищами, но даже и многими статс-секретарями».

Николай I разрешил графу отъезд за границу и пожаловал ему 50 тысяч рублей. Верный себе, Аракчеев передал

эти деньги, добавив к ним ещё 2,5 тысячи рублей своих денег, императрице Марии Фёдоровне, чтобы на проценты от них в военно-сиротском доме содержать сверх штата пять девиц-сирот.

Чтобы получить наличные деньги на поездку, он обратился к князю А.Н. Голицыну с просьбой продать некоторые его ценные вещи, *«прося оценить их по-христиански»*, за которые получил 38 890 рублей и уехал в Карлсбад на воды.

В связи с отъездом за границу 30 апреля 1826 года Николай I уволил его с должности начальника военных поселений, и в конце 1826 года командование поселёнными войсками окончательно передаётся князю Шаховскому. До конца своей жизни время А.А. Аракчеев посвятил превращению имения Грузино в гигантский пантеон памяти своего благодетеля — императора Александра Благословенного, что ему вполне удалось. С ним поддерживали отношения Волинский, Апрельевы, Бухмейеры, Гурьев, Зотовы, вдова поэта Г.Р. Державина Дарья Алексеевна, Ильины и другие. В Грузине гостили дети Фёдора Карловича фон-Фрикена, командира поселённого графа Аракчеева полка.

Несправедливо было бы обойти молчанием и благотворительность графа в эти годы затворничества. Так, он назначил 50 тысяч рублей на проценты автору будущего жизнеописания императора Александра I, внёс крупную сумму денег на воспитание бедных детей из дворян Новгородской и Тверской губерний, использованную при организации Нижегородского кадетского корпуса, а попавшему в трудное материальное по-

Памятник императору Александру I на фоне собора (1833 г.).
Из ст.: Врангель Н., Маковский С., Трубников А. Аракчеев и искусство // Старые годы. 1908. Июль–сентябрь

ложению своему сослуживцу по Гатчине Шебашеву подарил 300 рублей.

Весна 1834 года была его последней весной. Здоровье графа окончательно разрушилось, у него нашли аневризму сердца. Утром 21 апреля 1834 года граф тихо скончался в комнате, где останавливался Александр I, так тихо, что никто не услышал его последнего вздоха. Аракчеева похоронили в Грузинском соборе Андрея Первозванного: о месте собственного погребения граф побеспокоился заблаговременно, на надгробной плите оставалось выбить только дату смерти.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: военная галерея Зимнего дворца / жизнеописания соч. А.И. Михайловского-Данилевского. Т. 6 / портр. рисованы с подлинников Дова худож. И.А. Клюквиним. Санкт-Петербург, 1849. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ ОР РНБ. Ф. 29. Ед. хр. 2.

⁴ ОР РНБ. «Дом Плеханова». Ф. 84. Ед. хр. 25. Л. 6–7 об.

⁵ Щебальский П.К. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский Вестник. 1871. Кн. 10. С. 495–496.

⁶ Приказ № 11 от 18 июля 1818 г. // Аракчеев А.А. Приказы главного над военными поселениями начальника генерала графа Аракчеева. По корпусу поселенных войск 1818 года. [Санкт-Петербург, Не ранее 1819]: Перепечатка приказов А.А. Аракчеева за апр. — дек. 1818 г. (№ 1–61).

⁷ Там же. Приказ № 16 от 7 августа 1818 г.

⁸ Там же. Приказ № 77 от 23 мая 1819 г.

⁹ Там же. Приказ № 144 от октября 1819 г.

¹⁰ Там же. Приказ № 38 от 1 ноября 1818 г.

¹¹ Там же. Приказ № 45 от 10 декабря 1818 г.

¹² Там же. Приказ № 28 от 8 марта 1818 г.

¹³ Там же. Приказ № 48 от 7 апреля 1818 г.

¹⁴ Там же. Приказ № 67 от 22 апреля 1818 г.

¹⁵ Там же. Приказ № 125 от 2 октября 1818 г.

¹⁶ Там же. Приказ № 185 от 29 декабря 1818 г.

¹⁷ Ячменихин К.М. Численный состав и структура новгородских военных поселений в 1816—1831 гг. // Новгородский исторический сборник. № 3 (13). Ленинград, 1989. С. 152.

¹⁸ Крымов М.А. Отрывки из воспоминаний офицера новгородского поселения // Военный сборник. 1862. Т. 24, № 4. С. 441. По приказу императора Александра I солдаты поселенных войск получали три раза в неделю, кроме главных христианских постов, по полфунта мяса.

¹⁹ Воспоминания Европеуса о службе в военном поселении // Русская Старина. 1872. Т. 6, сентябрь. С. 226.

²⁰ Приказ № 156 от 29 июня 1821 г. // Аракчеев А.А. Приказы главного над военными поселениями начальника генерала графа Аракчеева. По корпусу поселенных войск 1818 года. [Санкт-Петербург, Не ранее 1819]: Перепечатка приказов А.А. Аракчеева за апр. — дек. 1818 г. (№ 1–61).

²¹ Крымов М.А. Указ. соч. С. 444.

²² Воспоминания Европеуса. Указ. соч. С. 240.

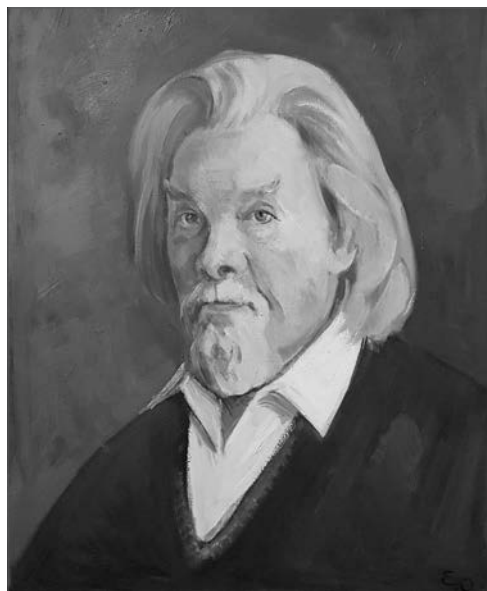

В 2018 году в Стокгольмском университете был издан сборник статей, посвящённых жизни и творчеству поэта и переводчика Сергея Петрова (1911—1988). В России широкому кругу читателей он практически не известен, в то время как ценители и знатоки поэзии считают его «осколком Серебряного века», «незамеченным гением», «неизвестным классиком», «великолепным мастером русского слова», «одним из самых выдающихся поэтов XX века», «поэтическим гением русской провинции», «волшебником слова».

Геннадий Коваленко

«ОСКОЛОК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Сергей Владимирович Петров родился в 1911 году в Казани в семье врача. В его роду были поляки и немцы, мужики-волгари и старообрядцы. Отец Сергея погиб на фронте Первой мировой войны, когда мальчику было всего пять лет. После окончания в 1928 году средней школы он с матерью Варварой Арсеньевной и младшим братом Николаем переехал в Ленинград, поступил в университет на факультет языковедения, где фундаментально изучал германские языки. Новые знания привлекали внимание пытливого студента: в эти же годы он посещал лекции по санскриту и кельтскому языку, а также семинар по тибетологии. Досрочно завершив курс обучения в 1931 году, молодой специалист стал преподавать немецкий язык в университете и шведский язык в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе, для курсантов которого подготовил к изданию учебник шведского языка.

Сергей Владимирович Петров.
Художник Ю.И. Ерышев. 2019 г.

Однако в 1933 году Сергей Петров был арестован по доносу однокурсницы за групповое чтение немецкой поэзии.

Его обвинили в создании контрреволюционной фашистской организации и приговорили к заключению в лагерь на 10 лет. Потом дело было возвращено на доследование, после чего последовала ссылка в Красноярский край, где он провёл долгих 17 лет и сменил множество профессий: был заготовителем сельхозпродуктов, счетоводом, преподавал английский, немецкий и французский языки в педучилище, а также латинский язык в фельдшерской школе. В 1951 году Сергей Владимирович уехал из Сибири на станцию Спирово, где работал учителем немецкого языка — в Ленинград он вернуться не мог. Спустя три года, в 1954 году, он с женой Еленой и сыном Азарием переехал в Новгород, где получил жильё и работу в местном пединституте.

О жизни Сергея Петрова в Новгороде известно очень мало. Личное дело в архиве не сохранилось. Биографический справочник «Преподаватели НГПИ» сообщает только то, что С.В. Петров работал преподавателем кафедры русского языка и литературы и ассистентом кафедры немецкого языка, а также, что в 1956 году он сдал кандидатский минимум по специальности «Германская филология» в Ленинградском университете.

По словам ленинградской переводчицы Нины Гучинской, Сергей Владимирович был шутником и чудаком, человеком живейшего, иронического и даже ёрнического ума с богатейшим чувством юмора. Он легко мог найти общий язык и темы для разговора и с профессором-лингвистом, и со школьником, и с деревенским мужиком. Он был в дружеских отношениях с художником Семёном Пустовойтовым и искусствоведом Николаем Чернышёвым, который жил в келье Антониева монастыря. В круг его общения входили также соседи по дому и коллеги по работе в пединституте: Вячеслав Подгорков, Владимир Васильев, Влас Жуков.

Петров занимался преподавательской работой 10 лет, но вкуса к ней, по всей вероятности, так и не приобрёл. Поэтому, после того как в 1964 году его приняли в Союз писателей, он оставил Новгородский пединститут и целиком отдался своим любимым занятиям — переводам и стихотворчеству.

Переводами Сергей Владимирович занимался не по советской схеме, когда «крупный поэт, которого не печатают, вынужден для прокормления заниматься переводами», как Ахматова и Зощенко.

Перевод был для него не столько источником заработка, сколько средством приобщения к мировой культуре. Как переводчик он печатался с 1958 года, а в 1960-м стал руководителем семинара переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей. Проживая в Новгороде, он часто ездил в Ленинград, чтобы встретиться с мамой и пообщаться с коллегами по цеху. Поэта Петрова очень интересовала поэзия скальдов, и он познакомился с выдающимся специалистом по древнескандинавской литературе Михаилом Стеблин-Каменским, который считал, что скальдическая поэзия непереводаима. Петров не побоялся вступить с ним в спор, он был убежден, что непереводаемого на русский язык просто не существует, и сумел доказать, что поэзию скальдов можно перевести. В 1979 году «Поэзия скальдов» вышла в его переводах с предисловием Стеблин-Каменского в серии «Литературные памятники». Это был первый в мире перевод поэзии скальдов размером подлинника. В этой связи исландский славист Хельги Харальдссон сказал: *«Когда поэзия скальдов встретилась с Петровым, между ними с первого взгляда возникла любовь»*.

Сергей Владимирович не спешил уезжать из Новгорода, где ему было легче пребывать в состоянии внутренней эмиграции. К тому же он считал, что исконному русскому языку можно выучиться только в российской глубинке, а не в большом городе. Он не любил мегаполисы, о чём свидетельствуют такие строки: *«Процай огромная Москва, ... где можно жить едва-едва»*. *«Ох, и противно в Москве проживать! // лучше в избенке*

сидеть с лучинкой, // нежли полжизни с утра жевать // улицы с человечьей начинкой». *«И я живу, как тень, с унылого утра // во граде сумасшедшего Петра»*.

Свою жизненную философию он изложил в письме финской славистке Барбаре Лённквист: *«Если я читаю интересную книгу, это доставляет мне удовольствие. Такое же удовольствие я испытываю, когда пью хорошее вино или пишу письмо по-шведски. Я скептик с юных лет и поэтому могу быть счастлив от пустяков. Это своего рода искусство»*.

Сергей Владимирович тяжело переживал трагическую смерть сына в 1972 году. После случившегося его семейная жизнь окончательно разладилась. Елена Ивановна была весьма достойной

Сергей Владимирович Петров с женой

женщиной, верной супругой и хорошей хозяйкой, но она не понимала, почему Сергей Владимирович проводит так много времени за письменным столом, за написанием никому не нужных, как ей казалось, стихов и прочей, по её словам, «белиберды» вместо того, чтобы заниматься хозяйством или зарабатывать деньги. Вскоре он развёлся с женой, стал реже бывать в Новгороде. Окончательно Сергей Петров перебрался в Ленинград в 1977 году, после того как женился на Александре Безносовой, преподавателе Политехнического института, с которой познакомился в 1976 году.

В Ленинграде Сергей Владимирович общался с литераторами и переводчиками, но в целом в литературных кругах он был чужим, поскольку не вписывался ни в советскую школу переводов, ни в литературную среду, как официальную, так и диссидентскую. Как отметил «мастер презрительных суждений» Виктор

Топоров, коллеги-переводчики его не любили, поскольку он был слишком талантлив, чересчур хорошо — прежде всего, в языковом плане — образован и «непозволительно сильно любил поэзию». *«Сергей Петров — гениальный провинциал, так сказать, переводческий гений русской провинции, ее поэтический гений. Москва съела бы его. Ленинград подержал во рту, пожевал и выложил на бумажную салфетку (носового платка пожалел)».*

Он ничего не просил у власти и хотел от неё только того, чтобы она его не замечала, жил по-спартански, из материальных благ ценил только книги. Его любимыми поэтами были Рильке, Мандельштам и Цветаева. Из русских классиков Сергей Владимирович отдавал предпочтение Достоевскому. Можно сказать, что средой его обитания, его вселенной был язык. В нём он был абсолютно свободным человеком. Петров был полиглотом — знал 12 языков, причём диахронным полиглотом, то есть знал языки в историческом развитии языковых явлений и языковых систем. Он знал в совершенстве не только немецкий, но и древневерхненемецкий, средневерхненемецкий и готский, сочинял стихи на шведском и переводил их на немецкий. Но лучше всего он — опять-таки в диахронном разрезе — знал русский во всех его проявлениях с древнейших

времен до современного лагерного языка. Петров писал уставом, полууставом и даже глаголицей. На спор «переводил» русские тексты XVII века на язык XV, а потом и на язык XIII века. Переводчик был гением стилизации, генерировал эпоху, забывая, какое на дворе столетие.

Сергей Владимирович также писал стихи, продолжая традиции русской культуры Серебряного века, но не прилагал никаких усилий по их продвижению в печать, считал, что главное дело — писать, а остальное его не касается. Он не стремился ни к известности, ни к тому, чтобы его стихи были непременно напечатаны: это стоило бы ему

массу времени, сил и нервов, которые не хотелось тратить на суету, переговоры с редакторами. Не стремился Сергей Владимирович и к тому, чтобы у него непременно появились последователи и ученики.

Поэтому при жизни у поэта Сергея Петрова были всего три оставшихся практически незамеченными журнальные публикации в «Таллинне», «Литературной Грузии» и «Новом мире». Известность пришла к нему посмертно после того, как были напечатаны его переводы Рильке, Бельмана, Бернса, а Евгений Евтушенко опубликовал его стихи в своей антологии русской поэзии «Строфы века».

Стараниями Александры Петровой в 1995 году были изданы «Послания, песни и завещания Фредмана» Карла Микаеля Бельмана в переводе Петрова. Вот

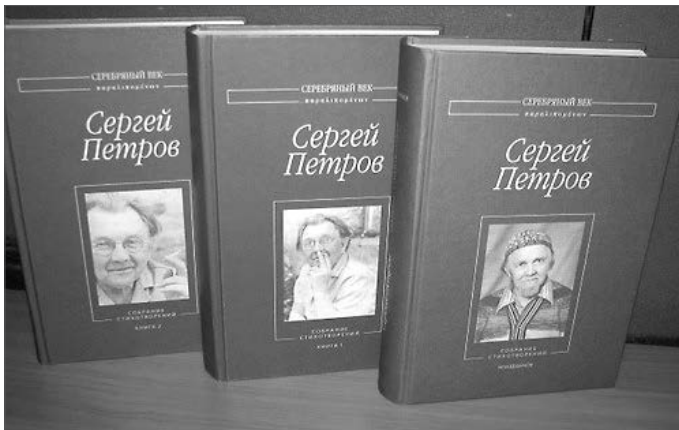

что она написала в предисловии к этой книге, назвав его «Некто Петров»: *«Der Fall Petrov мало соотносится с популярной схемой: поэт, загубленный тоталитарным режимом. <...> Петров в отношениях с режимом был чрезвычайным везунчиком, отделался сущими пустяками: в общей сложности три года тюрьмы да двадцать лет сибирской ссылки, которая пошла ему на пользу, излечив от туберкулеза и избавив на всю жизнь от простуд. Ни лесоповала, ни колымских рудников. А когда пришла "оттепель", <...> ему официально разрешили называться писателем, выдав соответствующую ксиву. <...> Не печатали, конечно, зато не надо было считаться с их*

мнениями. Говорил — что хотел. Он был абсолютно свободным человеком <...> переводил и писал для себя и для Бога».

В 2008—2011 гг. усилиями вдовы Сергея Владимировича и его ученика Евгения Витковского в московском издательстве «Водолей» вышло трёхтомное собрание стихотворений Сергея Петрова общим объёмом около 2000 страниц.

В Новгороде Сергей Владимирович Петров жил на улице Ленина (теперь Большая Московская) в доме № 66. Хотелось бы надеяться, что когда-нибудь на этом доме или на здании Гуманитарного института Новгородского государственного университета будет установлена мемориальная доска с его именем.

Выдающуюся роль в приобщении новгородцев к имени Сергея Васильевича Рахманинова, его судьбе и творчеству сыграли выступления в местной печати Тамары Александровны Самсоновой (1906—1990), а также её разнообразная деятельность по увековечению памяти великого музыканта. Подвижнический путь Тамары Александровны, начало которому было положено в 1960-е годы, даёт полное право называть её Хранительницей этой памяти.

Валерий Демидов ХРАНИТЕЛЬНИЦА*

Тама́ра Алекса́ндровна родилась 8 сентября 1906 года в Петербурге. Её бабушка, М.С. Самсонова, урождённая Кудрявцева, была в дальнем родстве с семьёй Сатиных — родственников жены С.В. Рахманинова.

В 1932 или 1933 году¹ Тамара Александровна окончила Ленинградскую консерваторию по классу вокала (меццо-сопрано) с квалификацией «солистка оперы». Она выступала на различных концертных площадках Ленинграда. Начиная с 1934 года пела в Оперной студии консерватории в опере Н.А. Римского-Корсакова «Пан воевода» партию Олесницкого, в «Пиковой даме» П.И. Чайковского — партии Полины и Миловзора, а на гастролях в Архангельске в 1935-м заменила заболевшую солистку и исполнила заглавную партию в опере Ж. Бизе «Кармен».

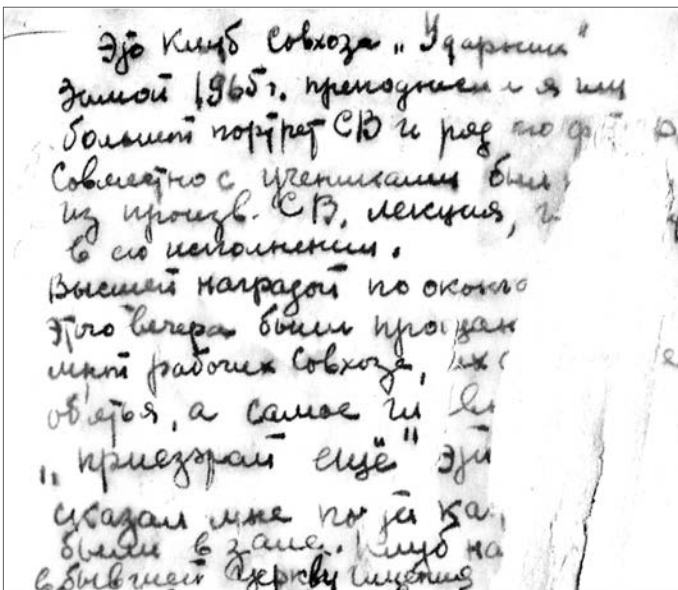

Тамара Александровна Самсонова
в роли Княгини в опере А.С. Даргомыжского
«Русалка». 1946—1947 гг.

* Из кн.: Демидов В.В. Рахманиновы и другие на Новгородской земле. Великий Новгород / под ред. Т.В. Берфорд; ТК «Печатный двор», 2023. Т. 2. С. 102–121.

Учащиеся одной из ленинградских школ вместе с Т.А. Самсоновой рассказывают колхозникам совхоза «Красный ударник» о С.В. Рахманинове. Клуб д. Захарьино. Январь 1965 г.

Надпись Т.А. Самсоновой на обороте фотографии: «Это клуб совхоза "Ударник". Зимой 1965 г. преподнесла я им большой портрет СВ и ряд его фотографий. Совместно с учениками был дан концерт из произведений СВ, лекция, грамзаписи в его исполнении. Высшей наградой по окончании этого вечера были прощания со мной рабочих совхоза, их дружеские объятия, а самое главное — слова "приезжай ещё". Эти слова сказал мне почти [каждый из тех, кто] были в зале. Клуб находится в бывшей церкви имени [Обольяниновых]»

Великую Отечественную войну она встретила в Ленинграде. В 1942 году по Ладожскому озеру её в числе больных тифом вывезли из блокадного города. По выздоровлении Тамара Александровна выступала в составе концертной бригады, сформированной в городе Горьком², на фронте и в госпиталях.

После прорыва блокады она возвратилась в Ленинград и с марта 1943 года работала в Ленинградской государственной академической капелле, а с 1 июля 1946-го была снова принята на работу в Оперную студию консерватории. Там она пела партии Княгини в опере А.С. Даргомыжского «Русалка», Любаши в опере Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста» и Няни в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Затем продолжительное время руководила хором в Калининграде.

Деятельность Т.А. Самсоновой в годы войны была отмечена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Выйдя на пенсию в 1961 году, Тамара Александровна работала учительницей музыки и пения в общеобразовательных школах Ленинграда. В январе 1965 года она впервые привезла своих учеников-старшеклассников школы № 10 в деревню Захарьино Новгородского района с намерением посетить Онег, где провёл своё детство С.В. Рахманинов. Однако в этот раз попасть в Онег гостям не удалось. Они устроили для местных жителей вечер, посвящённый композитору, и подарили клубу большой портрет С.В. Рахманинова.

После этого каждую весну до 1988 года Тамара Александровна приезжала сначала в деревню Змейско на правом берегу Волхова, а позднее — в деревню Захарьино на другом берегу и соседнюю деревню Плотишно. Оттуда она совершала шестикилометровые походы на место бывшего имения Бутаковых-Рахманиновых Онег. Там для неё находилось много работы: нужно было восстанавливать центральную аллею, убирать валежник и сухостой, сажать яблони, вишни, тёрн, сирень, цветы.

По инициативе Тамары Александровны в 1967 году Управлением культуры Новгородского облисполкома в имении установлена памятная стела со следующим текстом: «Здесь 20 марта 1873 года родился композитор, пианист и дирижёр Сергей Васильевич Рахманинов».

В том же году она совместно с новгородским старожилом Н.Г. Тейсом

Т.А. Самсонова возле стелы в Онеге.
Фото Ю.В. Ряховского. 1972 г.

Охранный знак: «Онег, родина композитора С.В. Рахманинова. Заповедная зона. Охраняется государством».
Фото Л.В. Сафонова. 1972 г.

Онег. Т.А. Самсонова и сапёры воинской части № 74268.
 Фото замполита лейтенанта В.Н. Соболева.
 11 октября 1971 г.

обозначила на Рождественском кладбище Новгорода условное место захоронения матери композитора Л.П. Рахмани-

Колодец в Онеге. 1970-е гг.

новой, взамен могилы, утраченной во время Великой Отечественной войны.

Благодаря хлопотам Хранительницы Онега три гектара территории имения с августа 1968 года были объявлены охранной зоной, и с помощью рабочих совхоза «Красный ударник» она обозначила границы «Заповедника С.В. Рахманинова», расположив по периметру имения десять столбов с соответствующими табличками. При непосред-

ственном участии Тамары Александровны в 1971 году сапёрами воинской части 74268 (Псков, 10) в имении был восстановлен колодец и закопаны воронки от бомб.

В начале 1970-х годов Тамара Александровна нашла на Антониевском погосте (Лобковское кладбище) место семейного захоронения Бутаковых — деда С.В. Рахманинова, генерал-майора Петра Ивановича Бутакова и ещё одного из родственников — прапорщика Дмитрия Кандеевича Бутакова.

По её ходатайству Новгородская областная охотинспекция в 1977 году запретила на территории Онега охоту. В том же году Хранительница заказала металлическую ограду для памятной стелы в Онеге и добилась её установки. Находившиеся рядом остатки фундамента господского дома были огорожены металлической сеткой-рабицей³.

Активное участие принимала Тамара Александровна и в открытии музея С.В. Рахманинова в Новгородской детской музыкальной школе⁴. При её содействии Центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки передал школе в марте 1973 года выставку, подготовленную к 100-летию С.В. Рахманинова. Сделано это было по причине крайней тесноты, в которой находился московский музей, располагавшийся в то время

в самом центре столицы (Ново-Георгиевский переулок, 4). Осенью того же года Тамара Александровна выступила на торжественном вечере, посвящённом юбилею композитора, в зале Новгородского культурно-просветительного училища.

Кроме того, она работала в архивах, музеях и библиотеках Новгорода, Ленинграда и Москвы, собирая материалы и документы, относящиеся к С.В. Рахманинову и его родственникам, вела переписку с двоюродной сестрой композитора, Софьей Александровной Сатиной, проживавшей в США, и получила от неё несколько фотографий.

Когда стало известно, что С.В. Рахманинов родился не в Онеге, а в усадьбе Семёново Старорусского уезда, Тамара Александровна в начале 1980-х годов с прежней энергией переключилась на устройство мемориального уголка в деревне Пинаевы Горки, находившейся

Т.А. Самсонова на торжественном вечере
в честь 100-летия С.В. Рахманинова.
Зал Новгородского культурно-просветительного училища.
Фото Г.Т. Нарышкина. Март 1973 г.

в шести километрах от Семёнова. Для этого в дар библиотеке Дома культуры деревни она передала альбом с фотографиями, а также своё пианино и грампластинки, привезённые из Ленинграда. В 1989 году этот мемориальный уголок посетили Н.С. Сергеева из Старорусского краеведческого музея и Н.Б. Озерова — сотрудник Новгородского музея-заповедника. Неутомимой Тамаре Александровне хватило энергии даже на то, чтобы дважды на тракторе съездить в Семёново.

Музыкально-просветительская работа Тамары Александровны включала чтение лекций и проведение бесед о жизни и творчестве С.В. Рахманинова. В сфере её внимания оказались Новгородская детская музыкальная школа, Новгородское областное музыкальное училище, общеобразовательные школы деревень Змейско и Захарьино Новгородского

Т.А. Самсонова беседует о С.В. Рахманинове с учениками школы. Деревня Пинаевы Горки Старорусского района. 1982 г.

района, Пинаевы Горки Старорусского района, Новгородский завод радиоаппаратуры, Ветеринарный техникум, гостиница «Волхов» и другие.

Из собранных за многие годы материалов о жизни С.В. Рахманинова она составила три фотоальбома. Один она подарила Государственному центральному музею музыкальной культуры им. М.И. Глинки⁵ в Москве, другой — Новгородскому государствен-

ке в Онег. Ветеран побродил по хорошо знакомым местам, а затем они вдвоём спустились к ручью, в низовьях которого в 1942—1943 годах располагался хорошо замаскированный штаб дивизии.

Многолетняя и бескорыстная деятельность Тамары Александровны побудили Ю.В. Ряховского написать, от имени героя повести — Муромцева, такие слова о её многолетнем подвижническом труде:

«...Обратно идти было труднее. И тропа наверх крута, и ведро сильно тянуло руку; было бы легче, если б вёдер было два. Муромцев шёл осторожно, боясь плеснуть, и, когда одолел подъём, почувствовал на лбу капельки пота. Как же Самсонова за день вытягивает со дна оврага двадцать-тридцать вёдер?.. День за днём, день за днём безвозмездно? Поистине, сизифов труд. Значит, в словах "я всё сделаю для Онега" нет ни похвалы, ни фальши. Да, на энтузиастах и подвижниках мир стоит, и, если бы не они, многое исчезло бы из людской памяти. Благодаря им десятки поколений видят созданную древними красоту, восхищаются мыслями тех, кто давно уже обратился во прах... Подвижники!.. Свой подвиг должен быть у каждого, и каждый должен его совершить, пусть в жизни только один... Беда лишь в том, что под словом "подвиг" обычно понимают нечто выдающееся, не думая о том, что Подвиг — это своё дело,

ному объединённому музею-заповеднику, третий — Дому культуры деревни Пинаевы Горки.

Летом 1972 года бывший артиллерист-разведчик 225-й стрелковой дивизии, художник и писатель Юрий Васильевич Ряховский решил пройти по своим дорогам военного времени. Так он оказался в деревне Змейско, где познакомился с проживавшей там Т.А. Самсоновой. Она отвезла его на лод-

выполненное с душой, без расчёта на всеобщее признание и награду» .

«<...> Он понимал, что она ожесточилась и устала в борьбе за Онег с бездушием и невниманием; может быть, изнемогла в нищете, на которую себя обрекла, отдавая всю себя — и свою пенсию вдобавок — Онегу, памяти Рахманинова, лекциям о нём и концертам после них, которые ей помогают организовывать ученики музыкального училища. Сочувствуя ей, Муромцев, тем не менее, догадывался, что она идёт более трудной дорогой,

Т.А. Самсонова за оформлением одного из фотоальбомов.
Ленинград. 1980-е гг.

чем могла бы идти, что она демонстративно отказывается от всякой помощи, надев шоры патетики, непримиримости и кажущейся независимости; но не может человек быть независимым в обществе!.. Каждый должен нести свою ношу: человек — работать для общества, общество — равным образом — работать на человека. В случае же с Самсоновой этот альянс явно нарушен: как можно допустить, чтобы человек, перенёсший блокаду, музыкант, педагог, мог влачить такое жалкое существование, да ещё и трудиться для общества на эти крохи?.. Даже те лекции о Рахманинове тематические и концерты, которые она проводит безвозмездно, должны приносить ей благодарность общества — и моральную и, чёрт возьми, материальную!.. В Америке немало людей, которые живут только чтением лекций, и неплохо живут — куда лучше, чем некоторые наши профессора; а читают эти лекции не с девяти утра до шести вечера, как лекторы в наших ВУЗах, а лишь один-два раза в неделю... Не может быть общество довольным своим состоянием, если кругом так много недовольных жизнью людей! Муромцев перебрал в уме всех встреченных на своём нынешнем волховском пути и убедился, что не встретил довольных... Что-то неладно в этом обществе; вот и Самсонова — она счастлива не тем, как устроена её жизнь, а весьма призрачным "счастьем Онега", даже не уверенная, нужно ли это кому-либо; больше того, она убеждена чиновниками от искусства, что все её потуги

и сам Онег не нужны обществу. <...> Почему же она не бросает "ненужные обществу" труды? Почему она уверена, вопреки чиновникам, в своей правоте? Да потому, что верит в незыблемое: общечеловеческий гений неподвластен чиновникам, чьё время обязательно минет, а общечеловеческие ценности пребудут всегда. Она борется с мельницами, грозящими измолоть её, и не мнит себя наследницей Дон-Кихота; она просто трудится, и нельзя не уважать её за это.

Она положила начало; уже существует Заповедник Рахманинова в Онеге, он уже — достояние общества и, рано или поздно, станет таким, каким должен быть»⁶.

Умерла Тамара Александровна 14 ноября 1990 года в Ленинграде.

Более двадцати лет она была не только Хранительницей Онега и па-

мяти С.В. Рахманинова, но неустанно пробуждала в новгородцах осознание сопричастности к имени и творчеству всемирно известного музыканта.

¹ В письме к Л.А. Филипповой от 16 января 1966 г. Т.А. Самсонова сообщает, что в 1928 г. она училась на первом курсе Ленинградской консерватории.

² Ныне — Нижний Новгород.

³ В начале 1990-х гг. эта сетка была похищена.

⁴ Ныне — Новгородская детская музыкальная школа им. С.В. Рахманинова. В то время она была единственной детской музыкальной школой города. Располагавшаяся в этом же здании (нынешний Отдел учёта музея-заповедника) Вечерняя музыкальная школа занималась обучением подростков и взрослых.

⁵ Ныне — Российский национальный музей музыки.

⁶ Ряховский Ю.В. Повесть первая: Путник // Последние дни лета: Исповедь неунывающего человека. Москва, 2001. С. 119–120.

⁷ Там же. С. 123–124.

Турбулентный 1917 год оказал влияние на всю Российскую империю, даже на самую западную её окраину — далёкий Аландский архипелаг, входивший в состав автономного Великого княжества Финляндского. После признания независимости Финляндии Советом Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным в канун 1918 года¹, Аландские острова оказались в двояком положении. Хотя архипелаг теперь не являлся частью бывшей империи и вошёл в новое независимое государство, российские солдаты оставались на Аландах до весны 1918 года. При этом аландские лидеры предпочитали смотреть в сторону Швеции, ожидая воссоединения с бывшей метрополией². Междоусобная финская война, бушевавшая на материке в январе–мае 1918 года, не способствовала сближению с Финляндией, а шведский и немецкий десанты, высадившиеся на архипелаге в феврале и марте 1918 года, лишь подогревали ожидание перемен. В этих условиях новая Россия, раздираемая Гражданской войной, оставалась на периферии интересов аландцев и зачастую вызывала негативные эмоции. Тем не менее жители архипелага в целом не были враждебно настроены ко всему русскому, памятуя о близком соседстве с российским гарнизоном и совместной, хоть и безуспешной, защите крепости Бомарсунд в ходе Крымской войны 1854—1856 годов от англо-французского десанта.

¹ Финляндский парламент одобрил Декларацию о независимости страны незадолго до этого — 6 декабря 1917 года.

² На Аландских островах традиционно говорят по-шведски, а местный замок Кастель-хольм в XIV—XVI веках являлся замком-спутником Стокгольма.

Алексей Востров

ЭЙОЛЬФ МАТСОН. СУДЬБА АЛАНДСКОГО ФИННА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Начиная с лета 1918 года, после вывода всех войск с островов архипелага, разрушения укреплений Або-Аландской шхерной позиции и в параллель со всё более мрачными сообщениями о хаосе и голоде, приходившими из Советской России, росло сочувствие к её жителям. Решение Аландского вопроса и окончательное признание архипелага финским³ позволило его жителям постепенно переключиться на сторонние проблемы, и когда в 1922 году состоялась крупная отправка международной помощи в Россию, организованная Шведским Красным Крестом в Стокгольме, Аланды приняли в ней активное участие.

Также на восток отправились некоторые молодые аландцы — либо по идейным соображениям, либо девушки, связавшие свою судьбу с русскими сол-

датами. Точное число советских аландцев⁴, но те немногие, попавшие в поле зрения, «обязаны» этому, в большей или меньшей степени, политическим репрессиям.

Самый известный из аландцев, оказавшихся в Советском Союзе, — Эйольф Георг Матсон (*Eyolf Mattson-Igneus*). Его биография — биография «красного генерала», выходит за границы архипелага и становится частью советской истории, в которой он оставил значительный след.

Мать Эйольфа, Эллен Августа Митлер (1873—1950) — уроженка Турку, а отец Матиас Георг Матсон (1867—1954) — аландец с острова Вордё, получивший образование в Хельсинском университете и проходивший стажировки в Германии и Англии. Крупный банковский служащий, судовладелец

³ Данное решение было принято по результатам отчёта специальной комиссии Лиги Наций в октябре 1921 года несмотря на то, что около 95% взрослого населения архипелага высказалось за присоединение к Швеции. Тем не менее Аланды получили значительную автономию в составе Финляндии, самоуправление и исключительное право на шведский язык.

⁴ Можно утверждать, что это были единичные случаи, так как большинство аландцев выражало консервативные взгляды.

и предприниматель, Матиас Матсон вёл свои дела не только в единственном городе архипелага Мариехамне, но и в столичном Хельсинки. Эйольф, старший из четырёх детей Матиаса и Элен, родился 22 июля 1897 года близ Сагу (фин. Сауво), расположенном в 30 километрах от Турку. Родовое имя Игнеус, представлявшее название семейной усадьбы (*Ignäs*), где мальчик появился на свет, стало позднее его второй фамилией⁵.

В детстве Эйольфа были путешествия к родственникам на Аландские острова, а также поездки в Турку, где он пошёл в школу. Его взросление проходило уже в Мариехамне, куда семья переехала в январе 1909 года. Блестяще окончив Аландский лицей, где помимо шведского изучал финский, русский, немецкий и французский языки, Эйольф поступил в местный политехникум. Молодой Матсон в 1915 году отправился на учёбу в Гельсингфорскую высшую техническую школу (Хельсинки), где изучал машиностроение и электротехнику. Студент Матсон постепенно сошёлся с левым крылом Финляндской социал-демократической рабочей партии, позднее ставшей Коммунистической партией Финляндии, и вошёл в её состав в ноябре 1916 года. В это же время он познакомился с другим известным финским коммунистом Отто Вилле Куусиненом.

Эйольф Георг Матсон. Фото 1918 г.

В самом начале финской Гражданской войны⁶, в феврале 1918 года, Матсон примкнул к «красным», в рядах которых позднее принял участие в кровопролитных сражениях под Выборгом. Уже 9 марта 1918 года он стал заведующим Отделом аппарата наркомата финансов революционного правительства

⁵ Нет ясного понимания, почему Эйольф в начале 1920-х годов стал использовать вторую фамилию, представляющую название усадьбы. По одной из версий, в Карелии, где он тогда служил, было много людей по фамилии Матсон. Также известно, что некоторые красноармейцы, передвигавшиеся по Карелии с фальшивыми паспортами, использовали фамилию Матсон в качестве прикрытия.

⁶ В современной финской историографии её называют по-разному: чаще всего, *междоусобной, внутренней, освободительной*. Она продолжалась с 27 января по 15 мая 1918 года.

Имение Игнэс в Сагу, где родился Эйольф Матсон

Финляндии, членом Комиссии по делам Финляндии в Советской России. Но после поражения финской Красной гвардии бывший студент вместе с другими отступавшими красноармейцами переехал в Петроград, где первое время работал шкипером на буксире «Карху», курсировавшим по Неве. В первый день лета он записался на курсы Красных командиров в Москве, а ровно месяц спустя вступил в РКП(б).

В сентябре того же года Эйольф Матсон пополнил ряды Красной Армии, в составе которой успешно воевал в Карелии и под Мурманском. Кроме того, в 1918—1919 годы он закончил Финские командные курсы в Петрограде, 2-е Московские пехотные командные курсы, а также преподавал на 3-х Финских командных курсах. В апреле 1919 года вместе с группой других выпускников, а часть из них были финнами, Матсона направили на Мурманское направление Северного фронта — в Финский стрелковый полк командиром батальона и начальником боевого участка

Мурманского направления. Батальон под командованием Матсона особо отличился в конце сентября 1919 года в Лижемской операции, имевшей решающее значение для всего Северного фронта. За это командира отметили орденом Красного Знамени, однако награждение состоялось намного позже — в июне 1924 года.

Участник операции

Е. Линовский оставил следующие воспоминания о тех событиях: *«Это был замечательный отряд, известный всему фронту <...>. Отряд и его командир т. Матсона знали все в Карелии, не только красные, но и белые <...>. Бойцы отряда отличались бешеной, какой-то нечеловеческой храбростью. Отряд действовал всегда на самых опасных местах, на флангах, в тылу у белых, и пользовался <...> большой самостоятельностью».*

В Заонежских боях близ деревни Сигово Эйольф получил ранение и его отправили на лечение в Петроград, после чего откомандировали в Москву. Здесь 1 февраля 1920 года Матсон поступил в Военную академию РККА (позднее переименованную в Военную академию имени М.В. Фрунзе), во время обучения в которой получал специальные секретные поручения. Так, в марте 1920 года его включили в состав делегации Л.Б. Красина и М.М. Литвинова, чей путь лежал через Скандинавию в Англию для восстановления торговых и политических отношений Советской России с западными

ми странами. Во время миссии прошли переговоры с синдикатом шведских фирм в Стокгольме, состоялась встреча с делегацией Высшего экономического совета Антанты в Копенгагене, а в мае Красин прибыл в Лондон для переговоров с британским правительством.

Семь месяцев Эйольф Матсон находился в составе делегации под руководством Литвинова в Копенгагене, периодически посещая Стокгольм. Здесь за ним шла неустанная слежка шведской полиции, так как бывшего студента и красного командира опознали через 15 минут после первого прибытия. Возможно, поэтому до сих пор неизвестно о причинах включения в состав делегации курсанта Военной академии. О втором секретном задании известно намного больше. В первой половине 1921 года по личному поручению В.И. Ленина, о котором Эйольф Матсон очень тепло отзывался в своих воспоминаниях, он сопровождал Луизу Брайнт — супругу американского журналиста и писателя Джона Рида. Во время поездки по Центральной Азии они посетили Бухару и Туркестан.

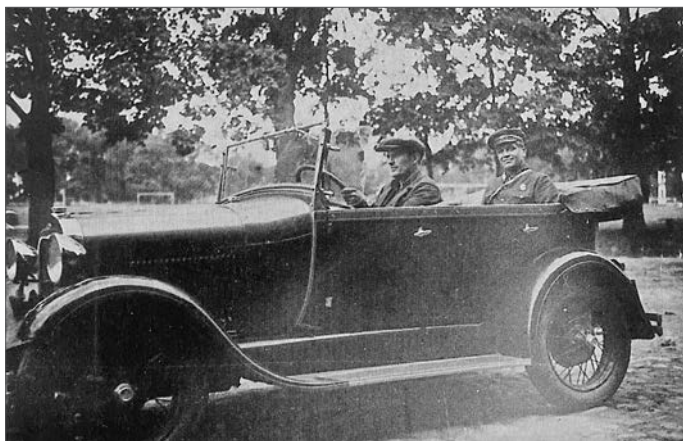
Позднее, летом 1921 года, аландский финн работал секретарём-переводчиком шведской делегации на III конгрессе Коминтерна в Москве. Здесь он снова встретил Дису Энгстрём, работавшую переводчицей в делегации Красина-Литвинова, с которой он был знаком ещё во время учёбы в Хельсинки. Их дочь Эльна, носившая фамилию Миланова по фамилии первого мужа Дисы, родилась в апреле 1924 года. Позднее она так описала отца: «У него был ясный аналитический ум и технические способ-

Эйольф Матсон в Копенгагене в составе делегации Красина-Литвинова. 1920 г.

ности. <...> Он был спортивного телосложения, всегда по-военному подтянут, открыт и обаятелен, хорошо говорил по-русски несмотря на акцент».

Диса с полугодовалой дочерью на руках не последовала за гражданским мужем в «мрачные карельские пустоши», как она написала в одном из писем, решив сохранить работу в Наркомате иностранных дел и квартиру в центре Москвы. Отношения постепенно пришли в упадок, и в Петрозаводске Эйольф встретил Ольгу (Люси) Деменчук, с которой позднее расписался в Бобруйске.

Э.Г. Матсон в Новгороде в качестве начальника штаба пехотной дивизии. 1928 г.

Там родилась их первая дочь Ильза, а в 1926 году семья вернулась обратно в Петрозаводск, где оставалась до конца 1928 года.

Постоянная смена места проживания была связана с назначениями Матсона. 23 сентября 1922 года, окончив Военную академию РККА, успешный офицер получил назначение в Сестрорецк, расположенный на Карельском перешейке на границе с Финляндией. В качестве командира роты пограничной службы он активно участвовал в организации погранзастав и устройении быта своих подчиненных. В июне 1923 года Эйольф стал заместителем начальника штаба пограничной службы Автономной Карельской ССР в Петрозаводске, а в мае 1924 года был направлен в командировку в Бобруйск на должность командира Десятого стрелкового полка. В Петрозаводск он вернулся 8 сентября 1925 года, где занял должность командира Отдельного карельского егерского батальона (такое

именование — инициатива самого аландца), позднее переформированного в собственную армию автономной советской республики.

Однако межнациональные трения, возникшие между русскими и финскими офицерами, составлявшими костяк армии, спровоцировали новый перевод Матсона. С декабря 1928 по сентябрь 1930 года он в Новгороде служил начальником штаба

16-й Ульяновской стрелковой дивизии им. В.И. Киквидзе Ленинградского военного округа — по сути, получив повышение, что отмечается в письмах его супруги Ольги. Впечатления Эйольфа от службы в Новгороде можно отследить по одному из сохранившихся писем от марта 1930 года: *«Жизнью семьи здесь доволен. <...> В основном время тратится на чтение и работу. Я сам смастерил четырехламповый приемник, с помощью которого слышу всю Европу. Это доставляет большое удовольствие...»*. В Новгороде Матсон служил недолго, всего полтора года, поскольку получил новое назначение на должность начальника противовоздушной обороны штаба Белорусского военного округа в Смоленске. Приказ о переводе был подписан наркомом обороны Климентом Ворошиловым 20 июля 1930 года.

В Петрозаводск он вернулся в ноябре 1931 года на должность командира Отдельной карельской егерской брига-

ды. Также Эйольф вошёл в состав местного обкома партии, тесно общаясь с партийной элитой и постоянно выступая на заседаниях, активно боролся с неграмотностью солдат. Карьера постепенно шла в гору, и в 1934—1935 годах Матсон служил уже командиром 31-й дивизии в Сталинграде, а в январе 1936 года в звании генерал-майора был откомандирован в Москву — в качестве начальника Факультета тактики Московской военной академии имени Фрунзе.

В столице аландец встретил своих друзей-земляков: писателя и журналиста, работавшего в Коминтерне, Аллана Валлениуса, хорошо знакомого с В.И. Лениным, и его супругу Алису, переводившую работы вождя пролетариата.

В это же время продолжалась переписка Матсона с отцом, который, судя по всему, неоднократно призывал сына вернуться на Аланды...

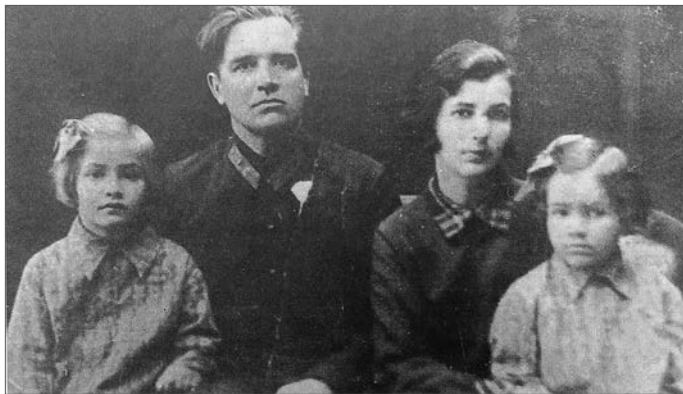
Казалось, что аландского финна ждёт дальнейшее продвижение по службе: его деятельность высоко оценивал маршал М.Н. Тухачевский, он жил по соседству с Б.М. Шапошниковым, вскоре ставшим начальником Генштаба РККА... Но весной 1936 года начались чистки «Большого террора» в Карелии: партийное руководство было репрессировано, а егерская бригада распущена. Под репрессии попал и Эйольф Матсон: его

Карельский егерский батальон в Петрозаводске. 1926 г.
Э.Г. Матсон в центре

арестовали 25 мая в Москве в связи с обвинением в контрреволюционной агитации, шпионаже, троцкизме, терроризме и в подготовке финского националистического заговора.

После 13-ти месяцев следствия в июле 1937 года он был приговорён к расстрелу по статье 58-10. Вскоре смертную казнь заменили десятью годами трудового лагеря: Матсона направили в Карлаг в Казахстан с последующими тремя годами ссылки, которую позже продлили до пяти лет. Уже после освобождения в 1946 году он принял участие в строительстве Норильска в качестве начальника технического отдела местного комбината. Лишь в 1951 году ссылка закончилась и он смог вернуться к семье. В Краснокамске Пермского края долгие годы его возвращения ожидали супруга Ольга Сильвестровна, дочери Ильза (1925), Ира (1926) и сын Ярл (1933).

Эйольф Матсон с семьёй в Петрозаводске. 1932 г.

После смерти Иосифа Сталина Матсона полностью реабилитировали, в 1957 году восстановили в звании полковника, но не генерала, что сильно его расстроило. В дальнейшем он работал начальником планового отдела треста «Пермнефтестрой». Однако уже год спустя Эйольф вышел на пенсию, когда все формальности по восстановлению его звания были завершены. В самом начале 1960-х годов он сумел связаться с друзьями и родственниками в Хельсинки и на Аландских островах, но его заветное желание вновь увидеть родные края так и не исполнилось. Поначалу финские власти не могли принять решение, насколько возможно выдать визу «красному генералу» для посещения демилитаризованного Аландско-

го архипелага⁷, а когда разрешение, наконец, было получено, поездке помешала болезнь. Эйольф Матсон скончался 26 мая 1965 года и был похоронен в Краснокамске — вдали от родины и от ставших ему родными Петрозаводска, Новгорода и Москвы. Свой побег в Советскую Россию в далёком 1918 году в одном из писем 1961 года он назвал

«юношеским безумием».

Его отношение к событиям, в которых довелось участвовать, можно найти в письме к подруге времён Гражданской войны А.М. Хартикайнен-Валли — бывшей санитарке 164-го Финского стрелкового полка в Карелии: *«Я с удовлетворением вспоминаю, что всем нам, и прежде всего мне, не знавшему нужды гельсингфорсскому студенту, судьба позволила участвовать в великих событиях великого времени, которые требовали сильного характера и крепкой воли. Наша жизнь была чем угодно, но не тихой, благополучной жизнью мелкого буржуа. Только очень немногим достаётся такая жизнь при распределении ролей на великой и драматической арене истории...».*

⁷ Фигурировал термин «дипломатические затруднения». Аландские острова после окончания Крымской войны 1854—1856 годов имеют демилитаризованный статус, частично нарушавшийся только на время двух Мировых войн. Для посещения военных (в том числе финских) необходимо специальное разрешение. Возможно, именно последнее обстоятельство сыграло свою роль в долгом решении вопроса, но также стоит учитывать крайне негативное отношение аландцев к «красным финнам» в тот момент времени из-за традиционных консервативных взглядов (все ключевые решения, связанные с внутренней политикой архипелага, принимает автономный Аландский парламент).

Отрывки из писем Эйольфа Матсона [7, с. 88–89].

Краснокамск. 14.08.1957 г.

Как только подумаю о тех прошедших днях, так встают картины наших походов и сражений. Много было, наверно, неоправданного, и после тяжелого опыта жизни не раз приходили мысли о том, что все те годы были для нас большой романтикой. И если иногда «летели щепки», не говоря уже о деревьях, которые «вырубались», то в этой буре можно было выстоять, имея лишь крепкие корни. Кажется, удалось выстоять и многим из нас... Я мог бы сказать словами Сократа: «Благодарю олимпийских богов, что мне было суждено родиться во времена Перикла и стать свидетелем и участником его славных деяний».

Краснокамск. 08.09.1957 г.

Пришел приказ из Министерства обороны, которым мне возвратили воинское звание, правда, не бригадного генерала, а полковника. Вначале меня это огорчило. И я даже обратился за разъяснением в приемную Хрущева. Но мне пришлось разъяснение, что это тоже высокое звание и соответствует якобы довоенному генеральскому. Я не стал спорить против этих очевидных натяжек. Приказ позволяет мне носить форму. Дали хорошую пенсию. Сегодня же из отдела

кадров Министерства обороны получил от генерала Голикова и хорошую аттестацию. Отнесу в райком партии.

Краснокамск. 27.09.1957 г.

Вчера был на заседании райкома партии. Решалось мое дело. Из беседы и выступлений членов райкома я понял, какую большую работу проделала в последние годы партия по восстановлению партийных норм и возвращению добрых имен незаслуженно репрессированным. Я сам, к сожалению, оказался зернышком в этой гигантской мельнице лжи, наветов и слепой борьбы с так называемыми врагами народа. Мнение на бюро было единодушным: восстановить меня в партии с сохранением моего стажа с 1918 года. Я был настолько взволнован и взбудоражен и этими выступлениями, и своими мыслями, что едва нашел выход.

Подумать только, что и я в своей жизни пережил много такого, о чем не поведать во всех этих письмах и малой

Эйольф и Ольга Матсон в Краснокамске. 1961 г.

доли всего произошедшего за эти годы. Можно сказать, что я прокипячен в семи жизненных бульонах. Я был удивлен услышать в свой адрес столько добрых и достойных слов удивления и сочув-

ствия, что и сам удивился, что все это вынес и пережил. На досуге я даже попытался написать о своих жизненных злоключениях повествование в духе «Кантелетар» на мотив «Калевалы».

-
1. Engman M. Språkfrågan: Finlandssvenskhetens uppkomst 1812—1922. SLS, Helsingfors, 2016.
 2. Gustavsson K. Venäjän laivaston sotaturmat Ahvenanmaalla vuosina 1914—18 // Venäläissurmat Suomessa. Helsinki, 2004. S. 65–92.
 3. Kivalo E., Mittler R. Eyolf Mattson — från åländsk teknolog till general i Röda armén. Översättning av Heidi Mittler. Mariehamn: Ålands kulturstiftelse, 2001.
 4. Meinander H. Nationalstaten. Finlands svenskhet 1922—2015. Helsingfors: SLS, 2016.
 5. Skogsjö H. Ett svunnet Åland. Fyrtiotvå episoder. Mariehamn: Nya förlaget, 2010.
 6. Карелия: энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. А.Ф. Титов. Т. 2: К–П. Петрозаводск, 2009. С. 199–464.
 7. Костин И. Вернулся навсегда // Север. 2010. № 11–12. С. 58–92.
 8. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937—1941. Москва, 2014. С. 156–157.

*При оформлении статьи использованы фотографии из книги:
Kivalo E., Mittler R. Eyolf Mattson — från åländsk teknolog till general i Röda armén. Översättning av Heidi Mittler. Mariehamn: Ålands kulturstiftelse, 2001.*

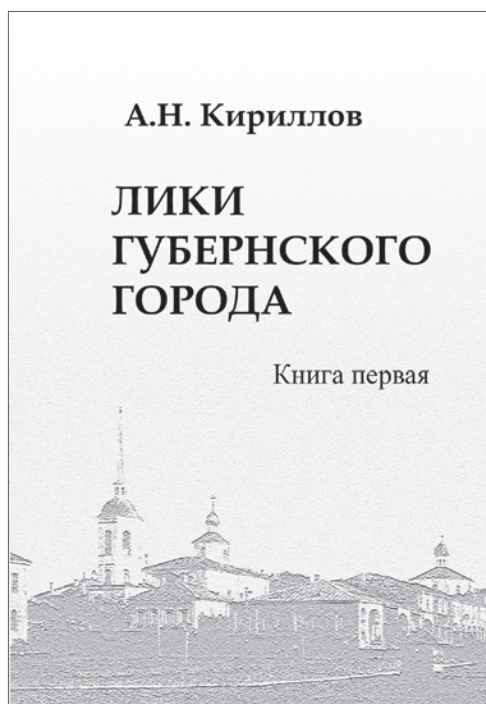

Наталья Морылёва

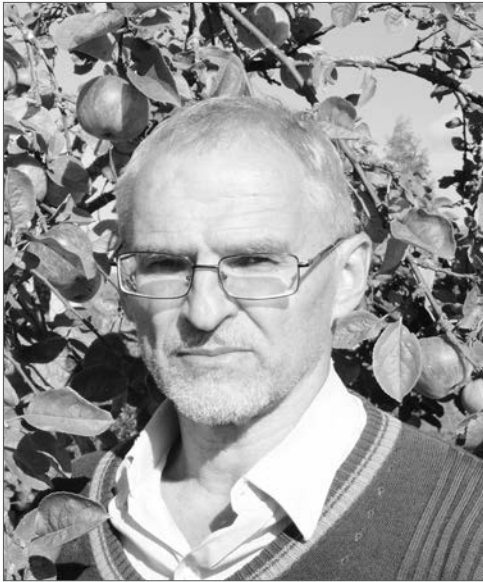
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Мечтали ли вы когда-нибудь, дорогие читатели, с помощью машины времени оказаться в ушедшем прошлом и увидеть, как наши предки жили и трудились, как протекали их будни и праздники, как выглядели улицы и площади городов, по которым ходили все эти люди, что смотрят на нас со старых чёрно-белых фотографий. Сосредоточенный взгляд, серьёзные, почти никогда не улыбающиеся лица, застывшие фигуры, но за этой статичностью пульсирует совсем иная, мощная, непохожая на сегодняшнюю, наполненная своими радостями, разочарованиями и свершениями жизнь...

Александр Николаевич Кириллов серией своих книг «Лики губернского города» даёт такую возможность, погружая нас в подробнейшую, повседневную жизнь Новгорода на рубеже XIX—XX веков. Автор создал уже пять выпусков, это полновесные по 300—400 страниц тома, состоящие из десятков очерков, наполненные столь разнообразной и объёмной информацией, что вполне справедливо звучат слова историка Геннадия Ми-

хайловича Коваленко, помещённые на обложке первой книги: «Книга А.Н. Кириллова является своего рода энциклопедией новгородской жизни и в то же время может служить путеводителем по Новгороду рубежа XIX—XX вв.».

Александр Николаевич Кириллов

Автор книги — уроженец Новгорода, при выборе профессии стоял перед дилеммой — геология или археология. Выбрал геологию и, окончив Ленинградский горный институт, много лет посвятил экспедиционной работе в самых романтических уголках Советского Союза: Памир, побережье Белого моря, Прионежье, Дальний Восток, острова Японского моря, побережье Камчатки, Нарьян-Мар... Вернувшись в Новгород, кем только не работал — почвоведом, охранником, инкассатором, писал стихи, создавал деревянную скульптуру, поделки из камня, занимался фотографией, но постоянная тяга к истории не оставляла его все годы. Он изучал исторические книги, слушал лекции историков, собирал интересные материалы и, как только вышел на пенсию в 2014 году, тут же целенаправленно взялся за поиско-

вую исследовательскую работу. Считая Новгород чрезвычайно важным звеном в российской истории, Александр Николаевич обратил свой интерес именно на изучение нашего региона.

«...история притягивала <...> погружение в неё было полно открытий. Я и раньше, прочитав и узнав что-то новое, имел привычку записывать поразивший или любопытный факт, событие, имя. Это было открытием для себя. Но это было открытие, сделанное другими. А теперь у меня появилась возможность направить свой поиск на иной уровень. Сразу появились темы, которые ещё не освещались. Восемь лет, можно сказать, "каторжного", но и любимого труда дали определённые результаты», — говорил в одном из своих интервью Кириллов.

Начались эти изыскания с губернских газет, которых в 1870—1917 годах вышло более десятка. Это официальные «Новгородские губернские ведомости» и «Новгородские епархиальные ведомости», частные универсальные и рекламные издания: «Новгородский листок», «Новгородская неделя», «Ильмень», «Новгородская жизнь», «Волховский листок», «Новгородский листок объявлений», «Новгородское студенчество», «Северный беженец»...

Они открыли для исследователя, описывая «сочно и интересно», разнообразную, наполненную событиями, новостями, происшествиями повседневную жизнь губернии и города. А потом была работа в новгородских архивах (Государственный архив Новгородской области, Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области), изучение более тысячи дел, сбор

ЛУЧШАЯ ЗАМѢНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Усовершенствованное
керосино-калильное освещение
СИСТЕМЫ
„ОРИОНЪ“

А. С. Шубинский

**ПАТЕНТОВАННЫЕ
ГОРОДСКІЕ ФОНАРИ**

силы свѣта до 1000 свѣчъ
для освѣщенія
улицъ, площадей, набережныхъ, мостовъ, рынковъ,
базаровъ, скверовъ и проч.

ЦѢНА ФОНАРЯ новыи А или В. 90 руб.
желтого хромированн. стл. 5 „
лебедки для подъема и опусканія фонаря 5 „
погонной сажени дровяннаго жала 30 „
ножнаго наоса 5 „
размнгателя 5 „

Дервянныя столбы могутъ быть изготовлены изъ любыхъ средствъ.

Съ заказами и заказами обращаться въ Главную Контору Общества и склада
Торговаго Дома „Орионъ“

С.Петербургъ, Гирская ул. д. № 1. Адресъ для телеграммъ: Петербургъ—Орионъ

Издатель А.
Типографія Тов. „Литературнаго Печать“, Копенгага, Дн.

Реклама керосинокалильного
освещения системы «Орион».
ГАНУ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1062. Л. 61

материалов по разным направлениям и темам. К этому прибавилось изучение всевозможных мемуаров, дневников, писем людей, имеющих хоть мало-мальское отношение к новгородской жизни этого периода. Замечу ещё, что автор так же обращается ко всем современным исследованиям, касающимся новгородской истории рассматриваемого в книгах периода.

В результате этих поисков накопился огромный массив информации: сотни имён и человеческих судеб новгородцев, живые зарисовки городской жизни, наполненные повседневными заботами о хлебе насущном и бурной общественной и культурной жизнью. Подробное

описание улиц с дотошным вниманием к каждому жилому дому, торговому заведению. «Очагу культуры» — общественному саду, кинематографу, театру; «гнезду порока» — ночлежке, трактиру, вертепу... Внимание к общественным объединениям, кружкам, спортивным организациям. Не забыты были и разнообразные аспекты бытования городского пространства и хозяйства — транспортное сообщение, система освещения, продовольственное снабжение...

Кладёзь информации для краеведа, историка, студента, но ориентироваться в этом пока ещё пятитомнике (а автор собирает и в дальнейшем знакомить нас с результатами своих изысканий) очень сложно.

С одной стороны, Александр Николаевич в авторском вступлении охарактеризовал свой труд как научно-популярные очерки. С другой стороны, тексты многих очерков достаточно суховаты, наполнены множеством имён, фактов, архитектурных терминов (в конце книги даже дан словарь этих терминов, которые не всегда известны читателю, обратившемуся к популярному изданию). Каждая информация, представленная в книге, имеет ссылку на тот или иной архивный или литературный источник. И их списки в конце очерков частенько переваливают за сотню названий. Всё это делает издание, скорее, научным, чем популярным. Да и сам автор признаётся в одном из интервью, что его книги — достаточно трудное чтение для неподготовленного читателя.

Как библиотекарь и человек, постоянно работающий с книгой, я прекрасно понимаю, что возможность полноценно

ориентироваться в издании и быстро находить необходимые сведения, при таком объёме информации, даёт только наличие обширного справочного аппарата. В первую очередь указателя персоналий и предметного указателя. И позволю себе предложить автору подумать над их созданием. Обидно, если весь этот уникальный материал будет использоваться только для однократного прочтения и не найдёт своего применения в научной сфере из-за отсутствия систематизации информации, дающей толчок к продолжению углублённого поиска по разным направлениям и темам.

Радуется богатый иллюстративный материал книги. Она наполнена фотографиями персонажей, с которыми нас знакомит автор, фото с видами города, рисунками, планами, схемами, литографиями, рекламными листками и плакатами, фотографиями знаковых событий, мест, предметной среды новгородцев, копиями архивных документов и объявлений из дореволюционной прессы.

Я долго думала, дорогие читатели, как подступиться к обзору этого издания. Представлять сразу пять выпусков? Но Александр Николаевич открывает нам настолько огромный пласт нашей новгородской истории, что полноценно рассказать обо всех книгах в одной публикации просто нереально. И я пришла к решению рассказывать вам о каждой книге в отдельности. Статья для вас проводником по этому неожиданно явившемуся моим современникам, словно всплывшему из глубин архивных хранилищ и забытых литературных страниц граду Китежу, повествующему «*об имеющей место быть*», разнообразной

Бывший флигель И.И. Игнатовского.
Фото А.Н. Кириллова. 2015 г.

и кипучей истории жизни губернского города Российской империи — Новгорода. Истории, которая отнюдь не закончилась с падением Новгородской республики, но которая была очень мало изучена и востребована в XX веке, по сравнению с эпохой Средневековья.

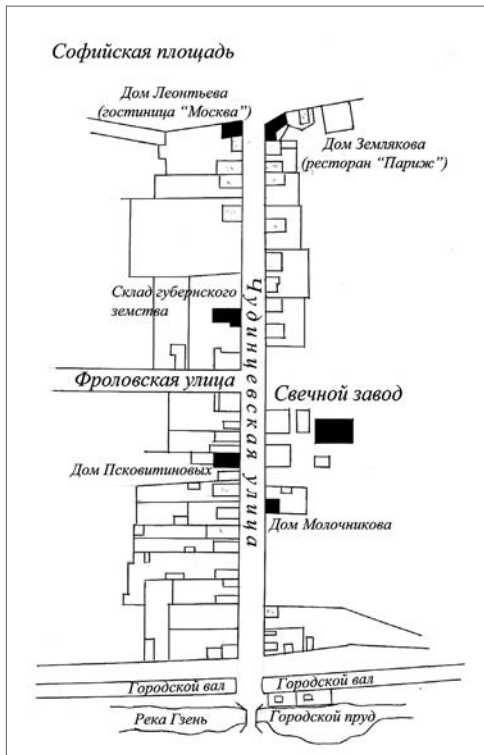
Рисунок из новгородского
журнала «Страж». 1906 г.

Итак: Кириллов А.Н. Лики губернского города / А.Н. Кириллов. Кн. 1. 2-е изд. Великий Новгород, 2021. 404 с.: ил.

Начиная с первых страниц книги, автор знакомит нас с местами проживания, торговли, развлечения, расположенными на Софийской стороне, вблизи Детинца. С улицами — Легощей (сейчас Людогощей), Чудинцевской, Предтеченской. А также с Летним и Софийским садами, находившимися на территории современного Кремлёвского парка. Со всеми подробностями рассказав нам о перипетиях содержания и управления этими достопримечательностями, как частными содержателями, так и городской управой, Александр Николаевич знакомит нас с теми увеселениями

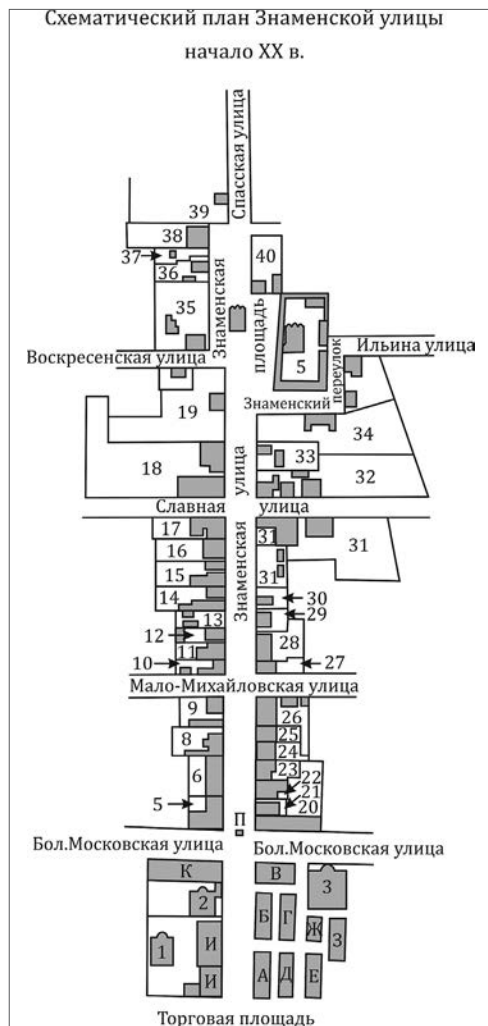
и развлечениями, что предоставлялись горожанам на территории парков, кроме возможности погулять по широким аллеям под сенью деревьев. Синематограф, кегельбан, скейтинг, каток, буфет с бильярдной, ресторан, кофейная, чайная, эстрада и театральные павильоны, где во время общественных гуляний играл военный оркестр, давались спектакли, комические представления, выступали цыганские хоры. Здесь же было летнее помещение Новгородского городского собрания, пункт чтения для взрослых. Все события, происходившие в парках — платные гуляния для сбора средств на разные городские нужды, хулиганские эксцессы, проекты и проекты, митинги и демонстрации, находили отражение на страницах новгородской прессы и приводятся автором в очерках. Эти очерки сопровождаются планами, открытками и фотографиями с видами сада, литографиями.

Рассказы об улицах открываются их схематическими планами, относящимися к началу XX века. От дома к дому проходим по «приличной» Легощей, на углу которой с Софийской площадью квартировал новгородский полицмейстер, располагались частные усадьбы, жилые дома, продовольственные лавочки, конторы фирм, читальни, церкви и часовни, типография и почтово-телеграфная контора... И переходим на улицу вертепов и притонов — Чудинцевскую, «где ночью небезопасно ходить без риска быть обобранными и побитым хулиганами» и где располагались пользующая дурной славой гостиница «Москва» и десятки питейных заведений. Какую бы улицу не описывал Кириллов, он

подробнейшим образом рассказывает о проживавших и работавших там новгородцах. Это сотни имён, десятки семей, населявших съёмные квартиры и собственные дома, торгующие в своих магазинах и лавочках... Биографические справки о многих из них далеко выходят за пределы хронологических рамок книги. Иногда Кириллов вспоминает об их предках, тоже связанных с Новгородской землёй, иногда история человека и семьи охватывает и советский период. Эти новгородцы — представители самых разных профессий, родов деятельности, социальных групп. Фотографии некоторых из них представлены в книге. Так же, как и фотографии многих строений с их архитектурным описанием и подробным рассказом об истории этих владений, множество раз переходивших из рук в руки. Немногие из представленных имён вошли в историю России. Это толстовец В.А. Молочников, создавший музей Льва Николаевича в своей усадьбе, или поэт К.М. Фофанов. Известность же большинства не выходит за рамки нашего города — местные предприниматели и чиновники, представители провинциальной интеллигенции, офицеры и священнослужители, городские обыватели и домовладельцы... Но именно из их жизни и складывалось, как из маленьких, казалось бы, незаметных мазков, обширное полотно повседневной и такой разнообразной новгородской жизни.

Не забыты автором и низы общества — бедняки, и лица привилегированного сословия, оказавшиеся на дне, нищие и мелкие воришки, хулиганы и босяки переходные... Для них существовали в Новгороде ночлежки и бес-

платные столовые. Работало Новгородское попечительное о бедных общество. Появилась в нашем городе и новая форма призрения незащищённых слоёв населения — Дом трудолюбия, где старались предоставить работу, жильё и питание. В главе «Новгородская "Вяземская лавра" или "Тру-ля-ля"» — рассказ об этом заведении, находившемся на углу Предтеченской улицы и одноимённой площади,

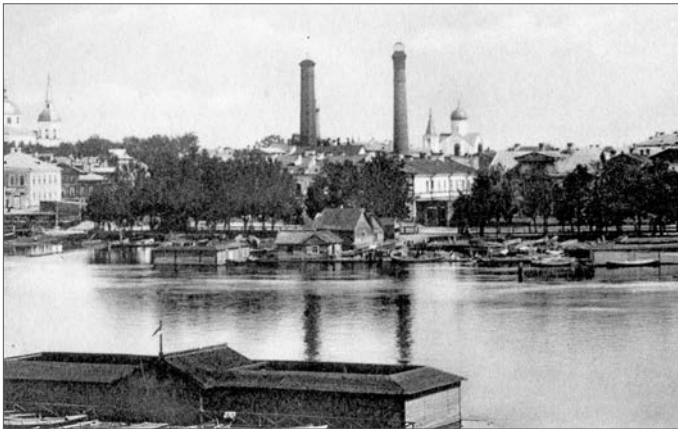
Вид на Соколю горку. Фото А.Н. Кириллова. 2013 г.

и роли городского головы Г.М. Сметанина в его создании. Ещё раз возвращаясь к этой теме в главе «Филимошкина горка и Новгородская "божедомка"», Александр Николаевич напоминает о месте погребения *«находимых на улицах мертвецов, безродных, неизвестных»*, которые обрели свой последний приют в скудельнице в районе Красного поля между Рождественским и Сокольничьим Никольским монастырями, на Соколей горке. Прав-

да, функционирование этого места относится к XVII—XVIII векам, а ко времени, описываемому в книге, Соколя горка превратилась в Филимошкину, как напоминание о хозяине расположенного здесь некогда заезжего двора, бывшего воровским притоном.

Перемещаясь в своём описании города с Софийской стороны на Торговую, Александр Николаевич не забывает рассказать о системе лодочных пере-

прав через Волхов, соединивших две стороны города, разделённого рекой. Существовало три перевоза — Ильинский, Антоновский и самый популярный городской — от современного моста Александра Невского в сторону устья Фёдоровского ручья. Городские перевозы брали в аренду частные лица. Герой очерка «"Анфан террибль" Волховских берегов» мещанин А.Я. Заболоцкий выжи-

На противоположном берегу Волхова видны обе купальни Заболоцкого и строения перевозчиков.
Открытка начала XX в. Из коллекции Ю.А. Маркитанова

мал из этого предприятия всё, что мог, не стремясь создать для пассажиров удобство и безопасность. Он же был содержанием и портомоем — мест для полоскания белья — летом на плотках, зимой в прорубях, и купален.

На Торговой стороне автор проводит нас по «Многоликой улице» — Знаменской, или Большой Знаменской (ныне Ильина). Улица эта не раз меняла не только своё название, но и протяжённость. В описываемый период она началась на Торговой площади у Гостиного двора и продолжалась до Знаменской площади, находящейся на пересечении со Славной. Мы опять видим подробнейший схематический план, фотографии и рассказ о каждом здании, строении, усадьбе, церкви, их архитектурных особенностях, хозяевах, жильцах, арендаторах. Чего только не находилось на этой улице, кроме торговых заведений: Николаевская женская гимназия, типографии, частная публичная библиотека И.И. Игнатовского, фотографический салон, музыкальная школа... А на перекрёстке Большой Московской и Большой Михайловской улиц стоял открытый в 1913 году памятник Александру II, скульптора А.М. Опекушина, автора памятника А.С. Пушкину в Москве.

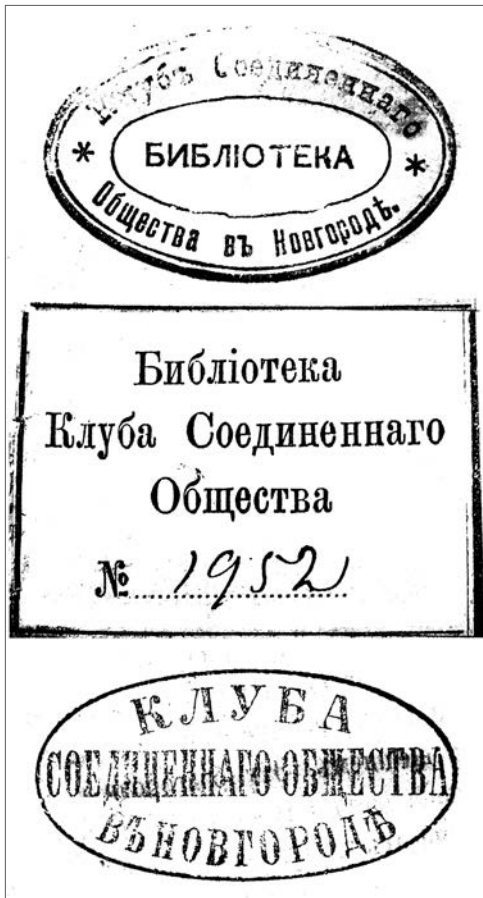
Автор, описывая в начале этого очерка все лавочки, магазины, фирмы торговых рядов, в следующем повествовании — «Чрево города» — возвращается в эту же точку городского пространства и подробно рассказывает о конгломерате разнообразных заведений, находящихся в Гостином дворе, который был не только сосредоточением торговли. Он включал в себя городские присутственные

Памятник Александру II.
Открытие 1900-х гг.
Из коллекции Ю.А. Маркитанова

места, банк, Клуб соединённого общества, высшее начальное училище, подворье Сырковского монастыря...

Вплетая в повествование почерпнутые из городской прессы сведения, рисующие нам нравы, царившие в новгородской торговле, во взаимоотношениях городских властей, купеческого общества, городских обывателей, Александр Николаевич показывает некоторые колоритные фигуры. Торговка Лея Блох, полковник Н.И. Бобриков, смотритель Гостиного двора В.Н. Антошенок,

Штампы библиотеки
Клуба соединенного общества

которого местные жители именовали «хозяином Торговой площади и Молочной горки».

Клуб соединённого общества удостоился специального очерка под названием «Два клуба». Первый был, прежде всего, для «сливок общества», объединивших представителей купечества, дворянства, мещанства. Второй — это Народный клуб, на основе которого позже появился Общественный, объ-

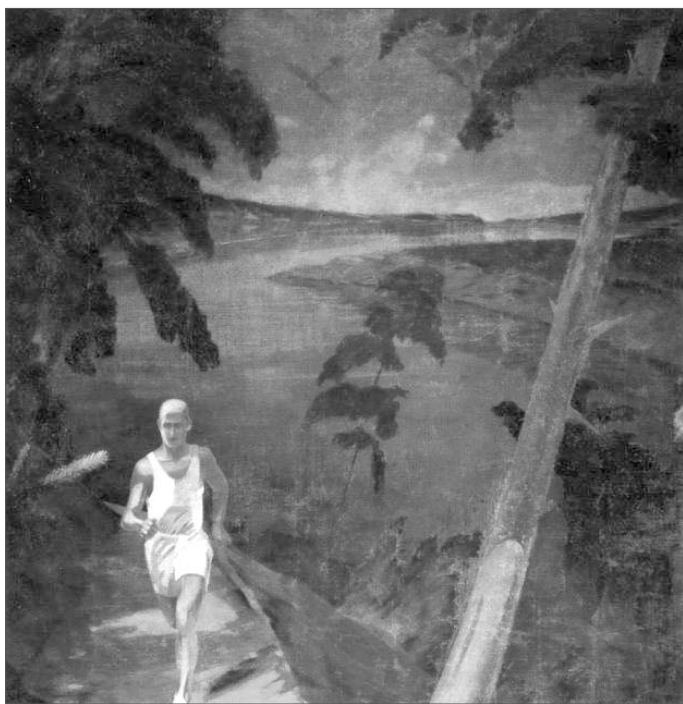
единял разночинную интеллигенцию, заражённую, по мнению руководителей жандармского управления и губернатора, некими революционными идеями. И были, вообще-то, правы. Некоторые члены клуба были замешаны в издании подпольного, крайне революционного «Новгородского вечеревого колокола». Соответственно и времяпрепровождение в этих клубах было разное. В первом — буфет, бильярд, карты, иногда кутежи, маскарады, на сцене регулярные спектакли любительских трупп. Была библиотека, хоровые и артистические кружки, устраивались благотворительные мероприятия и семейные вечера. Во втором — общественные чтения, обмен мнениями, доклады, беседы на политические, хозяйственные темы, проходили выставки художников. А также спектакли, вечера, танцы, благотворительные лотереи, например в пользу «Общества вспомоществования недостаточным ученикам новгородского реального училища». Жизнь этих клубов, иногда с критической точки зрения, постоянно отображал в «Волховском листке» его редактор Н.И. Богдановский.

На рубеже веков в жизнь Новгорода вошли новые модные увлечения. Очерк «Страсти по спорту в патриархальном городе» знакомит нас со всей палитрой спортивных увлечений новгородцев. Хотя к началу XX века проводились конные соревнования, уже действовал Яхт-клуб, существовавший с 1898 до 1924 года, устраивались парусные и гребные регаты, и работало Новгородское общество велосипедистов-любителей. (Рассказ об этих двух спортивных направлениях — водном и велосипедном

спорте, благодаря обилию найденной информации, отражён Александром Николаевичем в отдельных очерках). Но, в целом, о развитии спорта в Новгороде в XIX веке говорить не приходилось. Постепенно через организацию детских игровых площадок, лекцию П.Ф. Лесгафта, организацию Новгородского спортивного кружка спорт начал входить в повседневную жизнь новгородцев — гонки на коньках и лыжах, лыжные экскурсии, шахматные турниры, борцовский чемпионат в Новгороде, состязания по лёгкой атлетике, лаун-теннис, крокет, футбол, хоккей. В состязаниях принимали участие жители города, а благодаря деятельности преподавателя А.А. Графа — и ученики реального училища. Универсальным спортсменом того периода был Г.П. Чупятов — победитель соревнований по конькам и велосипедному спорту, хоккеист, футболист, увлекающийся буерным спортом.

Город, городское хозяйство — огромный механизм, требующий пристального внимания со стороны Новгородской городской управы. Этим проблемам посвящено несколько очерков, рассказывающих о благоустройстве Новгорода — городском освещении, озеленении города, новгородских садах, огородах, о знакомой

и жителям современных городов проблеме бездомных собак и ответственности владельцев за своих питомцев, а также о транспортных проблемах. Транспорт Новгорода в ту пору была только «лошадиная сила», и автор пишет о существовавшей иерархии извозчиков — биржевые возчики, ломовики, «ваньки», системе организации биржи, о состоянии дорог, ценах на поездки, транспортных происшествиях, проблемах содержания лошадей... И ещё одному животному, в то время сопровождающему и городскую жизнь новгородцев — корове, посвящён отдельный очерк. Этот рассказ об условиях и правилах содержания скота в усадьбах, о выставках высокопородных животных плавно перетекает в повествование

Чупятов Л.Т. Пейзаж с красным деревом (Бег). 1938 г.

Древние дубы на Прусской улице.
Фото А.Н. Кириллова. 2017 г.

о новгородских скотобойнях, мясных лавках, колбасном производстве.

Наградные часы за отличную стрельбу.
Фото А.Н. Кириллова

Охота и рыбалка всегда были ещё одним средством добычи пропитания. Кириллов не обходит вниманием и эти виды занятий горожан. Члены Новгородского общества охоты, организованного в 1892 году, не только охотились на дичь, но и следили за должным состоянием угодий, выделенных для охоты, боролись с увеличением численности хищных животных, занимались выведением охотничьих собак. В это общество входило в основном новгородское дворянство, а в 1904 появилось Второе общество, куда входили охотники более низкого социального статуса. Существовали также Спортивный охотничий кружок и в квартировавшей в Новгороде воинской части.

В губернском центре стояли разные воинские части, иногда численность гарнизона достигала четверти от населения. В целях обучения и поддержания боевой готовности организовывались учения, в том числе и стрельбы, как из личного оружия, так и артиллерийские. Очерк «Стреляли...» посвящён этой теме, и толчком к его написанию послужили детские впечатления автора, когда новгородские мальчишки за железной дорогой в районе реки Веряжи раскапывали остатки стрельбищных валов в поисках пуль. Обращение к архивным материалам позволило восстановить историю организации стрельбищ и выделения городским управлением для этих целей земель, обросшую целым ворохом бюрократических документов.

С военным делом опосредованно связан и очерк о военно-патриотическом молодёжном движении «потешные». Началом этого движения послужило

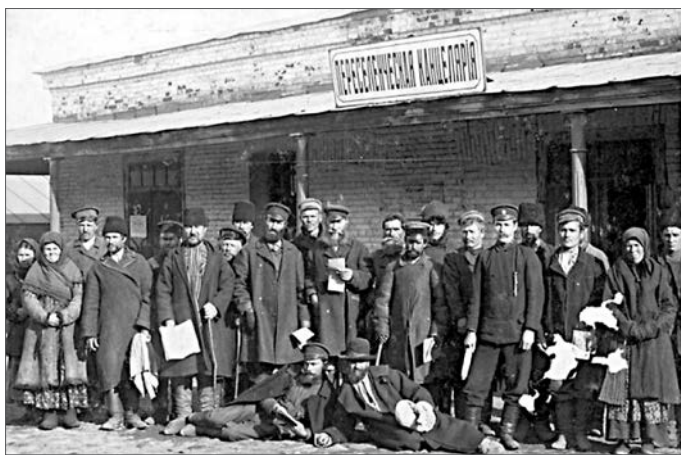
пожелание Николая II завести в деревенских школах обучение детей строю и гимнастике под руководством отставных унтер-офицеров. В 1910 году в Царском Селе уже состоялся смотр «потешных». В этот же год в новгородских школах появилось обучение строю и гимнастике и «потешные» появились в губернском центре и уездах, в том числе в церковно-приходских школах. Смотр 1911 года на Марсовом поле проходил с участием новгородцев, которые одновременно посещали с экскурсиями музеи, памятные места, смотрели спектакли, совершали поклонения в святых местах. С участием «потешных» проходили разные мероприятия и в губернии. С началом Первой мировой войны, несмотря на взрыв патриотизма в первые её месяцы, началось угасание движения.

Последним из 23-х очерков первого тома я хотела бы представить «Хождение на край державы». Это история о новгородских рыбаках, отправившихся «на разведку» к берегам Японского моря накануне русско-японской войны. Происходило это в рамках широкой программы по переселению крестьян на

«Потешные» на марш-параде во время Высочайшего смотра.
Фото 1911 г.

восток. Для добычи одного из главных богатств Дальнего Востока необходимы были профессиональные промысловики. Рыбная ловля — основное средство существования на протяжении нескольких поколений для крестьян Хутынской слободы, перестала, по различным причинам, служить основой для выживания семей. И группа слободских крестьян отправилась на разведку. Все перипетии

На переселенческом пункте. Фото нач. XX в.

организации их путешествия, впечатления от новых краёв, условия, которые они ставили перед властями в случае их переселения, отражены в архивных документах, представленных в очерке. Хотя на протяжении веков новгородские переселенцы осваивали громадные территории и расселились на землях от северо-западных границ до Урала и Западной Сибири, но этой переселенческой эпопее из-за начавшейся войны так и не суждено было воплотиться в жизнь.

Вот такой калейдоскоп разнообразных ликов губернского города Новгорода демонстрирует нам Кириллов в первой книге своего огромного труда. Города, жизнь которого наполнена тяжёлым трудом и интеллектуальной работой, массой событий и происшествий,

социальных инициатив и развлечений. И в центре всего — человек, новгородец, который, благодаря автору, обрёл своё имя и стал в ряд тех, уже известных персонажей, что создавали историю нашего города. Их жизни и судьбы начали проступать сквозь плотное полотно истории, на котором мощными мазками всегда рисовались великие события и знаменитые люди, а «маленькому человеку» здесь не находилось места. Сейчас наше восприятие истории меняется, нам становится интересен каждый персонаж в спектакле под названием Жизнь. И заслуга Александра Николаевича Кириллова в том, что он взял на себя труд познать нас с бесконечной плеядой лиц, событий, фактов, без которых не было бы и нашей сегодняшней жизни.

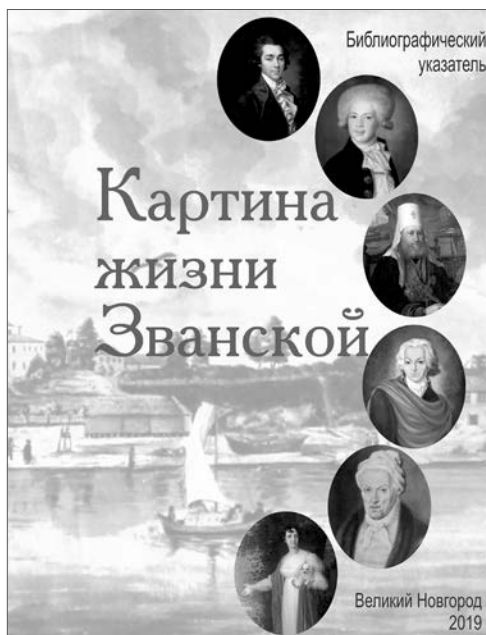

Нина Цинцадзе

НОВГОРОДСКИЕ БИБЛИОГРАФЫ — ХРАНИТЕЛИ НАСЛЕДИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Жизненный путь выдающегося государственного деятеля и поэта второй половины XVIII — начала XIX века Гавриила Романовича Державина был связан со многими территориями огромной Российской империи. Уроженец Казанского края он жил, гостил и по долгу службы бывал в Оренбургской, Олонецкой, Тамбовской, Калужской, Новгородской, Киевской и иных губерниях, Западном крае, Москве и Санкт-Петербурге. Особым местом для него была Новгородская губерния, где супруги Державины в 1797 году на высоком левом берегу реки Волхов приобрели имение Званка. Оно и вправду звало и манило для отдыха и творчества, сразу же превратившись в любимое место летнего времяпрепровождения Гавриила Романовича и Дарьи Алексеевны, а также их многочисленных родственников и друзей.

В Званке Державин создал 60 стихотворений, 5 театральных сочинений, продиктовал свои мемуары. Чудесные пейзажи Северо-Запада России действовали вдохновляюще и умиротворяюще на талантливого, энергичного, небезучастного к судьбе страны Гражданина-Поэта. Новгородская земля щедро питала силы Г.Р. Державина, особенно после его выхо-

да в отставку в 1803 году. Она же стала местом его вечного упокоения.

«Званский» период жизни Державина отражён в многочисленных источниках, публикациях, произведениях художественного творчества, расплывённых по архивохранилищам, библиотекам, музеям, интернет-пространству. Сотрудники информационно-библиографического отдела Новгородской областной универсальной научной библиотеки под руководством его заведующей Татьяны Ивановны Антоновой впервые

Татьяна Ивановна Антонова
выступает на научной конференции
«XXXVI Державинские чтения»
в Санкт-Петербурге

предприняли попытку систематизировать разрозненно представленную информацию, относящуюся к позднему периоду жизни и творчества Г.Р. Державина — 1797—1816 годам. Итогом кропотливой работы библиотекарей стал опубликованный в 2019 году библиографический указатель «Картина жизни Званской: Г.Р. Державин и Новгородский край» [1]. Как и все библиографические указатели, это издание специальное, не для лёгкого чтения, но для пытливых поисков и радостных находок. Его функция сродни задаче лоцмана — направить исследователей и интересующихся наследием Державина по верному пути, сориентировать в океане информации.

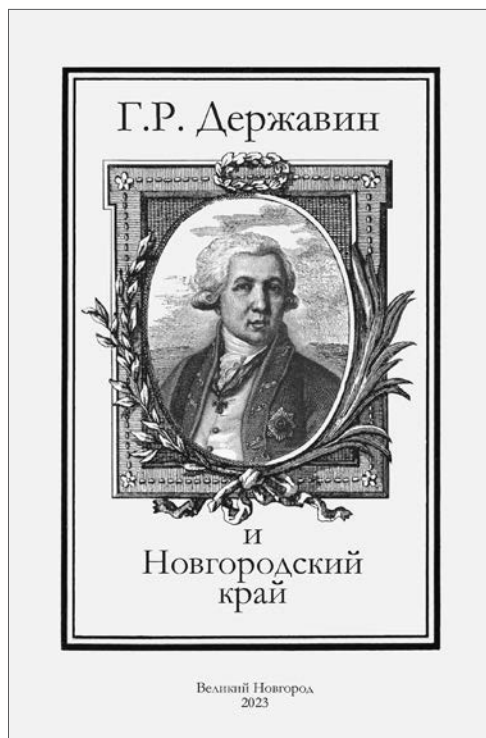
Представленное издание снабжено вступительными статьями от составите-

лей и филолога-державиноведа В.А. Кошелева, включает тринадцать тематических разделов, а также разнообразный и удобный в навигации научно-справочный аппарат. В книге содержатся материалы, посвящённые биографии, дружескому окружению, жизни в Званке и написанным там Гавриилом Романовичем произведениям, отражению личности поэта в искусстве и литературе, памятниках, памятных знаках, созданным в честь Г.Р. Державина мемориальным местам. Не обойдены вниманием публикации с описанием ряда архивных фондов. Всего указатель содержит 1438 библиографических записей. Немаловажно и то, что книга имеет оригинальное дизайнерское оформление.

Библиографический указатель аккумулирует большой пласт информации, хранящейся в каталогах и картотеках Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук, Научной библиотеки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Всероссийского музея им. А.С. Пушкина, Музея Г.Р. Державина и русской словесности и др. Составители охватили внушительный хронологический период публикаций — от начала 1800-х и до конца 2010-х годов. Наряду с классическим и эталонным изданием Императорской академии наук под руководством академика Я.К. Грота [2], первого биографа Державина, собравшего и систематизировавшего уникальные материалы о его жизни и творчестве, в указателе представлены менее известные исследования

и заметки дореволюционного, советского и новейшего периодов. Особенно ценно указание на работы современников Державина, оставивших воспоминания и впечатления от общения с ним. Среди них, например, митрополит Вологодский Евгений (Е.А. Болховитинов), с которым Державин дружил и подолгу беседовал на философско-религиозные темы, внучатый племянник, поэт и государственный служащий В.И. Панаев. Последний в 1817 году написал похвальное слово Г.Р. Державину. Добавляют красок в описание званских будней Гавриила Романовича сведения о его переписке с управляющим имением, друзьями, новгородским губернатором и другими, публикации о царивших в усадьбе быте и традициях. Много представлено работ об истории Званки в период проживания в нём супругов Державиных, непростой судьбе имения после их смерти.

Издание представляет интерес для специалистов в области истории России, истории культуры, краеведения, филологии. Оно является замечательным подарком для нынешних и будущих поколений хранителей, ценителей и исследователей обширного наследия Г.Р. Державина. Выражаем надежду на то, что подобная информационно-библиографическая работа будет успешно продолжена. В настоящее время сотрудниками информационно-библиографи-

ческого отдела библиотеки подготовлен к печати библиографический указатель «Г.Р. Державин и Новгородский край». Кроме печатных, в указателе представлены материалы из фондов новгородских архивов, а также фотодокументы. Научный консультант этого издания, как и предыдущего, — Н.П. Морозова, заведующая отделом Музея Г.Р. Державина и русской словесности его времени Всероссийского музея А.С. Пушкина.

1. Картина жизни Званской: Г.Р. Державин и Новгородский край / сост.: Т.И. Антонова, С.Н. Боброва, О.Н. Карпова, Г.Ф. Скоробогатых. Великий Новгород: Новгородская обл. универс. науч. б-ка, 2019. 278 с.

2. Собрание сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота: в 9 т. Санкт-Петербург: Изд. Имп. Акад. наук, 1864—1883.

Валерий Колотушкин

БЕСПРИМЕРНОЕ МУЖЕСТВО

В новгородском краеведении обращают на себя внимание две важные тенденции, нашедшие отражение в изданиях начала XXI века.

Во-первых, за последние десятилетия проведена большая работа по исследованию судеб участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Авторы активно обращаются к архивам и документальным материалам, размещённым на интернет-портале Министерства обороны Российской Федерации «Память народа» (pamyat-naroda.ru). В центре внимания исследователей как биографии новгородцев¹, так и подробности жизни участников войны, сражавшихся на Новгородской земле². Следует отметить учреждённое в 2005 году фундаментальное многотомное издание «Солдаты Победы. Ветераны Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», на страницах которого можно не только найти сведения о земляках — участниках войны, но и малоизвестные факты из биографий Героев Советского Союза, воевавших на Новгородской земле.

Вторая значимая тенденция — становление города Чудово и Чудовского района как крупного центра краеведения. Большая заслуга в этом принадлежит Почётным гражданам Чудовского района Эдуарду Степановичу Ольховскому, Валентину Николаевичу Папешину, Александру Андреевичу Ходякову. Увидели свет ценные и глубокие исследования³, с 1997 года ежегодно проводятся научно-практические краеведческие конференции «Чудово и Чудовский район», в 2010 году был учреждён научно-популярный журнал «Чудовский краевед».

В 2023 году был издан биографический справочник «Победители. Чудовцы — участники Берлинской наступательной операции и взятия Берлина». Автор книги — Александр Андреевич Ходяков, историк, краевед, журналист, создатель и главный редактор журнала «Чудовский краевед». Долгий период он возглавлял Чудовский краеведческий музей.

Во введении Александр Андреевич отмечает, что *«в разное время на страницах периодической печати и краеведческих изданий появлялись отдельные материалы о чудовцах — участниках битвы за Берлин»*. Ряд публикаций, использованных при подготовке издания, публиковались на страницах журнала «Чудовский краевед» в 2013—2019 годах.

Кроме того, установить неизвестные прежде детали военного прошлого участников Берлинской наступательной операции стало возможным благодаря тесному сотрудничеству краеведов и работников военкомата города Чудово, Чудовского и Маловишерского районов, отдела ЗАГС Администрации Чудовского муниципального района, родственников воинов, многих заинтересованных и увлечённых историей родного края людей.

Важными источниками сведений, используемых в книге, являются интернет-портал «Память народа», а также обобщённые банки данных «Мемориал» (obd-memorial.ru) и «Подвиг народа» (podvignaroda.ru). В сборнике приводятся подробные ссылки на архивные документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) РФ. В некоторых случаях указаны не только архивные

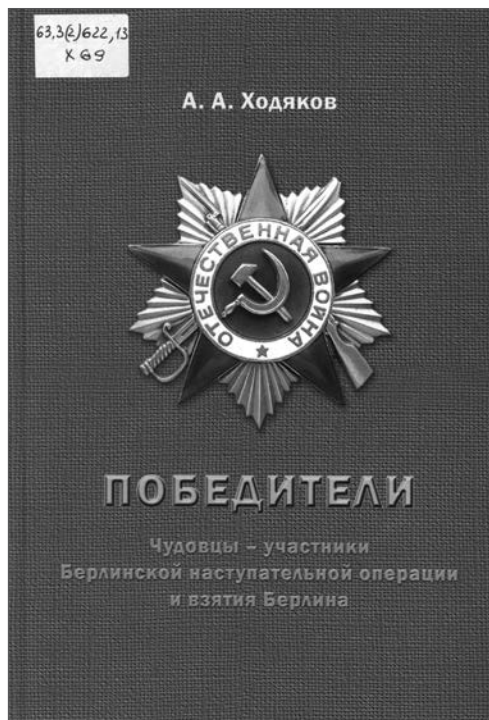

Александр Андреевич Ходяков

шифры и доменные имена, но и заголовки документов: краткие истории и исторические формуляры воинских частей, приказы, боевые донесения, журналы боевых действий, описания к схемам и другие. Издание содержит цитаты из документов ЦАМО РФ с характеристикой подвигам, совершённых чудовцами, и описанием боёв. Многие биографии дополнены фотографиями воинов.

Книгу предваряет вводная статья автора, где подробно представлен ход Берлинской наступательной операции, характеризуются источники и публикации, использованные при создании сборника, статистические данные о составе участников этой операции, судьбы которых связаны с Чудовским районом.

Берлинская наступательная операция — завершающий этап Великой Отечественной войны советского

народа против немецко-фашистских захватчиков, продолжалась с 16 апреля по 8 мая 1945 года. Непосредственно в Берлине ожесточённые бои по уничтожению окружённой в городе вражеской группировки шли с 26 апреля по 2 мая 1945 года. Гарнизону, сосредоточенному в столице Германии, противостояли 464 тысячи советских солдат и офицеров и 12,5 тысячи военнослужащих Войска Польского, советским командованием было сосредоточено 14,8 тысячи орудий и миномётов, около 1500 танков и самоходных артиллерийских установок, две тысячи самолетов.

В справочник вошли сведения о 172 участниках Берлинской наступательной операции и взятия Берлина: десяти женщинах и 162-х мужчинах. Из

них 142 воина — уроженцы города Чудово и Чудовского района, остальные 30 — это те, кто в разные годы жили и работали на чудовской земле; 155 человек вернулись домой с победой, 17 погибли на чужой земле, вдали от Родины.

Работа по поиску сведений об участии чудовцев в Берлинской операции осложнялась тем, что нередко данные об этом можно было установить только косвенным путём. Многие воины были удостоены медали «За взятие Берлина» и других наград за отличие в этом сражении, о чём свидетельствуют тексты наградных листов, процитированные автором книги. Но иногда таким подтверждением является факт службы в воинской части, дошедшей до столицы Германии — в таком случае А.А. Ходяков прослеживает боевой путь части, детально анализируя ход операции.

В биографиях чудовцев — участников Берлинской операции, отражены не только события Великой Отечественной войны, но и мирных послевоенных лет. Судьбы некоторых из них уникальны.

С первого дня Великой Отечественной войны воевал, защищая Брестскую крепость, уроженец деревни Сябренницы Николай Котов. В составе группы ему удалось вырваться из осаждённой цитадели 7 июля 1941 года и уйти в лес. Только 21 августа группа соединилась с частями Красной Армии в районе Гомеля. А летом 1944 года 1-я стрелковая дивизия, в которой воевал старший сержант Котов, участвовала в окружении и разгроме брестской группировки противника, и на завершающем этапе войны отличилась при прорыве вражеской обороны севернее Берлина.

В сборнике опубликованы письма или фрагменты писем чудовцев с фронта. Так, в очерке о капитане Александре Овечкине, командире эскадрильи ночного легкомоббардирочного авиаполка, сражавшемся в небе Берлина, процитированы его письма родным за все годы войны — с 1941 по 1945 год. В послевоенное время жизнь уроженца Чудова была связана с литературой, он занимался журналистикой, стал членом Союза писателей СССР, работал как детский писатель и публицист (литературный псевдоним — Алов).

Интересна биография парторга первого дивизиона плавучих батарей 1-й бригады речных кораблей Днепровской флотилии Виктора Иудина, уроженца деревни Шарья. В начале Великой Отечественной войны Виктор Михайлович вступил в партизанский отряд, который базировался в Аджимушкайских каменоломнях Крыма, и о нём упоминает в очерке «В керченских каменоломнях» советский писатель Константин Симон. Приказом командующего флотилии от 14 мая 1945 года Виктор Иудин был награждён орденом Отечественной войны II степени.

В сборнике можно найти информацию о чудовцах — Героях Советского Союза: командире 288-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковнике Дмитрие Берлинском и командире 295-й стрелковой дивизии генерал-майоре Александре Дорофееве. Александр Петрович Дорофеев долгое время считался уроженцем Карелии, но, благодаря разысканиям А.А. Ходякова, было установлено, что Дорофеев родился в семье приказчика Соснинского лесопильного

Александр Алексеевич Овечкин

Виктор Михайлович Иудин

Александр Петрович Дорофеев

Николай Александрович Котов

Дмитрий Михайлович Берлинский

Демьян Васильевич Кузов

завода на станции Волхово Николаевской железной дороги. И это подтверждают данные военного биографического словаря «Комдивы», изданного в 2014 году. Ещё один Герой Советского Союза — Демьян Кузов — до войны жил и работал в городе Чудово. Этого высокого звания командир 180-го гвардейского стрелкового полка был удостоен 31 мая 1945 года за выдающиеся успехи в Берлинской стратегической наступательной операции.

Александр Андреевич Ходяков провёл основательное и скрупулёзное исследование, отметив вклад чудовцев в завершающую операцию Великой Отечественной войны. При этом он показал своих земляков не только в бою, но и в труде.

Как отмечает во введении автор, он *«далёк от мысли, что данный биогра-*

фический справочник содержит имена всех чудовцев — участников Берлинской наступательной операции и взятия Берлина». Книга может быть дополнена, а опубликованные в ней очерки — стать ценным материалом для исследовательской работы краеведов и проведения уроков мужества в учебных заведениях.

В справочнике использованы фотографии, находящиеся в открытом доступе на интернет-портале «Память народа» Министерства обороны Российской Федерации, в фондах Чудовского краеведческого музея, школьных музеев Боевой Славы. Кроме этого, фотографии были предоставлены военным комиссариатом города Чудово, Чудовского и Маловишерского районов Новгородской области и родственниками воинов.

¹ Пороховников В.С. Герои — валдайцы без золотых звезд. Великий Новгород, 2012; Он же. Герои земли валдайской. Великий Новгород, 2010; 2-е изд., доп. Великий Новгород, 2014; Витушкин С.Ф. Наследники ратной славы Александра Невского. Новгородцы — кавалеры ордена Александра Невского. Великий Новгород, 2021; и др.

² Пороховников В.С. Защитники неба Валдая. Великий Новгород, 2011; Воевали в Маловишерском небе / авт.-сост. И.Н. Никитин. Малая Вишера, 2013; Иванов В.Н. Оживший образ героя-освободителя родной земли медведской. Великий Новгород, 2022; и др.

³ Ольховский Э.С. Летопись Чудовского района / под ред. В.Н. Папешина. Великий Новгород, 2007; Ольховский Э.С., Папешин В.Н. Великая Отечественная война на Чудовской земле. Чудово, 2015; Папешин В.Н. Люблю тебя, мой край родной: история города Чудово и Чудовского района / ред. О.В. Васильева. Великий Новгород, 2017; Он же. Известные люди Чудовского района. Великий Новгород, 2021; и др.

ВОСТРОВ Алексей Владимирович, *исследователь, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого*

ДЕМИДОВ Валерий Васильевич, *краевед, исследователь, Заслуженный работник культуры Российской Федерации*

ДУБРОВИН С., *путешественник (XIX — начало XX в.)*

ЗОРИН Борис Кириллович, *заместитель директора, заведующий отделом проектной деятельности Государственного архива Новгородской области, Заслуженный работник культуры Российской Федерации*

КИРИЛЛОВ Александр Николаевич, *краевед, исследователь, поэт*

КОЛОТУШКИН Валерий Геннадьевич, *заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение Государственного архива новейшей истории Новгородской области*

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, *кандидат исторических наук, доцент*

КУПРИЯНОВ Иван Куприянович, *краевед, исследователь, собиратель новгородской старины (1820—1878)*

МАРКОВА Татьяна Николаевна, *художник-педагог*

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, *главный библиотекарь отдела обслуживания пользователей и хранения фондов Научной библиотеки НовГУ*

ОСЕТРОВА Ольга Владимировна, *историк, исследователь, индивидуальный предприниматель*

ПАПЕШИН Валентин Николаевич, *краевед, исследователь (г. Чудово Новгородской обл.)*

ПЕТРОВА Людмила Алексеевна, *краевед, исследователь, Заслуженный работник культуры Российской Федерации*

ПИКАЛЁВА Дарья Александровна, *заведующая отделом литературы на иностранных языках Новгородской областной универсальной научной библиотеки*

ПОПОВА Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ

САЛОНИКОВ Николай Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ, директор Музея истории НовГУ, старший научный сотрудник отдела использования документов отделом проектной деятельности Государственного архива Новгородской области

СМИРНОВ Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, телеведущий, Почётный гражданин Великого Новгорода

ЦИНЦАДЗЕ Нина Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, директор научно-исследовательского центра «Государственно-правовое наследие Г.Р. Державина», Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Научно-популярное издание

Дизайн *Алексей Востров*
Корректор *Елена Ефимова*
Техническое редактирование и вёрстка *Элина Белоножка*

Фотографии предоставлены авторами статей,
взяты из открытых источников

В оформлении использованы прориси новгородских печатей из книги:
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати
Древней Руси X—XII вв. Т. 3. М., 1998.

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.11.2023.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура «Minion Pro».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14. Тираж 500 экз.
Заказ №

ISBN 978-5-4484-4684-9

9 785448 446849

